

A movie poster featuring a close-up of a man with brown hair and a beard, wearing a dark jacket with a fur collar. He is looking directly at the camera with a serious expression. The background is a dramatic landscape with a large, rocky mountain peak on the left, a forest of evergreen trees on the right, and a bright sun or moon in the sky. The overall color palette is warm, dominated by oranges, yellows, and browns.

Валентин Пичугин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

**Без права на
возвращение**

Валентин Пичугин

Без права на возвращение

«Автор»

2022

Пичугин В. Н.

Без права на возвращение / В. Н. Пичугин — «Автор», 2022

Фармацевтический холдинг "Здоровье без границ" готовится к последней проверке препарата для лечения стрессовых расстройств людей, переболевших коронавирусом, в "полевых условиях". Участникам эксперимента предстоит пройти через множество опасностей в условиях сибирской тайги. Западные спецслужбы пытаются завладеть результатами исследований. Помешать им в этом и разобраться в хитросплетениях смертельного квеста предстоит сотруднику компании Андрею Орлову.

© Пичугин В. Н., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Часть 1. Грешники.	6
Неаполь. Италия. 21 июня 2023 г.	6
Ярославль. Март 2023 г.	13
Село Борисово, Тамбовская область. 31 мая 2023 г.	19
Санкт-Петербург. 20 июня 2023 г.	27
Посёлок Рабочий, Омская область. 28 марта 2023 г.	34
Станция Бедное, Заволжье. Ноябрь, 2022 г.	41
Дивногорск, Пермский край. 13 апреля 2023 г.	49
Оренбург. 20 мая 2023 г.	61
Неаполь – Рим. Италия. 21 – 22 июня 2023 г.	73
Ярославль. Июнь 2023 г.	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Валентин Пичугин

Без права на возвращение

*«А если стал порочен целый свет,
То был тому единственной причиной
Сам человек: лишь он – источник бед,
Своих скорбей создатель он единый».*
Данте Алигьери. «Божественная комедия»

Часть 1. Грешники.

Неаполь. Италия. 21 июня 2023 г.

Выстрел раздался с дальних холмов. Странно, что он видел её полёт. Вначале пуля напоминала ему рассерженную осу, стремящуюся догнать и впиться в обидчика. Но при приближении, злобное насекомое уже выглядело жёлтой оливкой, летящей к нему по кратчайшей траектории. Удивительно, но он даже успел рассмотреть, как на её маслянистых боках вспенивались и закипали пузырьки воздуха, как хищно шипела она в предвкушении разрушить то, что было не ей создано. Он слышал, как пуля хрипит на подлёте, боясь потерять свою убойную силу. Так хрипит бойцовый пёс, роняя кровавую пену и задыхаясь от необъяснимой злобы, сдерживаемый строгим ошейником либо приказом хозяина.

Пуля вошла точно в лобную часть. Какие-то доли мгновения она задержалась внутри, будто знакомясь с содержимым черепной коробки, и с шумом, вынося это самое содержимое наружу, вырывая куски плоти и осколки костей, покинула своё временное убежище.

– Чёрт, чёрт! – всплывая и барахтаясь в лохмотьях собственного сна, Андрей отбросил плед. – Надо же, не дали собственную смерть досмотреть.

Соседи сверху продолжали ещё вчера начатую семейную разборку с битьём столовой посуды и неподражаемыми неаполитанскими ругательствами. Казалось, что супруги не ссорятся, а соревнуются в произношении скороговорок: кто больше знает, и кто быстрее выговорит. Более того, они их не проговаривали, а словно напевали, глотая гласные, как это делают не только в Кампании, но и во всей Южной Италии.

– Imbecillo! – истошно вопила жёнушка.

– Non me ne frega un cazzo! – не отставал в ответ её муж, смазливый итальянец, славившийся в округе своим любвеобильным нравом и донжуанскими похождениями.

Андрей знал, что скоро всё это закончится, жена поплачет ровно четыре минуты. Он засекал: интересно, как ей удаётся выдерживать из раза в раз этот точный хронометраж? А потом они выйдут в обнимку к подъезду, поцелуются и, заливисто хохоча, отправятся на пляж. Следующее семейное представление состоится не раньше субботы, за час до полуночи, с утренним повторением для тех, кто проспал.

Пожалуй, пора сварить кофе. Андрей не сомневался, что хозяин квартиры, которую он постоянно снимал на время командировок в Неаполь, приготовил для него любимый Kimbo в жестяной баночке. Конечно же, лучше спуститься вниз к тётушке Бенедетте, набожной толстушке, что не мешало этой пожилой итальянке виртуозно нецензурно выражаться и готовить лучший в мире эспрессо. Однако в планы сегодняшнего утра не входило общение с милой хозяйкой кофейни и выслушивание многочисленных городских новостей и сплетен, которые обаятельная бариста знала в предостаточном количестве. А если они иссякали, то Бенедетта выдумывала их сама. При этом она истово божилась, что почерпнула свежие слухи из самых проверенных источников.

Банка с молотым кофе была на месте. Поколдовав у плиты, Андрей поспешил на балкон, предварительно взглянув на улицу из-за занавески. Внизу волновалось людское море: вещевой рынок с продажей товара с импровизированных прилавков, а порой и с тротуара, был в самом разгаре. Тысячи покупателей и продавцов, многоязычная речь выходцев из Северной Африки и Ближнего Востока, случайно забредшие в поисках экзотики туристы и простые горожане, что-то делили, брали и возвращали, бурно обсуждали, ссорились и мирились. Ещё немного времени и этот людской водоворот не просто иссякнет, он внезапно испарится, растает без следа, будто и не было. И только обрывки упаковочной бумаги и плёнки будут какое-то время

шелестеть на ветру. Но и эти свидетельства недавних товарно-денежных отношений вскоре исчезнут, благодаря усилиям прилежных дворников.

– Всё, как всегда, – подумал Андрей, отхлебнул горячий терпкий кофе и вышел на балкон. Обилие солнечного света, солёный морской запах с Неаполитанского залива и голубое, слегка выпцветшее небо, изборождённое инверсионными следами сверхзвуковых самолётов.

– Ciao! Come va? – с балкона дома напротив две миловидные итальянки помахали ладошками. Видимо, это были благодарные зрители и слушатели недавно воевавших наверху Ромео и Джульетты.

– Bene. Grazie, – без особого энтузиазма отозвался Андрей и посмотрел вниз. Из подъезда, весело смеясь и что-то живо обсуждая, вышли виновники его раннего пробуждения и недосмотренного сна. Хотя, что там смотреть. Всё и так понятно. Девушки на балконе не возобновили общение и потеряли к нему интерес, переключившись на паренька, вышедшего на соседний балкон покурить. Перебивая друг друга, они оживлённо о чём-то чирикали. Юноша изредка вставлял пару слов, словно нехотя давал интервью на нелюбимую тему.

Андрей допил кофе и подумал, стоит ли мыть чашку или пойти в душ. В это время в дверь постучали. Кто бы это мог быть? Он не ждал никого, тем более в такое раннее время. Накинув халат, Орлов подошёл к двери, взглянув предусмотрительно в глазок. Неаполь – город с характером, порой с сюрпризами, иногда не очень приятными. Он испытал это на личном опыте. Здесь нужно быть ко всему готовым. Впрочем, если в карманах у тебя пусто, а на запястье не отсвечивают ролексы, ты можешь проваляться всю ночь на лавочке в Испанском квартале и тебя никто не тронет.

На лестничной площадке стоял в ожидании импозантный молодой мужчина лет тридцати. Не по сезону тёмный костюм, такой же тёмный батник и шейный платок. Судя по очень смуглому цвету лица – не местный. С большой долей вероятности тунисец или ливанец, – так для себя Андрей определил национальность гостя.

– Синьор Орлофф? – на чистом английском спросил незнакомец, пристально глядя в глаза.

– Да, верно, так оно и есть. Чем могу быть полезен?

– Вам письмо, – посетитель протянул оранжевый конверт и, резко развернувшись, поспешил удалиться. Длинная тонкая косичка подпрыгивала за спиной в такт его быстрым шагам по лестнице.

– От кого? – запоздало крикнул Орлов вслед посыльному, но было поздно. Никто не отозвался, лишь внизу натужено заскрипели пружины, и громко хлопнула подъездная дверь. Стало тихо.

Андрей вернулся в комнату, отложил письмо на прикроватный столик и направился в ванную, но тут же передумал, достал канцелярский нож, торчащий из органайзера, и вскрыл конверт.

«Дорогой Эндрю. Нам необходимо срочно встретиться. Место встречи и время – прежние. Надеюсь, мой дорогой друг, Вы помните о нём. Юрген»

Юрген Шефер. Шеф Южноевропейского отделения фармацевтического холдинга «НwВ». Он же, его давний наставник и работодатель. Если бы не солидная разница в возрасте и субординация, Андрей назвал бы его близким другом. Впрочем, шеф всегда подчёркивал, что считает его не просто подчинённым и ценным работником, а близким, младшим по возрасту, товарищем. Чуть ли не сыном.

Его знакомство с шефом состоялось ещё в конце нулевых, когда он, новоиспечённый выпускник «Плехановки», неожиданно-негаданно получил предложение продолжить стажировку при Исследовательском центре Стокгольмского университета. Уже в первые дни он был представлен своему научному руководителю Юргену Шеферу.

Эх, славно погуляли они тогда на радостях с друзьями,

а вместе с ними – весь второй этаж московского ночного клуба «Арагви». Андрей и сейчас помнит, как подтрунивали над ним в тот вечер Кирилл с Максимом, мол, найдёшь себе скандинавскую «модель», женишься и забудешь про нас. Да что там вечер? Тусили до утра. А потом? Пожалуй, они были правы: нашёл, женился и забыл. Нет, он помнил о своих лучших друзьях. Только встреча была с той поры единственной, без шумных пирушек и долгих приятных воспоминаний.

И с Эльзой его познакомил всё тот же Шефер, представив для знакомства шведскую красавицу, дочь своего стокгольмского друга – то ли дипломата, то ли торгового представителя. Эльза действительно была очень хороша собой: светлые пышные волосы, нежная кожа, идеально правильные черты лица, типично скандинавский тип, при этом у неё были карие, почти чёрные глаза. Не сказать, что Андрей потерял голову, но девушка ему понравилась и внешне, и сдержанной, приятной формой общения.

Спустя полтора года Шефер исчез, передав своего стажёра новому руководителю, с которым, надо сказать, у Андрея не заладилось, и он подумывал о возвращении назад в Москву. Да и стажировка подходила к своему завершению. Но всё тот же Шефер Юрген напомнил о себе неожиданным звонком из Хельсинки и предложил ему поработать вместе в одной, стремительно развивающейся фармацевтической компании «Health without borders» – «Здоровье без границ».

– Ни душа, ни завтрака, – Андрей озабочено посмотрел на циферблат, до назначенного времени оставалось чуть менее трёх часов. Интересно, что он там задумал? Подобные сурпризы от шефа не всегда нравились ему, но, скорее всего, какие-то обстоятельства не позволили начальнику позвонить и встретиться, скажем, в пиццерии Baba Tratoria, заказать восхитительный везувий с рикотто, апельсиновый сок и послушать уличных музыкантов и танцоров.

Ладно, перекусим в Казерте, кажется, при дворце есть приличная кафешка. Минуту подумав, Орлов огляделся, прикрыл балконную дверь, похлопал себя по карманам: телефон, ключи, бумажник, дорожная сумка. Кажется, всё.

Уже пересекая площадь Гарибальди и направляясь к Наполи Централ, Андрей вдруг почувствовал, что кто-то пристально смотрит ему в спину. На автомате он резко развернулся: тысячи людей пёстрой лентой обтекали его с двух сторон. Лишь зазевавшийся старик, наткнувшись на внезапно возникшее перед ним препятствие, что-то сердито пробормотал. Но и он вскоре растворился в живой реке, вливающейся в открытый зев вокзальных дверей. Только Джузеппе Гарибальди с высоты пьедестала с невозмутимым равнодушием взирал на спешащих мимо людей.

– Показалось, – Андрей улыбнулся. – Разве что памятник следит за мной?

Эта мысль его здорово развеселила, и в приподнятом настроении он вошёл в вестибюль железнодорожного вокзала, откуда планировал добраться до Казерты.

Экспресс ожидал пассажиров на второй платформе. Здесь было немногочисленно. Львиная доля желающих отъехать направлялась к поездам Чиркумвезувиана. Это было объяснимо: высокий туристический сезон в разгаре, и люди, жаждущие броситься в жаркие объятия уютных городков на Амальфитанском побережье, спешили к скрытым в утренней дымке величественным скалам Латтари и ослепительно-синим водам Тирренского моря.

Андрей отметил билет и занял свободное кресло в вагоне. Состав стремительно набирал ход. За окном мелькали зоны промышленных корпусов, чередующиеся с невзрачными двух и трёхэтажными жилыми домами. Да, до уровня зодчих древнего мира нынешним градостроителям далеко. Почему так?

Спустя некоторое время, урбанистические пейзажи сменились сельской пасторалью: на зелёных лужайках умиротворенно паслись коровы, виноградники широкими зелёными лен-

тами опоясывали пологие холмы, одиноко растущие древние дубы чередовались рощами благородного лавра.

Последний раз они вместе с Эльзой были в этих краях пару лет назад. Даже её северный темперамент растаял перед природной красотой южной части Апеннин. Она эмоционально реагировала на все, что было связано с сельскими картинками, мелькавшими за окном экспресса. Не важно, были ли это пастухи в забавных соломенных шляпах или собачки, безуспешно пытающиеся собрать воедино разбредшееся стадо; маленький трактор, в попытке взобраться на возвышенность или автомобиль, гружёный корзинами яблок и груш, из-за которых совсем не было видно водителя, – всё вызывало у неё бурю восторга и хохота, чем она несказанно забавляла других пассажиров вагона.

Куда всё это исчезло? В последние месяцы Эльза сильно изменилась. После той злополучной аварии, она вдруг сказала, присев на край больничной кровати, что им надо пожить отдельно друг от друга. Если бы у него было побольше сил, если бы в голове не работал отбойный молот, а может быть их было два или три, и все они соревновались друг с другом за право, кто громче грохочет, то он бы возразил или спросил о причинах такого решения. Но Андрей не сделал ни того, ни другого, устало прикрыв глаза. Наверное, это было расценено, как знак согласия.

Казерта, как и всегда, встретила его приветливо: растворённые в воздухе сливово-ванильные ароматы цветущей магнолии, лимонно-жасминовые фантазии лета и ещё что-то необыкновенное ... Интересно, но Андрею показалось, что раньше он не ощущал так ярко и выразительно эти запахи. Причём, и это его сильно удивило, он мог чувствовать их не в общем букете, а по отдельности, дифференцированно. Только вот некоторые ароматы были ему не знакомы. Была бы рядом Эльза, они посоревновались бы в подсчёте количества тонов и оттенков волшебных ароматов.

Дорические колонны Королевского замка молчаливо отсалютовали ему своим присутствием, когда он, предварительно оплатив билет, миновал Центральный вход в парк. Поразмыслив, что ещё не так жарко, а прокат велосипедов ещё не открылся, Орлов пешком отправился по дорожке. Он быстро миновал ту часть парка, что называлась «партер» с фонтаном Маргариты в центре, затем остановился у Дельфинов. Центральный зверь напомнил ему давнюю соседку по московской квартире, живущую этажом выше: те же выпученные глаза и постоянно открытый рот, будто от удивления. Когда Андрей был маленьким, то, выходя из квартиры, он поднимал голову вверх и всегда видел её, как будто она его караулила. Вывод напрашивался сам собой: выпученные глаза соседки от напряжения и боязни упустить из виду маленького Дрюшку. Но зачем он нужен был ей, так и осталось неразрешённой загадкой, а мама отмахнулась и сказала, чтобы не говорил чепуху.

Шагая мимо фонтана Эола, он вспомнил, что Эльза попросила показать, где же Эол. Андрей попытался поумничать, запутался в рассуждениях, они расхохотались, чуть не свалившись в бассейн с водой, распугав подплывших любопытствовать рыб.

У последнего фонтана Дианы и Актеона Орлов свернул направо, к входу в Английский сад.

Пройдя сотню шагов и свернув налево, Андрей оказался у окружённого густой порослью небольшого озера. Это было то самое условное место встречи, почти безлюдное и скрытое от любопытных глаз праздношатающихся посетителей парка. Надо сказать, их и без того было немного по причине грядущего полуденного зноя или других обстоятельств, ведомых только тем, кто принимает решение посетить это заветное место.

Однако на лавочке возле купальни Венеры Андрей никого не обнаружил.

– Знаете ли вы, мой дорогой друг, что создателем этого рая был ваш *omopimo*. Как это по-русски? Тётка! О, нет-нет! Тёзка? Тёзка, ес! – неожиданно раздался сзади знакомый голос. Навстречу ему, раскинув руки в приветственном жесте и широко улыбаясь, шагал Шефер. –

Да, да! Английский садовник Эндрю Грефер. Его подослал королеве Марии Каролине лорд Гамильтон под благовидным предлогом, мол, Её Величеству негоже бродить среди диких зарослей, тогда как вся Европа гуляет по английским паркам. И на денежки старушки наш добрый садовник поэкспериментировал вволю. Ведь славно получилось? А, Эндрю? И не смотрите на меня с укоризной. Мне, старику, две мили под солнцем прошагать уже не под силу. Я на шаттле прикатил, экипажи с лошадаками ещё не подавали.

– Ладно, не прибедняйтесь. Уж не пригласили ли вы меня, уважаемый Юрген, чтобы познакомить с историей развития ландшафтного дизайна в Италии? – в тон ему, с той же радушной улыбкой, отвечивал Андрей. – Надеюсь, что вы не желаете сделать мне предложение продолжить дело английского ботаника? В окрестностях парка много ещё не обустроенных и не облагороженных лесных участков.

– Что вы! У меня для вас более привлекательное предложение, – отвечивал Шефер.

Они тепло обнялись, и Андрей жестом предложил шефу присесть на скамейку, стоящую неподалёку.

Юрген достал из кармана небольшой пакетик, отсыпал в ладонь содержимое, слегка помял и лёгким движением швырнул в пруд. На безукоризненной глади зеркала водоёма тотчас появилась рябь, а возникающие круги волнения, пересекаясь и хаотично сталкиваясь между собой, напоминали неожиданно вскипевшую воду. Это десятки тёмных рыб, больших и поменьше, юрких и неповоротливых, всплыли из глубины пруда для трапезы.

– Всё как у людей. Кто пошустрее – гарантированно получит свою долю, медлительным – что достанется, если останется. Долго думающие – не получают ничего, – задумчиво произнёс Шефер, высыпая следующую порцию гранул.

– Ну да, ну да... А кто сильно поспешит – угодит в сковороду на обед рыбаку, – пошутил Андрей, пытаясь понять, для чего нужна эта сценарная пауза. Вероятно, предстоит какой-то важный разговор. Орлову казалось, что он хорошо знает начальника, ведь неспроста шеф пригласил его сюда, а это значит, что диалог – не для третьих лиц. Ему вспомнилось нехотать, как однажды в Стокгольме в закусочной на Страндваген они заказали сюрстремминг с молодой картошкой, брусникой и сливочным соусом. Из напитков сошлись на пиве. Юрген аппетитно уплетал квашеную селёдку, запивая пшеничным светлым, а Андрей, отведав угощение и не желая обидеть хозяев заведения, запросил шнапс, поскольку это блюдо было невозможно протолкнуть в желудок без крепкого спиртного. Через пару минут все в уютном кафе от младшего помощника повара до последнего посетителя знали, что у них обедает русский парень, хотя он об этом никому не докладывал. Позже они с Юргеном долго смеялись, вспоминая тот middag.

– Эндрю, – Шефер не поддержал шутку, – у нас действительно немного времени, и пригласил я тебя сюда неслучайно. Некоторые обстоятельства, о которых тебе знать необязательно, действительно требуют определённой конфиденциальности, и поэтому мы здесь.

Он обернулся назад и продолжил:

– Компания озабочена существенным отставанием нашего южно-европейского офиса по срокам испытания экспериментального препарата в постпандемийный период. Не думаю, что для тебя является секретом, что на первый план после «ковидных» волн выходят ментальные нарушения и психические заболевания. Они уже получили своё наименование с аббревиатурой ППСР – «постпандемийное стрессовое расстройство». Ведь, никто не предполагал, со сколь масштабной проблемой столкнётся человечество. По неофициальным данным число жертв всех разновидностей вируса составило более десятка миллионов, а число осложнений психического свойства у переболевших исчисляется сотнями миллионов.

Юрген на мгновение прервался:

– Ты ничего особенного не заметил по дороге сюда?

– Нет. А что я был должен заметить? – насторожился Андрей. – А, запах цветов? Аромат какой-то особенный. Раньше здесь так восхитительно не пахло, разве что скошенной травой и железной дорогой?

– Совсем ты у меня юный, Эндрю, да ещё и романтик, – шеф приобнял его, похлопал ладонью по плечу и продолжил. – Нет, я имел ввиду другое. Так вот, Центр не удовлетворён темпами наших исследований по подготовке к сертификации и практическому внедрению нескольких видов препарата под условным названием «Revival-X-47». Конечно, ещё хуже дела обстоят в индонезийском и центральноафриканском секторах. По известным причинам остановились испытания на Украине. Но мы не можем на них ориентироваться, они традиционно были аутсайдерами в подобных делах. Наша задача наверстать упущенное и попытаться догнать североамериканских коллег. В августе итоговые результаты «полевых испытаний» должны лечь на стол вице-президента компании в Оттаве. Эта дама не приемлет срыва сроков задания, да и контрактные обязательства жёстко принуждают нас исполнить порученное дело.

– Почему я? Вы же в курсе, что авария выбила меня из колеи на целую неделю? – озадачился Андрей и с улыбкой добавил. – А куда ехать? В какой ещё стране предстоит мне стать спасителем мира?

– Кстати, они хорошо платят. В этот раз твой гонорар составит 250 тысяч евро. При определённых условиях, конечно, – Шефер уклонился от ответа. – Как Эльза? Я в курсе ваших неприятностей с аварией. Славно, что никто не пострадал. За машину не волнуйся, она застрахована, и в ближайшее время компании возместят ущерб. Да, и ещё. Не надо посыпать голову пеплом: в мгновения опасности человек интуитивно спасает в первую очередь себя. Я поговорю с Эльзой. Думаю, что она должна всё понять и помириться с тобой.

Юрген помолчал и добавил:

– Ехать никуда не надо, а лететь предстоит в Россию. Знаю, знаю, – он сделал упреждающий взмах руками, – но мы же тебя не в Москву отправляем, а в Сибирь. Никто не вынуждает встречаться с друзьями юности, расценивай Россию, как географическую площадку, выбранную под исследовательский эксперимент. Не думаю, что ты горишь желанием отправиться в Южную Африку. К слову, там сейчас бушует Эбола. Или в Антарктиду, не хочешь ли, мой друг, на Южный полюс, где -80 по Фаренгейту?

Шефер довольно хохотнул и продолжил:

– Пару недель погуляешь по тайге, подышишь свежим воздухом, познакомишься с интересными людьми. Нет, они действительно забавные грешники, нуждающиеся в катарсисе. Вот ты им и поможешь обрести себя после множественных житейских потрясений. А задача будет заключаться в том, чтобы все участники группы живыми и здоровыми вернулись из похода. И вознаграждение будет напрямую зависеть от этого обстоятельства. При имеющемся опыте, я уверен, что ты легко справишься. А придёт время, напишешь книгу о своих славных походах по континентам. Без России она не будет полной, не так ли? И, пожалуйста, не выставляй там меня, в своих мемуарах, толстеньким требовательным кретином.

Андрей задумался:

– Надеюсь, что юридические детали утрясены? Насколько помню, компания никогда не была особо гуманна к испытуемым. Какие риски? Предполагаемый процент летальности?

– О каких рисках ты спрашиваешь? Это же заключительная часть испытаний препарата. Все лабораторные исследования прошли успешно и без потерь. Учитывая, что людей, недавно переболевших супервирусом, тащить в тайгу нецелесообразно, потому что они слабы, набор добровольцев в группу осуществлялся из числа перенесших стрессовые ситуации или находящихся в них постоянно. Во всяком случае, наши кандидаты физически способны переносить некоторые нагрузки. Страховки оформлены, стимулы объявлены. Кстати, у нас конкурс – семь человек на место, отбоя нет! – возбудился Шефер.

- Ладно, когда вылетать? – миролюбиво произнёс Андрей, поднимаясь со скамейки.
- Сегодня ночью, из Рима.
- Что за предостережения? Почему не из Неаполя?

– Видишь ли Андрей, по нашим каналам прошла информация, что конкурирующие компании по внедрению инновационного препарата хотят, мягко говоря, помешать нашему лидерству с выходом «Revival-X-47» на рынок продаж. На кону сотни миллиардов долларов прибыли. Будь осмотрителен и осторожен! Ты понимаешь о чём я говорю. И помни классика, «здесь жив к добру тот, в ком оно мертво».

Шефер помолчал, достал из портфеля пакет и протянул Орлову:

– Здесь все инструкции, билеты, паспорт, наличные. Иди, я ещё немного посижу. Здесь хорошо.

– До встречи.

Он прошёл уже не одну сотню метров, повернул к каскадам и не услышал, как в глубине сада, у озера, раздался звук, отдалённо похожий на выстрел или треск ломаемой сухой ветки.

Ярославль. Март 2023 г.

Ей показалось, что кто-то окликнул её в ночи:

– Агаааата!

Чужой голос прозвучал протяжно и тревожно. Не сказать, что она спала, но и не бодрствовала. Такое зыбкое состояние случается на поверхности дрёмы, нет ощущения, что ты выпалась, но нет и желания спать дальше. Женщина дотянулась до выключателя настенного бра: на циферблате часов – пятнадцать минут пятого.

– Ну и куда в такую рань? – вслух поразмышляла она. «Ведь и легла поздно, где-то в первом часу. Покурить или попытаться заснуть?»

Агата выбрала второе, подбила под голову поудобнее подушку, прогнав проснувшиеся мысли, и вскоре задремала.

– Будет день, и будет пища, – подумала она перед тем, как вновь заснуть. Неизвестно, сколько прошло времени, но ей удалось посмотреть два или три эпизода красивого, цветного сна. Как известно, под утро они бывают особенно яркие и светлые. Агата наслаждалась картинками из своего детства. Точнее сказать, она их не смотрела, а играла в «прятки», но не была уверена, пряталась ли или искала. Маленькая девочка в ситцевом платице ступает по свежим половицам нового бревенчатого дома, под ногами шуршат свитые в колечки древесные стружки. Солнечные лучи, пронизывая полумрак дома откуда-то сверху, заставляют их светиться янтарным цветом и пахнуть, подобно новогодней ёлке, когда её заносит с мороза в дом. «Почему никто не ищет и не прячется от меня? В этих тёмных, ещё не затянутых паутиной углах, можно удачно затаиться». Девочка направилась во мрак, покидая солнечную половину просторной избы.

– А вдруг я найду там разноцветные бутылочные осколки для калейдоскопа? – предположила Агата. Она была уверена, что эти стёклышки ждут её под слоем стружек и опилок. Надо только хорошо поискать. «Жалко калейдоскоп, который совсем недавно упал и разбился, а содержимое выпало в густую траву. Ведь он был почти новый». Из тёмного угла внезапно потянуло холодом и прелым запахом, то ли грибов, то ли мха.

– Раз, два, три, четыре, пять,

Я иду тебя искать...

Сильнейший удар в изголовье кровати чуть не сбросил Агату на пол. Приподнявшись, с дрожащими руками и колотящимся сердцем, она заглянула за спинку. «Так и есть – пусто! Что это было?!» Прежде чем спустить ноги с кровати, женщина зябко поёжилась, приподняла край свесившейся простыни и осторожно свесила голову вниз. «А кого ты там хотела найти? Барабашку? Полтергейст? Домового? Вот именно!»

Она встала с кровати, накинула на плечи, брошенный на стул халатик и подошла к окну. На улице по-прежнему было темно, лишь одинокий трамвай, заворачивая за угол соседнего дома, прощально сверкнул красными фонарями. «Не ясно, который же сейчас час?» В её понимании, уже давно должно было рассвети, но стрелки на часах всё также показывали пятнадцать минут пятого. «Давно пора поменять батарейку... Где же этот чёртов телефон?» В поисках, Агата забрела на кухню, наполнила чайник водой и поставила на плиту. «Неужели вчера забыла в офисе?» Как не напрягала память, не смогла вспомнить, пользовалась ли она им с вечера. «Ну что за дела? Не работает кнопка розжига газа. Где же зажигалка? Стоп! Соберись! Зажигалка там, где и сигареты... Тогда, где сигареты?!»

В поисках зажигалки и сигарет женщина снова подошла к окну, улица была пустынна. В зеркалах лужиц, застывших на асфальте, бледным мерцанием отражались тусклые фонари.

– Раз, два, три, четыре, пять,

Я иду тебя искать.

Будет плохо, коль найду,
Сердце я твоё возьму...

Ей стало не по себе, что за дурацкая считалочка? «Так, всё, надо извиниться перед соседями и ... А что она у них спросит? Который час? Бред какой-то! Они и так косо смотрят в последнее время, а тут скажут, совсем с катушек съехала». При мысли об этом, стоило бы улыбнуться, но было не смешно. Агата никак не могла собраться с мыслями, что же ей надо сейчас сделать. Судя по сумеркам, на работу ещё рано. А может быть сейчас не утро, а вечер? Так с ней было пару раз, когда очень уставшая, она возвращалась домой и засыпала без ужина, а ближе к полуночи пыталась вновь сходить на службу. Но, тогда всё быстро становилось на свои места. Женщина находилась в крайней степени растерянности. «Где же этот чёртов телефон?! Надо вернуться к стартовому началу». Она опустилась с опаской на кровать, потом ещё раз приподнялась и заглянула за спинку. Там никого и ничего не было.

– Для чего я завалилась снова в постель? – вслух спросила себя Агата. Ответа не было. Остатки нитей смысла расползались подобно затяжке на капроновых колготах, превращаясь в огромную дыру. Женщина снова резко приподнялась и заглянула под кровать. «А что я здесь хочу найти? Не обманывай себя. Я ищу точно не телефон! И не зажигалку». Нестерпимо захотелось курить. Всякий раз, желая завязать с этой привычкой, она оставляла пару сигарет на верхней полке кухонного шкафа. На чёрный день, чтобы не страдать при очередном «решительном» шаге: это моя последняя сигарета!

Агата снова поднялась с кровати, для чего-то ещё раз пристально взглянула на часы и изумилась – стрелки двигались, но показывали всё те же странные четыре часа и ещё пятнадцать минут. А может всё-таки шестнадцать пятнадцать? День сурка. Но, кажется, в четыре вечера ещё светло? Она не смогла этого вспомнить. С этими мутными рассуждениями женщина снова побрела на кухню.

– Зачем я сюда пришла? Хороший вопрос, – вслух пробормотала Агата, ощупывая холодный чайник. – Ах, да!

Она потянулась к полке и достала пачку «Кента» с двумя сиротливыми сигаретами, села за стол, пододвинула пепельницу в виде головы гнома с дыркой в черепахе и дурно пахнущим пеплом вперемешку с кусочками фольги и обрывками целлофановой обёртки. Женщина пошарила ладонью по столу в поисках зажигалки и вспомнила, что её нет, поднесла сигарету к носу, понюхала: пахло супом, луком и чёрствым хлебом, но не табаком.

Ещё через мгновение Агата взяла в руки пепельницу. Гном злорадно улыбался ей и подмигивал одним глазом. Там, где должен был быть второй, зиял рваный скол на керамическом лице, оттого гном походил больше на злобного пирата, чем на доброго героя сказок.

– Скалишься? – спросила она его тихо и миролюбиво, а через мгновение, что есть силы запустила в стену. Оставляя серый пепельный след, голова ударилась о стену и разлетелась на множество осколков.

Агата заплакала. Собственно, это не был плач от жалости к самой себе. Худенькие плечи задрожали, и она, будто по щенячьему, заскулила. А спустя несколько минут, неожиданно для самой себя, ухватив металлический половник, женщина в отчаянии что есть силы застучала по батарее отопления. Звук был слабый, полипропиленовые трубы, в отличие от металлических, почти не пропускали звук. Агата прислушалась, ей показалось, что тишина была какой-то не такой, как обычно, небезобидной. Напротив, она несла в себе скрытую угрозу и словно ждала удобного момента для скорой необъяснимой атаки, для чего-то более ужасного.

Надо разбудить соседей! Женщина решительно поднялась и шагнула к входной двери. Сотни острых осколков разбитой чашки злобными пираньями впились в босые ноги.

– Аааа!!! Оой! – от невыносимой боли спина покрылась испариной. – Мм.

Светлый кафель заливала тёмная кровь. Опустившись на колени и оставляя за собой кровавые следы, Агата отползла в прихожую. Где-то, на тумбочке, в маникюрном наборе, был

пинцет. Нашупав инструмент, она попыталась дотянуться до выключателя верхнего света. А для этого надо подняться с колен. Но даже осторожно встать, опираясь полностью на ступню, ей не удалось. Придётся ковыряться в ноге на ощупь. Она снова опустилась на пол и подтянула ступню, часть осколков покрупнее торчали наружу, некоторые из них вошли глубоко под кожу. Взяв с тумбочки пузырёк с лосьоном, Агата полила на ступню, непроизвольно сжимая зубы от острой боли. Потратив около получаса на импровизированную хирургию, она откинулась без сил к стене, немного посидела и сползла на пол. Надо отдышаться. Что происходит? За что это мне?

За окном было всё также темно. Время остановилось.

Надо спешить. Раны кровоточили. Преодолевая тошноту, женщина доползла до кровати и стянула с матраса простыню, зубами распустила на ленты упругую бязь. Искать бинты себе дороже. Да она и не помнила, были ли они у неё в аптечке. От новой порции лосьона непроизвольно выступили слёзы, всё пылало огнём. Туго перевязав одну ногу, Агата принялась за другую. Здесь ущерб был поменьше, но один большой осколок, вероятно, задел сосуд покрупнее, и кровь струилась из раны заметно сильнее. Завершая перевязку второй ноги, ей подумалось: надо срочно выбираться в коридор и будить соседей, пока она не превратилась окончательно в инвалида или не истекла кровью.

Женщина с трудом поднялась на дрожащих ногах и, осторожно ступая, направилась к двери. Традиционно оставленные в замочной скважине ключи отсутствовали. Она, всё ещё надеясь на чудо, робко нажала на ручку, но дверь оказалась заперта. Но этого не может быть! На протяжении последних лет они всегда торчали в двери, чёрт их побери! Агата замолотила ладонями в дверь, потом сделала руками движение вниз, словно прижимала с силой кого-то невидимого к полу. Стоп! А ведь она совершенно не помнила, закрывала ли эту проклятую дверь накануне, как не помнит своё вчерашнее вечернее возвращение домой, если, конечно же, считать, что сегодня утро. Было такое ощущение, будто её, мертвецки пьяную, разгрузили в квартире, уложили в постель и ушли, закрыв дверь на ключ.

Агата сползла вниз. Волна тошноты подступила к горлу. Она почувствовала, что её сейчас вырвет и поползла в ванную комнату, осторожно переставляя ладони и колени, чтобы не напороться на разбросанные повсюду осколки пепельницы. Женщина склонила голову над унитазом, но дурнота отпустила, а на смену ей пришла жгучая боль в области затылка, словно кто-то невидимый поливал кипяток тонкой струйкой на голову. Жидкость булькала и отзывалась в мозгах безжалостным метрономом:

– Раз, два, три, четыре, пять,

Начинаю я играть...

Невидимый водолей, будто наслаждался её муками и шептал в самое ухо, не прекращая выливать содержимое из своей адской бутылки:

– Разбегайся детвора.

Будет страшная игра...

– Хватит! Прекрати! – закричала Агата, но у неё получилось только прохрипеть. Горло перехватил спазм, и её вырвало. Она приподнялась над ванной, открыла кран, чтобы ополоснуть лицо, потрогала затылок. Даже под ладонью ощущался бьющийся пульс. Ей казалось, что это с силой бьётся и стремится вырваться наружу нерв её жизни. Женщина сунула голову под струю воды и прикрыла глаза, боль в затылке немного утихла. Точнее сказать, она равномерно разлилась по всем отделам её бедной головы. Агате снова захотелось заплакать, но она передумала: «Сейчас попробую дойти до окна и докричаться до прохожих. Не думаю, что они откажут мне в помощи».

Уже не веря, что окно в комнате откроется, женщина сильно удивилась пахнувшему ей в лицо свежему мартовскому воздуху:

– Помогите! – прокричала она, перевесившись через подоконник. – Люди! Помогите!

Волосы на голове начали стекленеть, покрываясь кристалликами льда. Ни в одном окне дома напротив не вспыхнул свет. Напротив, тёмные стёкла ответили ей равнодушным молчанием. Их погасшие глазницы не проявляли интереса к её сумеречным страданиям. «Скорее всего, за каждым из них скрываются свои горести и мучения», – обречённо подумала Агата и прикрыла створку окна.

– Надо поискать ключи. Надо обязательно поискать и найти ключи.

Включив верхний свет в комнате, она снова присела перед кроватью. Ничего. Покрытый сеточкой пыли пол, закатившаяся сушка и ... Что это там мерцает рядом с ножкой? Она заползла с другой стороны и, протянув руку, достала маленькую брошку с зелёным, словно глаз кошки, камешком. Удивительное дело, она никогда не носила броши! Тогда чья это вещь? В недоумении повертев безделушку в руках, Агата положила её на край кровати и продолжила поиски. В прихожей висели зимнее пальто, на случай возвратных морозов, и куртка, в которой она проходила, практически, всю зиму. Женщина поочерёдно вывернула карманы, складывая содержимое на полочку под светильником. Ничего выдающегося: носовой платок, чек от покупки продуктов, смятый в горошину конфетный фантик. Собственно, это её не удивило, она не имела привычки складывать что-либо в карманы. Однажды даже хотела их зашить, но передумала.

Агата огляделась и потянулась к дверной ручке. Дверь продолжала оставаться закрытой.

Осторожно ступая, она оглядела полку, бережно передвинула стоящие на ней предметы: вазочка с высохшим синеголовником, пластина таблеток нимесулида с наполовину выдавленными ячейками, щётка для одежды, фотография в рамке... «С кем это я?» – Агата отложила снимок в сторону. Ключей не было. «Надо ещё раз посмотреть на кухне». Она захватила из туалета веник и совок, немного подумав, отложила пластиковую лопатку в сторону. Разметая на пути осколки, женщина двинулась на кухню, выдвинула поочерёдно ящики стола, распахнула створки шкафа, заглянула в укромные уголки кухонной комнаты – всё было напрасно, ключей не было. Она попыталась потянуться к верхней крышке кухонного шкафа, но отставила эту затею. Зачем ей забрасывать ключи на шкаф? Со стола со звоном свалилась на пол ложка.

– Женщина придёт в гости, – усмехнулась про себя с горечью Агата, вспомнив приметку. – Хоть бы кто-нибудь заявился.

Она нагнулась, чтобы поднять её: куски простыни на ногах напитались кровью и оставляли на ламинате пола бурые разводы, словно художник размашисто водил кистью по серому холсту.

Женщина снова вернулась в спальную комнату, огляделась. Может быть всё это ей продолжает сниться? Ведь так не бывает. За окном тёмно-синим покрывалом застыл мрак, чуть подсвеченный уличными фонарями, на стене часы с одним и тем же унылым временем – чуть более четырёх часов после полуночи. Не лучше ли ей лечь в кровать и досмотреть свой детский сон? А потом проснуться по-настоящему, в реальном мире, который она знала.

Расправив скомканное одеяло и перебросив подушку от изголовья в противоположный край кровати, она присела на краешек и оглядела подошвы ног. Ей показалось, что они перестали кровоточить. Видимо, кровь свернулась и запечатала ранки. Однако на смену боли пришла онемелость и ощущение, что тысячи буравчиков злобно ввинчиваются в её стопы. Агата ещё немного подумала, поднялась и, доковыляв до прихожей, выдавила пару таблеток обезболивающего, запив водой из-под крана.

Женщина выключила верхний свет, оставив только светильник в коридоре, и натянула к подбородку одеяло. В бок что-то укололо, проведя рукой, она нащупала странную брошку. В полумраке зелёный глазок приветливо светился приглушённым тёплым изумрудным светом.

– Откуда ты здесь? – снова подумала Агата, но сил на догадки уже не было. И она прикрыла глаза...

–Раз, два, три, четыре, пять,

Я сошла с ума опять.
Скоро буду убивать,
Лучше спрячусь под кровать...

– Огромный, во всю стену стеклянный витраж. Пустая комната. Агата стоит босая в белой ночной рубашке перед прозрачной стеной. В руках бокал с чаем. Она вглядывается вдаль. Небо затянуто одной большой, низко висящей, тёмно-синей тучей. Можно сказать, что это тяжёлое, зловещее облако и есть небо. На еле различимой полосе горизонта просматривается чёрная гряда низких гор. Перед ними, на всём пространстве, которое охватывает взор, выжженная, покрытая сетью трещин, словно после великой засухи, глинистая, с пожухлой травой, почва. Агата чувствует: там, в глубине горной гряды, в недрах скалистых разломов рождается нечто страшное и ужасное, что заставляет учащённо биться её сердце. Спазмы, подобные накинутому на талию узкому поясу, всё туже затягивают внутренности, не давая глубоко вздохнуть.

Она понимает, что бежать уже поздно и не может сдвинуться с места, продолжая созерцать эту чудовищную в своей угрожающей мрачности красоту. В комнате ещё не слышны звуки от едва различимых на кромке горизонта малиновых всполохов, не ощущается сотрясение от пока ещё далёких катастроф земной тверди, но Агата чувствует неумолимое приближение гибели всего, что её окружает. Стёкла завибрировали мелкой дрожью, по пологим склонам, увлечённые первыми порывами ветра, понеслись мохнатые клубы перекасти-поля. Чернильная туча осветилась с дальнего края нестерпимо ослепительным белым светом первых грозовых разрядов. И вот уже каменная волна высокой стеной катит прямо на неё. Она могла рассмотреть её ноздреватую терракотовую корку, сквозь трещины которой просачивалась, разбрызгивая алые капли расплавленного базальта, раскалённая магма. Смертельный вал из прогибающейся тверди земли, сочащийся скрытой разрушительной силой, стремительно приближался к ней, беззащитной и безропотной. Агата отчётливо видела разрушительные изъёмы на теле несущейся стихии, подобной демону, обтянутому кожей ископаемого ящера и покрытым струпами отмершей ткани.

Ей захотелось встретиться с этой грозной силой лицом к лицу. Она решительно раздвинула стеклянные створки в надежде на освежающий грозовой ветер. Однако в комнату ворвался отвратительный смрад тления и плесени...

Агата открыла глаза и резко повернулась к окну: всё тот же тёмный проём без признаков рассвета. «Что-то не так. Почему в квартире темно, ведь я оставляла горящим светильник в коридоре?» Со стороны прихожей тянуло неприятным, незнакомым запахом. Посторонний короткий скрип или писк заставил её напрячься, показалось, что в квартире кроме неё кто-то есть. Она застыла, опершись на локте и прислушалась. Звон в голове мешал сосредоточиться и уловить движения и звуки.

– Надо включить верхний свет, – Агата встала с кровати и нащупала выключатель. Щёлк! Тишина, мрак сгустился. Казалось, он растворился в воздухе и сделал его душным и плотным.

– Кто здесь? – робко спросила она, чуточку помолчала, прислушиваясь, и повторила чуть громче. – Кто здесь?!

Ни единого постороннего звука, только её учащённое дыхание. Но женщина явственно ощущала постороннее присутствие. Агата до боли сжала ладонь с зажатой в ней брошью и, медленно ступая, направилась в коридор. Она не рискнула идти в кухню, боясь напороться на осколки, на ощупь определила местоположение светильника и, скользя рукой по свисающему проводу, дотянулась до прерывателя. Щёлк! Тишина.

Агате показалось, что она ослепла, но слабо мерцающие в темноте контуры окна говорили об обратном. Может быть выбило автомат в электрическом щите? Конечно же! Как она сразу не догадалась?! Света нет из-за короткого замыкания. Надо выйти в тамбур на лестничную площадку, где размещён этот щит. Однажды дежурный электрик предупредил её о возможности поправить ситуацию в случае форс-мажора, даже указал, какую клавишу жать.

Правда, она вряд ли вспомнит какую. Но методом проб и ошибок ... Чёрт! Дверь закрыта. В этой темноте ей точно не найти ключи. Размышляя, женщина не заметила, что подошла к двери. Каково же было её изумление: дверь не просто оказалась незапертой, она была приоткрытой! В широкую щель сквозил отвратительный, мерзкий запах.

– Кто здесь?! – что есть мочи завопила Агата. – Хватит!

– Тит-ит-ит. – засмеялось в пустом тамбуре эхо.

Приоткрыв пошире дверь, она вышла из прихожей в общий коридор. Петли чуть слышно скрипнули.

– Так это ты пугаешь меня в ночи? Странно, что соседи не реагируют на отсутствие электричества. Но, может быть, света нет только в моей квартире? – размышляла вслух Агата. – Что сделать? Постучать соседям или включить самостоятельно автоматы?

Она представила, как напугает эту эстетку из 132 квартиры своими кровавыми обмотками на ногах и внутренне грустно улыбнулась.

– Пожалуй, надо поработать монёром. Решение принято, пугать соседей будем в случае неуспеха энергетического предприятия, – у неё едва хватило сил пошутить над собой.

Агата пошарила по стене рукой и нащупала задвижку электрощита. Дверца чуть скрипнула и открылась, царапнув краешком по щеке. Она осторожно потрогала расположенные в ряд переключатели. Щёлк! Щёлк! Влажные от напряжения пальцы соскользнули с очередной клавиши, и ладонь провалилась в затянутое паутиной пыльное нутро распределителя. Раздался сухой треск разряда, и сноп искр голубым всполохом ударил ей в грудь.

Рядом с ней стояла женщина. Прежде чем отпрянуть, Агата успела увидеть в отблеске короткой вспышки лицо, точнее глаза, впившие в неё свой взгляд. Потеряв равновесие, она упала, больно ударившись головой о край приоткрытой двери. Инстинкт подсказывал ей поменять местоположение в надежде, что невесть откуда взявшаяся гостья потратит время на её поиски в этом кромешном мраке. Забившись в противоположный угол тамбура, Агата затаила дыхание, её била крупная дрожь. Нет! Её просто трясло! Не понимая, что происходит, она одной рукой нащупывала дверь в соседнюю квартиру, другой, крепко зажав брошь в кулаке, была готова ударить наотмашь. В тот момент, когда она захотела забарабанить кулаком в дверь, кто-то навалился на неё, обдавая смердящим запахом гнилой тухлятины. Свободная левая рука с зажатой брошью описала полукруг и ударила с выразительным чмоканьем нападавшую во что-то податливое. На лицо брызнуло липким, Агата завизжала. В этот момент чужие пальцы провалились ей в рот. Непроизвольно сжав челюсти, она почувствовала, что фаланга пальца нападавшей хрустнула и отвалилась. Прежде чем потерять сознание от испытанного потрясения, Агата перекрестилась.

Волчком закрутились хлопья мрака. Кружащиеся искры мгновенно переросли в огненную ленту, закручивающуюся в бешенную спираль и вплетающую в себя нарастающий гул, переходящий в грохот. Этот адский водоворот затягивал её, а она не сопротивлялась. Она так устала...

Село Борисово, Тамбовская область. 31 мая 2023 г.

– Долой! Долой, дьявол! – Зинка ногой оттолкнула пса, путающегося у неё под ногами, тут же с ласковой укоризной отмахнула ладонью слюнявую морду бычка-первогодка. – Куда прёшь, чёрт рогатый!

Под ногами кричали, кудахтали, хрюкали и издавали разные непотребные звуки многочисленные обитатели заднего двора, уже который год, по её словам, «навязавшиеся на бедную голову».

– Иду, иду, окаянная, – откликнулась она на призывное мычание закрытой в хлеву Зорьки, – замолчи, сейчас подою.

Протолкнувшись сквозь ораву оголодавших питомцев, слегка шлёпнув подойником по «кумполу» настырной, норовившей укусить её за край галоши свинке, Зинка заскочила в сарай и крепко захлопнула за собой дверь, успев при этом коленом отодвинуть из дверного проёма голову нахального гуся.

Оторопевшая от такой несправедливости живность, исчерпав свою минуту молчания, бросилась наперебой, возмущённо мыча и гогоча, жаловаться друг другу.

– Зорька, Зорька, – подозвала Зинаида корову. Услышав, как первые струи молока зазвенели о стенки ведра, с сеновала прыгнул котёнок и требовательно потёрся о ногу.

– Есть захотел? Погоди, подою и налью. Мне интересно, если я тебя вместо Васьки буду звать Базилио, ты жрать меньше будешь или нет? – обратилась она к котику и продолжила с сомнением в голосе. – Как же, меньше, все вы, мужики, троглодиты, только бы пузо набить. Хотя, какой ты ещё мужик? Так, мужичок.

Она ласково погладила котёнка по рыжей спинке.

Зинаида отодвинула ведро, пока бурёнка копытом не опрокинула, вытряхнула солому из консервной жестяной банки и плеснула в неё молока. Накрыв ведро марлей, ей пришлось дотянуться до висевшей на стене тряпки, чтобы вытереть руки и присесть на низкую табуретку. День только начинался, а она уже устала. «Надо к соседке сбегать, посмотреть: что да как? В избе прибраться. Картошка ещё не посажена. Люди, вон, уже на прошлой неделе, на майские отсажались. Чуть не забыла – надо за старухой постирать. Чудит она последнее время, все нервы вымотала. И зачем она с ней связалась?»

С улицы кто-то посигналил. «Наверно, Митька приехал, за пахоту деньги требовать».

– Иду, иду. – отозвалась она, зачерпнула со дна ларя зерна, отсыпала в кормушки, бросила пару горстей уткам и направилась к калитке, поставив ведро на крыльцо.

– А я вижу, ты не спешишь, – над покосившимся штaketником расплывалась в широченной улыбке физиономия Митьки, местного тракториста, дравшего три шкуры с односельчан дважды в году, весной и осенью. – За огороды думаешь платить? Или как с тем монтером – натурой считаешься?

Услышав последнюю фразу, Зинка свернула к поленнице дров, ухватила чурку поувесистее и направилась к Митряку, которого сельчане недолюбливали и называли так за глаза.

– Шучу, шучу, – хохотнул Митька, поспешивший отойти от забора. – Штуку гони.

– Я тебе, Митька, щас эту плашку в задницу засуну, если ещё раз вякнешь лишнего.

– Кому Митька, а кому Дмитрий Иванович. Я тебе вариант предлагаю на случай отсутствия бабок. Покувыркались бы вечерок-другой на сеновале, мне хорошо, и с тебя долг списался бы, а? – он продолжал лыбиться, но глаза при этом смотрели недобро, с прищуром, продолжая с опаской поглядывать на зажатое в руке полено.

– Дома с женой кувыркайся. Сказала же, получка будет, отдам!

– Да ладно, я ж по пути ехал, напомнить решил. – мужик плотоядно поглядел на её ноги. – Смотри, осенью в ногах будешь валяться, просить вспахать.

– Слюни подбери, – коротко отрезала Зинаида. – В магазин пойду, жене расскажу про твои ухаживания.

– Ладно, сука! – Митряк отступил к трактору. – Пожалеешь ещё.

Трактор резко, с пробуксовкой задних колёс, сдирая свежую весеннюю зелень с влажной земли и выбрасывая клубы чёрной копоти из выхлопной трубы, с рёвом отскочил от её дома.

Зина присела на крыльцо, продолжая держать в руках полено. «Оружие пролетариата, – грустно улыбнулась она про себя. – Этот хряк отомстит, будет по осени измываться. Последней огород вспашет, по морозу, а то и откажет. Вот гад, надо было ему поленом меж глаз завервендить».

Она поднялась, подхватила подойник и вошла в дом. Наскоро процедив молоко, Зинаида отлила часть в литровую банку, перекусывая на ходу зачерствевшей булкой. Пометавшись по кухне, «кабы чего не забыть», женщина выбежала с посудой в руках и, не выходя на улицу, протиснувшись через дыру в заборе, зашагала к соседскому дому.

– Тётъ Матрён, вы дома? – с порога, чуть громче обычного спросила Зина. – Я молочка принесла. Будете?

– Ты почему так долго? Я уже ждать устала. Сама, небось, налопалась, а меня голодом моришь, – раздался из задней части избы сварливый надтреснутый голос. – Подожди, сын придет, я ему всё расскажу, пусть знает, как ты надо мной измываешься.

– Да что ж я измываюсь? Вы же знаете: утренняя дойка на ферме, потом корову свою подоить, вас молочком парным напоить. Ни минуты не просидела. Что ж вы не пьёте, тётъ Матрён? Может вам кашки пшённой сварить? Щас кастрюльку поставлю, – торопливо и извинительно приговаривала Зинаида, хлопоча возле старухи лет восьмидесяти, полулежащей на кровати.

– Домик мой прибрать к рукам хочет, а поухаживать за больной старухой не хочет, – продолжала ворчать соседка. – Я и говорю: приглашу сына со снохой и перепишу на них завещание. Чего это я должна чужим людям добро раздавать, чай, у меня свои кровинушки есть.

– Тётъ Матрён, ну что вы такое говорите? – возмутилась Зина из кухни, поставив кастрюльку на плиту и вернувшись к старухе. – Я полтора года за вами ухаживаю, почти все продукты на свои деньги покупаю. Вы мне с пенсии ни копейки за всё время не дали. По полдня около вас хлопочу, а вы мне такое говорите. Я уже десять раз пожалела, что с вами связалась, огород наполовину сократила и хозяйство. Как по мне, так лучше двух бычков выкормить, чем каждый день выслушивать ваши упрёки.

Старуха насупилась и замолчала.

– Мандаринов хочу, – спустя некоторое время требовательно заявила Матрёна.

– Ёпт! Я их тебе где весной найду? – Зинка изумилась и внезапно перешла на ты. – Ты меня ещё за подснежниками пошли. Может тебе ещё ананасов с рябчиками?

Надо сказать, она эти проклятые мандарины уже года три не пробовала, во всяком случае, с тех пор, как отправила дочку учиться в институт. Каждая лишняя копейка шла на Алёнку, «чтобы не хуже других». Про ананасы промолчим, их Зина только на картинке видела. А что за фрукт «рябчики» – не знала вовсе.

Она и тогда, в начале прошлого года, долго сомневалась, стоит ли с ними, не очень приятными ей людьми, связываться. Помнится, сразу после Нового года пришёл в дом сын Матрёны со снохой. Они ей напоминали парочку с картинки из юмористического журнала, которые стопкой лежат на журнальном столике в фойе сельского клуба. Он – низенький и упитанный толстячок в клетчатых штанах и ранней, вечно потеющей лысиной, супружница – высокая, худая дылда, в золотых перстнях и кольцах на худых и длинных пальцах. «Как бы она у меня притолоку не снесла», – озаботилась Зинаида сохранностью то ли головы гостыи, то ли дверной перемычки.

Хозяйка предложила гостям присесть, торопливо вытирая испачканные мукой руки о фартук. Дочь обещала приехать перед Рождеством, вот и решила тесто поставить, пышек напечь. Очень Алёнка любила сдобы с повидлом, а ещё с бздниковой. Но такие пироги по осени будут, когда ягоды поспеют.

– Мы к тебе, Зинка, вот с каким предложением, – откашлявшись, начал соседский сын Антон. – Мать уже в возрасте, требуется уход за ней. Мы, сама понимаешь, не наездимся к ней каждый месяц. А ты, вроде как, в соседях, рядышком. Там и дел-то всего ничего: печку протопить по зиме, поесть сварить, много ли ей сейчас надо...

Толстячок поднял глаза к потолку, словно вспоминая, какие ещё предстоят дела по дому, продолжил:

– ...постирать, полы помыть. Что там ещё? – Антон вопросительно посмотрел на жену, которая бесцеремонно разглядывала незатейливую обстановку дома.

– Погладить, – добавила дылда, явно не готовая к придумыванию будущих дел для Зины. – Уколы умеешь делать?

Неожиданный вопрос развеселил хозяйку:

– Да, телятам колю, когда запоносят!

– То, что надо! Матрёне Ферапонтовне витамины с глюкозой будешь ставить, – радостно подхватила сноха, продолжая осматривать избу Зинаиды. – Чистенько у тебя. Молодец.

– Да, чуть не забыл. Мы тебе приплачивать будем тысяч по десять, – торжественно объявил соседский сынок и добавил. – Из мамкиной пенсии. Пока зарплата, пока доплата, куда деньги девать будешь, соседка?

– Спасибо. Не надо, – Зина отряхнула фартук, давая понять, что разговор окончен.

Матрёна в бытность свою работала сборщиком оплаты за торговые места на деревенском рынке. И, несмотря на соседство, постоянно гнобила их с матерью, когда та ещё была жива. Ей, маленькой девчонке, накануне базара мать поручала отнести соседке кувшин молока или банку сметаны, а порой, пакет рассыпчатого свежего творога, в надежде на бойкие места, так как возвращалась она с фермы поздно, когда рынок был уже в самом разгаре. Но из недели в неделю места эти были либо на задворках, куда посетители в большинстве своём не доходили, затоварившись продуктами на входе, либо на одном из прилавков, где не было навеса и в непогоду нельзя было укрыться от дождя и ветра.

Однажды маленькая Зина забастовала. Правда, это был тихий протест. Всё также приняв от матери «молочный оброк», она пробралась через известную дыру в загородке и пошла не протоптанной тропинкой к дому Матрёны, а к зарослям бузины, где под штабелем досок окотилась недавно приبلудившаяся кошка. Девочка поставила банку на траву. Первыми к ней выкатились пёстрые комочки, Зина насчитала пять котят. Затем, прогибая спину под провисшей доской, выбралась кошка и благодарно посмотрев на девочку, принялась лакать из банки. Она наклонила посуду, роняя капли молока в траву. Котята дружно пищали и сустились возле колен.

– Чего ты здесь делаешь? – громкий окрик заставил вздрогнуть и уронить банку. Перед ней, скрестив руки на груди, стоял соседский сын. – Ты что, наше молоко кошкам скормила?

Зина посмотрела на Антона снизу вверх. Почему-то вспомнилось, как однажды, не дожидаясь ухода, он ухватил из её рук банку со свежими сливками и начал пить. Жирные струйки стекали по его подбородку и падали на грудь, напитывая рубашку со штанами в районе пояса и чуть ниже. Зине было не смешно, а противно. Это не он, а она бегала за коровами, сбивая их в стадо, серпом жала самую лучшую, самую сочную траву для бурёнок. Это она шептала им в шершавые уши желания, чтобы принесли не одного, а двух, ещё лучше трёх телят. Ей, прядя ушами, кивали они согласно головой и всегда выполняли загаданные желания.

Зина резко распрямилась и, несмотря на существенную разницу в возрасте, с силой толкнула жирдяя в грудь. Не ожидая подобного и не успев нащупать точку опоры, Антон, ломая

тонкие ветви растущей позади смородины, молча завалился в кусты, нелепо задрал к небу пухлые белые ноги в розовых женских сланцах. Котят испуганно прыснули под доски. Ухватив пустую банку, она бросилась бежать домой.

Вечером приходила соседка, о чём-то поговорив с матерью на крыльце. Та, вернувшись домой, присела на табуретку в кухонке. Зина подошла, погладила её по волосам. Мать посмотрела на неё внимательно, но ничего не сказала. Только с тех пор она больше не носила Матрёне гостинцы, да и соседка не выказывала большого желания для общения. А вскоре короткая тропка между их домами заросла полыньёю да лебедой.

И вот, спустя столько лет, Антон, постаревший, но с прежним гонорком у неё в доме.

– Как это нет? Ты понимаешь от чего отказываешься?! У мамы пенсия поболее твоей зарплаты будет. Чистоганом червонец в месяц, а там, глядишь, продуктами чего наберёшь с её стола. Много ли сейчас ей надо? – повторился Антон, смешно всплеснув пухлыми ручками.

– Не надо, мы не бедствуем, – она вспомнила мать. Та сетовала порой огорчённо, что ей, заслуженной работнице, пенсию определили раза в два меньше, чем Матрёне. «Поди ж ты, нигде толком не работала, а пенсию себе вон какую охлопотала», – частенько ворчливо причитала она в дни, когда «край с краем не сходился». – Спасибо, скотина выручает».

– Ну что ты заладила: «не надо, не надо». Мама говорит, что помощницы лучше Зинки не найти. Она же тебя чуть ли не дочерью считает, а ты упрямисься.

Зинаида хотела ответить резко. Была у неё на то давняя причина, но воздержалась:

– У нас служба есть по уходу, девочки старательные, с образованием. Вы в «социалку» обратитесь, там помогут. Что, на мне свет клином сошёлся? Да и работаю я, и скотины целый двор. Когда мне?

– Да мы всё понимаем, для тебя же стараемся. Много ли ты на неё времени потратишь? Дома рядом. И мама твердит, мол, только Зинку для пригляда хочу, – настаивал Антон.

– Ну, ладно, извиняйте, у меня тесто подошло, – она прошла мимо незваных гостей в кухню, давая понять, что разговор окончен. «Сладкая парочка» задержалась в передней о чём-то перешёптываясь. Уминая вылезающее из кастрюли тесто, Зинаида подумала с досадой: «Ага, дочь нашла! Вспомнила мачеха про падчерицу, когда лёд прошёл».

Вскоре появились наемные «сваты»:

– Мы тут, это..., посоветались. А если мама за уход дом тебе подпишет, согласишься? – сузив глаза, провозгласил торжественно Антон. Супружница, в отличие от мужа, напротив, широко раскрыла рот. «Будто пышек моих захотела», – до Зины не сразу дошёл смысл сказанного.

– Как подпишет, так и приходите, – не выдавая волнения, с деланным равнодушием, ответила она, потом затолкала настырное тесто назад в кастрюлю и вопросительно взглянула на собеседников.

– Ты не поняла, что мы тебе предложили? – оба изумлённо смотрели на хозяйку дома.

– Да поняла я, поняла, – нетерпеливо повела плечом Зинаида. – Давайте завещание, завтра выйду на уход.

– Подожди, как мы тебе дадим завещание. Через недельку привезу нотариуса, оформим всё как положено. А ты уж с завтрашнего дня приступай!

– Сначала дом подпишите, а на следующий день я выйду. Всё. Точка! И нотариус ваш не нужен, в сельсовете можно хоть сегодня оформить.

– Какая же ты, Зинка, меркантильная стала, – гримасничая, нараспев загундосил Антон. – Мы к тебе всей душой...

– Хорошие учителя были, – она резко оборвала его и мысленно добавила. – «А души ваши жиром заплыли».

В тот же день, накануне Рождества, оформили сделку, и повесила Зинаида себе на шею ещё один хомут. Без малого, полтора года сидит на её плечах ненавистная соседка, свесив ноги.

И конца-края этой истории не видно. Если бы не её горячее желание обеспечить дочку хотя бы комнатой в коммуналке, разве она связалась бы с этими хитрожопыми соседями. Да и Алёнка перестала бы по общежитиям скитаться.

А у Матрёны от её ухода, как будто второе дыхание открылось. Помнится, когда она в услужение поступила, бабка при смерти лежала, а сейчас посмотри – щёчки порозовели. Ещё бы, на свежих домашних харчах. Сама не доедаю, ей повкуснее, да посвежее.

– Тётъ Матрён, денег дайте, до сельпо доеду, может бананы привезли. А то у меня до получки рублей пятьсот осталось, а я ещё за пахоту не рассчиталась.

– Да я Антошке в последний приезд всю пенсию, как есть, отдала. Возьми на свои, я потом верну.

– Да чего вы брешете? Антон второй месяц глаза не кажет, – поперхнулась Зинаида от наглого вранья старухи и, тут же, поправившись, громко повторила. – Антон второй месяц не приезжает, а пенсию на прошлой неделе приносили.

Матрёна насупилась, запустила руку в глубины своих одёжек и вытянула кошелёк, украшенный когда-то стразами, а ныне, с потрескавшейся дерматиновой обложкой и пустыми глазницами оправ для фальшивых самоцветов.

– Чего выставилась? – зло спросила старуха, протягивая ей сотню.

– Кошелёк понравился, – улыбаясь ответила Зина. – А на сотню я вам, только шкурку от банана привезу, остальное – плата за доставку.

Матрёна пыталась что-то проворчать вслед, но она уже оседлала старенький велосипед. Всё не пешком, до центра почти два километра.

– Зинаида, подьк сюды, – окликнула её у магазина старинная мамина подруга, – Чево сказать хочу.

– Сейчас, тётъ Луша, хлеба куплю и выйду, – бросила ей на ходу Зина, поднимаясь на крыльцо магазина. – Лучше вы идите, а я вас по дороге догоню.

Тётка была доброй женщиной. Раньше она часто приходила к ним в гости и обязательно приносила ей мятные пряники. Именно, мятные и никакие другие. А может быть других и не было. Как-то раз, в очередной её приход, Зина выбралась навстречу госте из-под стола и заявила:

– Луша, ты нам больше пряники не носи, а то мне жевать нечем. Ты нам зефир с пастилой приноси.

Тётка нагнулась к ней и потрепала за щеку.

– Ладно, – и уже обращаясь к матери, смеясь сказала. – Какие детки растут, палец в рот не клади, я уж не говорю про пряник. Сможет за себя постоять.

Но тётя Луша ошиблась. Так уж случилось, что спустя полтора десятка лет, оказалась Зина беззащитной. Да и вряд ли она хотела и могла этому противиться. Наверное, и никто не может. Зинаида влюбилась...

В магазине было немного народа: шесть-семь женщин обсуждали последние новости, стоя у окна, да продавщица Малина, жена Митряка, словно торговала грудью, разложив её на прилавок. Вообще-то, никакая она не Малина, а Галька. По молодости уехала в кооперативное училище в райцентр, получила паспорт. А чтобы ребят привлечь, подтёрла и исправила букву «Г» на «М». В городе уже все поголовно были Каринами и Снежанами. Кто же будет с Галькой дружить? Сразу видно – из деревни!

Да вот только спустя пару месяцев, подлог раскусили. И не кто-нибудь, а Галькин уха-жёр. Ребята её на смех подняли, какое-то время то Клубникой, то Ежевикой окликали. Как уж удалось Галине в паспортном столе договориться, а только поменяли ей документ и вписано там было с тех пор имя Малина. Ну а деревенские, за глаза, звали её Митрячихой.

– Хлеба – две буханки, – осматривая витрину, протянула сотню Зинаида.

– За пахоту сначала рассчитайся, – не принимая деньги и не убирая грудь с прилавка, невозмутимо ответила Митрячиха. Бабы притихли.

– Я тебе ничего не должна. А бананы есть? – добавила Зина, вспомнив про Матрёну.

– Есть, на бананах шерсть, – груди шевельнулись и нехотя перетекли вверх, ближе к румяной физиономии продавщицы. – Сказала, ничего не отпущу, пока долг не вернёшь.

Бабы подтянулись поближе к прилавку, чтобы получше расслышать словесную перепалку, а потом в красках и комментариях разнести её по домам, улицам и переулкам. Стычка двух выразительных персонажей села обещала быть ярким событием недели.

Митрячиха, играя на публику, уперев кулаки в бока, решила закрепить свои позиции:

– Дмитрия моего решила обхаживать, мол, «может, как-то, без денег договоримся», а? Голытьба перекатная, а туда же!

– Зинка, что же ты молчишь? Правда аль нет? Это ты так всех наших мужиков к рукам подберёшь, – подала голос из толпы одна из бабёнок.

Она повернулась к надвигающимся на неё женщинам и тихо, по слогам, ответила:

– Кина не будет. Собаку спущу, кто сунется, чтоб не пришлось вам поутру табаки своих мужиков с моей загородки снимать.

Толпа отпрянула.

– А тебе, Галька, я так скажу. У Митряка твоего без меня дырок хватает. Хлеб давай! А командовать станешь, «кому отпущу, кому нет», когда магазин приватизируешь. А будешь продолжать глумиться, в район напишу, как ты палёнкой своей из-под прилавка торгуешь и их мужиков, – она указала пальцем на женщин, – по ночам спаиваешь!

Побагровев лицом, Малина шмякнула хлеб на прилавок и молча отсчитала сдачу.

Зина шагнула к выходу, но передумав, сделала шаг назад:

– Чтобы я больше здесь театров не наблюдала. Кому концерт охота – в клуб. Остальные по домам!

Уже садясь на велосипед, она краем глаза увидела, как бабы расходились из магазинных дверей восвояси. Зина перебросила сумку с хлебом через руль и отправилась догонять тётю Лушу. Та уже подходила к дому, благо, что Зинаиде было по пути.

– Тут вот что, девонька, судачат, – заговорщицки оглядываясь по сторонам, зашептала тётка. – Слышала я, якобы Матрёна, что тебе дом подписала, передумала, или Антоха подсутился со своей кралей. А только на днях привозили какого-то толстомордого, с золотыми зубами. Он им на новый лад завещание переписал. Вроде, как на сына. Ты там дома у неё пошарь, можа какие бумажки и найдёшь. Бабка, та ещё пройдоха. Вряд ли она снохе доверит хранить право на наследство, ещё десять раз передумает пока в здравии. Она нас всех переживёт, прости господи. Думаю, что завещание у неё где-то дома. Не удивлюсь, что она документ в трусах прячет. Жалко мне тебя. А то получится, что горбатилась на эту ведьму напрасно.

Зина оторопела. Ноги стали ватными, в голове зашумело:

– Да как же переписали?! У меня же дома завещание спрятано. На меня оформлено. Как же это так, тётъ Луша?!

– Поищи, Зина, поищи! А там уж сама думай, что дальше со всем этим делать, – с этими словами тётка зашла за калитку, продолжая тихонько причитать. – Вот какие люди пошли, веры нет никому.

Зинаида вскочила на велосипед и помчалась к Матрёнину дому. В затылке мощными толчками пульсировала кровь, руки дрожали, а ноги постоянно соскальзывали с педалей. Пару раз она чуть не упала, всполошенные уличные куры с кудахтаньем неслись впереди велосипеда, словно почётный караул сопровождал её, мчащуюся к своему несчастью.

Перед домом Зина сбавила ход и, забыв про сумку с хлебом, взбежала на крыльцо. Она постояла некоторое время, пытаясь восстановить дыхание и успокоить сердцебиение, потом

перекрестилась и вошла в дом. Старуха, заслышав стук двери, заворочалась и крикнула из горницы:

– Зинка, это ты? Бананы купила?

Она прошла на кухню и присела за столик. Нога выбивала нервную чечётку:

– «Где искать? Куда она могла спрятать? Может сначала в сельсовете узнать? Может неправда? За что они так с ней?»

– Ты чего молчишь-то? – снова раздался сильный и зычный голос Матрёны. Спустя какое-то время, старуха снова заблуждалась. – Вот Антоша приедет, всё ему про тебя расскажу: как обижаешь, как голодом моришь, как бьёшь по голове больно...

Зинаида прервала поиски документов на кухне, услышав последние слова старухи. Несмотря на весь драматизм ситуации, она восхитилась Матрёной: «Ну, даёт, новый грех придумала. Она такими темпами не то, что свой дом за собой оставит, но и мой отберёт».

Женщина молча вошла в комнату. Старуха возлежала на высоко поднятых перьевых подушках и вопросительно смотрела на прислужницу:

– Чего вылупилась? Бананы привезла? Сдачу давай!

По-прежнему, молча, не обращая внимания на Матрёну, она внимательно оглядела комнату и подошла к серванту, начав поочерёдно выдвигать ящики и выкладывать содержимое на пол. Спустя несколько минут поиски продолжились в шифоньере, стоявшем напротив кровати.

– Ты чего творишь?! – истошно завопила старуха. – Воровка! Караул! Грабят!

Зинаида прервала поиск, вышла в сени и закрыла входную дверь на внутренний засов, затем вернулась и задёрнула шторы. В комнате повис полумрак. Матрёна нервно завопилась на кровати.

– Где завещание?

– Так мы тебе и отдали, вчерашний день ищешь.

– Новое, которое без меня состряпали? – пристально глядя на старуху и подойдя к ней вплотную, спросила она.

– Ищи, ищи...ни черта не найдёшь. Вот Антоша приедет, я ему...

Склонившись, Зина резко сорвала с Матрёны одеяло, ощупала одежду. Пусто. Соседка истошно визжала и норовила расцарапать ей лицо:

– Вовек не найдёшь и не получишь ничего, шалава!

Зинаида выпрямилась, задев плечом настенное зеркало у изголовья. На кровать, соскальзывая на пол, посыпались конверты, бланки с печатями, документы. Внимательно всмотревшись, она выбрала один, выделяющийся цветом, и прочитала. Так и есть, обманули! Даже маленькая надежда на лучший исход, которая тлела внутри, куда-то виновато спряталась.

Женщина присела на прикроватную табуретку, предварительно смахнув таблетки с пузыречками, и посмотрела на старуху:

– Зачем вы со мной так? Что я вам плохого сделала?

Матрёна исподлобья посмотрела на Зинаиду, затем злобно прошептала:

– Ведь это я тогда мамку твоего ухажёра вызвала. А то захомотала бы парня и женила на себе. Счастливой стать захотела? Вот тебе!

С этими словами старая ведьма сунула ей в лицо сухую дряблую руку со сложенными в кукиш пальцами.

Зина нехорошо улыбнулась, взяла Матрёны руки за запястья и с силой прижала к впалой груди старухи, затем выдернула «думку» из-под головы, накинута ей на лицо и крепко придавила сверху. Через пару минут она отпустила затихшее тело, вернув подушку на место.

Матрёна молча смотрела на неё. Зинаида встала, отдернула шторы. Дом залили лучи полуденного солнца. Она огляделась, собрала рассыпанные бумаги, вернув их за зеркало, задвинула ящики, прикрыла дверцы шкафов.

Женщина подошла к покойнице и прикрыла ладонью глаза:

– Ну, отдыхайте, Матрёна Ферапонтовна. До вечера. Я ушла.

Летний полдень был умопомрачительно красив: по небу плыли белоснежные облака, лёгкий ветерок заигрывал с ветками растущей у крыльца берёзы, на зелёной лужайке радовались солнечному дню жёлтые одуванчики. Только Зинаида ничего этого не видела и не чувствовала.

Санкт-Петербург. 20 июня 2023 г.

– Уже третий десяток лет Пётр Гаврилович выбирал один и тот же путь по дороге в институт. Он любил ранние подъёмы, чтобы пройти по улочкам города, ещё не проснувшегося от сна. Ему нравился Петербург, со своим характером, иногда капризами. Порой казалось, что живёт он здесь столько, сколько помнит себя. Город отвечал ему взаимностью, именно тут прошли его студенческие годы, учёба в аспирантуре и защита кандидатской. Город на Неве познакомил их с будущей женой. Под питерским небом пришли к нему первые серьёзные разочарования.

В этот день Пётр Гаврилович не изменил своей давней многолетней традиции. Переходя Поцелуев мост, он ненадолго задержался у чугунных перильных решёток, которые приятно холодили ладони. Отражение жёлтой шапки Исаакиевского собора подрагивало от лёгкого летнего ветерка на поверхности Мойки. Сейчас здесь немногочленно, никто не помешает ему полюбоваться этой вечной картиной. Так он настраивался на рабочий день независимо от погоды.

Говорят, что если поцеловаться на этом мосту, то будешь счастлив с любимой всю жизнь. Он раньше тоже так считал. А впрочем, может быть он и счастлив с Еленой? У него не было однозначного утвердительного ответа, так как не с чем было сравнивать, если не считать давнего юношеского мимолётного увлечения. Тогда он хотел летать. Но так не бывает! Нельзя же парить в облаках радости и страсти всю жизнь? С другой стороны, почему бы и нет?

Пётр Гаврилович похлопал ладонями по чугунному ограждению, кивнул украдкой Исаакию, как старому доброму другу.

Почему он выбирал для дальнейшего пути набережную Крюкова канала, а не улицу Труда, он и сам не знал. Так бывает, что при выборе двух равнозначных дорог, выбираешь ту, идти по которой «душа лежит». Его душа выбирала набережную. Тут в эту пору, почти совсем нет прохожих...

«Интересно, удастся ли ему сегодня поработать над монографией? Сессия окончилась, остались кое-какие «хвосты», кажется, два-три студента. На кафедре торопят с диссертацией. Сами же твердят: «Пётр Гаврилович – на симпозиум, Пётр Гаврилович – в этот раз Вы представляете...». А работать когда?» Он уже забыл год последнего ухода в отпуск.

Позади осталась площадь Труда и Новая Голландия, потянуло свежестью с Большой Невы. Выход на Благовещенский мост был частично перекрыт и ему пришлось обойти временные строительные сооружения через сквер возле церкви. Времени было достаточно, и он решил присесть на лавочку под сиренью. Зазвонили колокола. «Не спрашивай, по ком звонит колокол...»

Лёгкий бриз над Невой, снова напомнил ему, шагающему по Благовещенскому мосту, о временах беззаботной юности. Чуть ли не ежедневно, ещё студентами, они с Еленой садились вечерами на прогулочный катер и бороздили каналы города. На кораблике звучала музыка и, выходя на просторы Невы, из динамиков жизнерадостно разносилась песня в исполнении Леонида Утёсова:

– Весною незабвенною и я встречался с Леною,
И наш маршрут был трогательно прост:
Купив букет подснежников, влюблённые и нежные,
Мы шли всегда на Поцелуев мост...

Именно здесь, на просторе реки их охватывало чувство, что вся жизнь – праздник, и продолжаться он будет вечно. Куда всё ушло? Каким северным ветром развеяло эту радость?

Свернув налево и, пройдя ещё пару сотен метров по 8-9 линии, Пётр Гаврилович поднялся по ступеням к парадной института. Вестибюль ещё не наполнился звонким гамом суеты.

тящихся студентов, спешащих завершить очередной учебный год. Кафедра истории древнего мира и средних веков располагалась на втором этаже основного корпуса. На удивление, в приёмной оказалась незнакомая девушка и на его приветствие пояснила, что «Софья Леонидовна задержится по семейным обстоятельствам на час» и добавила, «не нужно ли ему что-либо».

Пётр Гаврилович, традиционно просил секретаря приготовить ему зелёный чай, но в этот раз решил воздержаться, поблагодарил и ответил отказом. Девушка пожала плечами и удалилась, прикрыв дверь. «Видимо, последний курс», – поразмыслив, решил он. Студенты иногда подрабатывали или просто замещали сотрудников. Это не возбуждалось, а даже приветствовалось. Завтра им во взрослую трудовую жизнь, значит надо приобретать коммуникативные навыки, социализироваться, так сказать.

Его старший коллега, заведующий кафедрой, вот уже полгода, как был на больничном, и Пётр Гаврилович вынужден был исполнять обязанности, совмещая их с написанием докторской диссертации, работой над последней монографией и ведением своего предмета у старших курсов. Но более всего его угнетало не это, в силу сложившихся обстоятельств, он очень страдал из-за разного рода представительских отвлечений. Не важно, что было: посещение профильных классов или торжества в мэрии, симпозиумы не по профилю кафедры или ректорские пятиминутки – всё это отнимало уйму времени, и он никак не мог завершить взятые в начале года обязательства по завершению своей научной работы. Петру Гавриловичу приходилось допоздна задерживаться в институте. Здесь было комфортнее, чем дома, да и исследовательские материалы в подавляющем количестве были под рукой.

Окна его кабинета выходили в институтский дворик. Обычно там было шумно, в перерывах между парами студенты выходили покурить и обмениваться последними новостями из своей беззаботной молодёжной жизни.

Было время, и он, в один из таких пригожих деньков, держа в руках тетрадь для лекций, присел на лавочку к миловидной девчонке, которая с грустным видом пристально рассматривала что-то в траве.

– Помочь?

Девушка вопросительно посмотрела на него.

– Что потеряла? – кивнул он на лужайку у её ног. – Давай вместе поищем.

Собеседница была настолько погружена в себя, что ответила не сразу, продолжая осмысливать сказанное Петром:

– Да нет, спасибо, – с невесёлой улыбкой ответила она. – Себя потеряла...

Ему сразу стало её жалко, захотелось обнять, погладить по русым волосам, и он шутиливо предложил, сползая на землю:

– Где тут у нас потеряшка? Ау!

Пётр, повернувшись к незнакомке, недоумённо спросил:

– Как же я её найду, если я не знаю её имени?

В серых зрачках девушки замерцали коричневые искорки и она, поддерживая игру, спустилась к нему на траву, протянула ладошку и просто сказала:

– Лена. Ты здесь учишься?

– Да, на пятый перешёл. В следующем году заканчиваю. А ты?

– В университете, на экономическом. Наш корпус на Чайковского, рядом с Таврическим садом.

– А почему Елена Прекрасная ищет себя в наших пенатах?

Девушка снова помрачнела. Закрапал дождь из неожиданно набежавшей тучки, и Пётр предложил новой знакомой войти в здание. Но Лена поблагодарила и отказалась, сославшись на то, что спешит. Он сунул пробегающему мимо приятелю лекционную тетрадь и предложил её проводить.

– Как же занятия? Влетит, наверное? – прежде чем согласиться, предположила Елена, и они, переждав короткий дождь, зашлёпали по весенним лужам Университетской набережной...

– Пётр Гаврилович, к Вам посетители, – постучала в дверь секретарь, вернувшаяся после отлучки, ипустила в кабинет двух студентов, точнее сказать, юношу и его спутницу. «Кажется, из 432 группы. Неужели час пролетел? А я ещё ни строчки не написал», – посетовал он на себя. Часы спешили к полудню.

– Ну-с, молодые люди, кто первый?

– Можно я? – бойкая девушка подошла к столу.

Менее, чем через полчаса, обстоятельно раскрыв тему по вопросу, при этом смешно помогая себе жестикациями обеих рук, студентка выдохнула и замолчала.

– У Вас всё? – участливо спросил Пётр Гаврилович, расписываясь в зачётной книжке. – Что же Вы на экзамене так оплошали?

– Переволновалась, наверное, – задорно ответила та, понимая, что сдала успешно.

– Хорошо отвечали, но, простите меня, больше «четвёрки» поставить не могу.

– Спасибо! – радостно откликнулась девчонка и усакала, предоставив спутнику очередную возможность исправиться.

«С этим придётся помучиться», – Пётр Гаврилович редко ошибался. Полтора часа мучений для того и другого завершились слабенькой «троечкой» и увещеванием «бедного студента» в духе: «вы меня обеда лишили», «может быть Вам другую специальность выбрать» ...

– Софья Леонидовна, не могли бы Вы мне чай приготовить? – завершив мучения, позвал секретаря.

– Что же чай? Может Вам в столовую спуститься? – предложила она. – Буфет ещё работает, да и горячее там остаётся.

Пётр Гаврилович, немного подумав, согласился. «День обещает быть продолжительным, на одном чае не выдержу».

В институтской столовой, отстояв небольшую очередь, заказал себе «второе», салат и чай с лимоном. Выбрав место у окна, он ещё раз полюбовался свежей зеленью листы. Пройдёт немного времени, и она покроется городской пылью, станет жёсткой, обыденной, потеряет свой первоначальный цвет... «Как я», – улыбнулся про себя он.

– О чём задумался, детина? – коллега с соседней кафедры пристраивал свой поднос на обеденный столик.

– Folio sum similis, – отвечивал он приятелю. – «Я подобен листу», – изрёк однажды Архипиита Кёльнский в своей «Исповеди».

– Весёлые были ребята, эти ваганты. Нам, засохшим сухарям, – скаламбурил коллега, – до них далеко. Слишком уж мы правильные.

– Да, наверное, и поздно уже меняться? – то ли спросил, то ли утвердил Пётр Гаврилович. Собеседник, вытер салфеткой губы и неожиданно громко продекламировал, встав из-за стола:

Эх, друзья мои, друзья!

Ведь под этим небом

жив на свете человек

не единым хлебом.

Сидя в кресле, на заду

натирать мозоли?!

О, избавь меня, Господь,

от подобной роли!

Театральным жестом он взял со стола стакан с компотом и залпом выпил:

– Отличного Вам дня, коллега! – с сожалением посмотрел на две ягоды абрикоса в стакане, подумал, вытряхнул на ладонь, тем же путём вернул косточки в стакан и выдохнул. – Грешник я, ягоды в компоте люблю.

Полуденное солнце катилось на закат. Внеплановое заседание кафедры по предварительным итогам учебного года, ещё пара студентов с академической задолженностью, утверждение предложений в разработку учебного плана, на «десерт» – неприличный анекдот от Софьи Леонидовны, – кажется всё, и можно посвятить себя многократно отложенным делам.

Пётр Гаврилович разложил на столе необходимые бумаги, пожелал секретарю хорошего вечера, пообещал ей долго не задерживаться, беречь себя и ещё что-то, чего она уже не слышала, поскольку стук её башмачков уже раздавался в коридоре.

Он очень любил это время, когда никто не отвлекал от мыслей, а шум города за окном таял и, с опустившимися сумерками, вовсе сходил на нет. Лишь иногда клаксоны автомобилей нарушали тишину, но и они были органичным составляющим наступившего покоя, подтверждая, что жизнь не умерла, а замерла, чтобы с первым лучом солнца воскреснуть вновь.

Погружённый в работу, Пётр Гаврилович не обратил внимания, как в дверь поскреблись. Спустя короткое время одна из створок приоткрылась и лёгкий скрип заставил его приподнять голову. В проёме двери стояла девушка. «Боже, – подумал он, – что же так поздно?» Но вслух не сказал ничего, историк всегда был очень тактичным человеком. Во всяком случае, таковым его считали знакомые и коллеги.

– Проходите, готовьтесь. Если готовы, то подождите пару минут, мысль завершу...

Девушка прошла к приставному столу, поставила на него сумочку, какое-то время что-то искала и, судя по всему, не находила.

Пётр Гаврилович аккуратно сложил листы бумаги, отодвинул их в сторону. Настольная лампа мешала ему рассмотреть девушку, она показалась ему не очень знакомой. А ещё он увидел, что она выгодно отличалась от других студенток тем, что на лице её совсем не было косметики. Да и юбка с блузкой были простого кроя. А своей ладной фигуркой она напоминала деревенскую пастушку с гравюр старых мастеров.

«Сейчас узнаем с какого потока», – он потянулся за зачётной книжкой.

Девушка подошла к нему вплотную, взяла его протянутую руку в ладони и приложила к своей груди:

– Я забыла «зачётку» дома.

Он смотрел на неё, а она смотрела ему в лицо, не отводя глаз.

– Вы ведь не прогоните меня и дадите мне возможность ответить хотя бы на один вопрос? – она взяла за запястье его вторую руку. На её лице не было и капли кокетства или вульгарности. Он бы даже сказал, что оно было бесстрастно. Но это было не так. Её зрачки расширились, а на скулах проступил лёгкий румянец, что свидетельствовало об определённой степени волнения. Наверное, со стороны всё выглядело очень нелепо: сидящий в кресле мужчина в годах и юная девушка с его, прижатыми к груди руками. Но он находился в каком-то параличе тела и разума, утратив возможность анализировать то, что с ним происходит. Пётр Гаврилович чувствовал её упругую девичью грудь, видел стройные ноги из-под короткой юбки. Сотни студенток ежедневно мелькали у него перед глазами, но он никогда не обращал внимание на их бёдра и талии.

Историк молча поднялся. У незнакомки было красивое лицо с правильными чертами. Он не мог рассмотреть в полумраке лампы цвет её глаз, но именно они были доминантой, превосходя и чувственный рот, и нежный подбородок.

Неуловимым движением она стянула с себя трусики и, опрокинувшись на стоящее рядом кресло, увлекла его за собой...

– С чувством жгучего стыда
я, чей грех безмерен,

покаяние своё
огласить намерен.
Отпусти грехи, отец,
блудному сыночку.
Не спеши его казнить –
дай ему отсрочку...

Когда всё закончилось, она шепнула ему на ухо:

– Надеюсь, я ответила на первый вопрос?

Пётр Гаврилович, запыхавшись, ничего не сказал, лишь утвердительно закивал головой. Вечерняя гостья поправила юбку, одёрнула блузку, подошла к столу, чтобы забрать сумочку и, не оборачиваясь, от двери, кротко произнесла, прежде чем прикрыть за собой дверь:

– Хорошо. Доброй ночи. Завтра я приду отвечать на второй вопрос.

Пётр Гаврилович, ошалело посмотрев ей вслед, хотел напомнить о зачётной книжке, но она уже растворилась в тёмно-синем мраке институтского коридора.

Историк долго сидел за столом в одной позе. «Что это было?» Полёт в облака был столь стремительным, что он и сейчас не понимал, вернулся ли на грешную землю. Руки, помимо его воли, продолжали переключать листы бумаги на столе. Он и сам не знал, когда окончится этот дурацкий пасьянс.

Часы показывали одиннадцать, пора идти домой. Скорее всего, Елена уже спит, она никогда не ждёт его с работы. Это значит, что некуда спешить, мост ещё не разведён.

Прохладный ветер с Невы и отражения ночных фонарей, рассыпающиеся на множество жёлтых осколков на глади чёрной как дёготь воды, освежили его и привели в чувство. Мыслей не было, точнее, они роились в его голове словно жёлтые осы, но ни одна не ужалила и не задержалась надолго. Он шёл и считал шаги: сто тридцать четыре, сто тридцать пять, сто тридцать шесть ... Возможно, это помогало ему обрести душевное равновесие. Двести шестнадцать, двести семнадцать...

Стараясь не шуметь, Пётр Гаврилович постелил себе на диване в гостиной. Ему казалось, что он не уснёт, но сон пришёл быстро, подобно тёмной невской волне, без сновидений и тревог.

С рассветом он поднялся бодрым, ощущая прилив сил и новых ощущений, быстро приготовил омлет с ветчиной, бутерброды с сыром, заварил чай. Утро было солнечным и жизнерадостным, что для Петербурга явление редкое, но приятное. Елена спала, она уходила на службу значительно позже и он, не прощаясь, отправился по исхоженному маршруту.

Солнечные зайчики, отскакивая от водной ряби канала, озорно играли на кирпичных стенах Лесного склада Новой Голландии, а полузатопленные вёглы шелестели ему сокровенные тайны вечного лета. Колокола Скорбященской церкви на этот раз молчали, но улица была свободна. Пётр Гаврилович шагнул от Английской набережной по мосту и, казалось, даже гиппокампы с чугунных решёток били хвостами в такт уверенных шагов. Доменико Трезини, встречавший на выходе с моста, чуточку наклонил голову в его сторону. Под ногами пружинила брусчатка, а в голове, как тогда, в юности, мягко и задушевно звучало: «Когда мы были молоды, бродили мы по городу...»

Взбежав на крыльцо парадной, он обернулся и посмотрел по сторонам: вот оно, счастье! Прогулочные кораблики на реке белыми облачками, словно верные приметы разгорающегося летнего дня, неторопливо скользили в сторону Невской губы.

Прохладный воздух вестибюля показался уютным и свежим. Образы видных учёных вуза, обрамлённые позолоченными рамами, приветствовали его одобряющим взглядом. «Возможно, когда-нибудь и мой портрет будет висеть в ряду с теми, кем не один десяток лет гордится институт», – подумал он, поднимаясь по лестнице в свой кабинет.

– Пётр Гаврилович, Вас просил зайти Лев Аскольдович, – звонкий голос помощницы проректора по учебной части вернул его к действительности.

Уже пройдя половину лестничного марша, он развернулся. «Очередное представительство вуза на каком-нибудь форуме? Будто больше некого послать», – с лёгким раздражением подумал Пётр, но это утреннее обстоятельство не испортило ему настроение.

– Хорошо выглядите! – бросил он на ходу помощнице, последовав за ней.

– Благодарствую, – удивлённо откликнулась она, пропуская его вперёд.

Историк не сразу заметил отсутствующего за столом хозяина кабинета. Проректор стоял у окна, повернувшись спиной к вошедшим.

– Оставьте нас вдвоём, – не поворачивая головы, попросил он референта.

Когда сотрудница вышла, проректор плотнее закрыл вторую дверь и подошёл к столу.

«Странно, что он не предлагает мне присесть?» – совершенно не к месту подумал Пётр Гаврилович. Словно откликаясь на странные мысли, начальник повернулся и начал его внимательно рассматривать. Так в детстве приятели рассматривали новый, необычный значок на лацкане его пиджачка или божью коровку под лупой, но он не значок и даже не божья коровка. Ему стало неудобно.

Лев Аскольдович, видимо, удовлетворившись увиденным, взял со стола пульт. Вспыхнул дисплей развёрнутого к ним монитора. На экране Пётр Гаврилович увидел своё грехопадение во всей красе: в одежде Адама при сотворении мира он искушал девушку, полулежащую в кресле. Была ли это Ева, сказать невозможно, так как лица её не было видно, но нашего героя можно было рассмотреть во всех деталях...

– Ну, вот что, батенька! Вы сегодня же должны покинуть стены института. И немедленно! Приказ на Вас подготовлен. Из уважения к Вашим заслугам – «по собственному желанию». Приказ заберёте в канцелярии, – прервал «кинопоказ» начальник.

Нет, высокие потолки старинного здания не обвалились, и земля не ушла из-под ног – рухнуло всё внутри. Разом порвались все крепежи, на которых были подвешены лёгкие, сердце, печень. Из-за этого в голове стало разом пусто, гулко и свободно.

– Всё, что я могу для Вас сделать, это попытаться ограничить попытки распространения сего компрометирующего факта, но Вы должны понимать, что в Вашем случае не всё в моей власти, – донеслось до Петра Гавриловича уже в дверях кабинета.

Он шёл через вестибюль, минуя канцелярию, к выходу. Место, где на протяжении многих лет приходилось штурмовать научный Олимп, стало внезапно Голгофой его стыда и позора. Портретные кумиры в поблекшей позолоте уже не манили в свои ряды, но и не осуждали. Они были мудрыми людьми и смотрели в его удаляющуюся сторбленную спину с сожалением и печалью. Прозрачные стёкла цветных витражей из голубых превратились в серые. Тяжёлые створки входных дверей выпустили Петра Гавриловича наружу, и он увидел, как всё преобразилось вокруг. Холодный гранит набережной был угрюм и неприветлив, равнодушно отбивая поднывавшие на реке волны. «Эти камни высосут из тебя жизнь, как они сделали это со многими до тебя», – невольно подумал он. Небо затянуло беспросветной хмарью, предвестником скорого дождя, и Пётр Гаврилович, подняв воротник ветровки, поспешил к мосту.

Он шёл и думал: «Но как? Как удалось сделать эту запись? Ведь они были вдвоём». Ответ на этот вопрос ничего не менял, но он упорно напрягал память, пытаясь в деталях воссоздать происходящее минувшего вечера. Историк попытался улыбнуться, представив абсурдность произошедшего: «Как под гипнозом... Почему не спросил имя, фамилию? К чему этот поздний визит? Почему не воспротивился намерениям незнакомки с самого начала?» Мозги закипали, наваждение какое-то. Ему по-прежнему казалось, что случившееся произошло не с ним. Пётр Гаврилович имел жизненный опыт противостоять искушениям. «Почему не сработало?». Кто-то чужой, недавно поселившийся в его сознании возразил: «Да он сам не захотел. Мог бы выгнать эту дамочку взащей!» Этот другой, был ему неприятен, но он был прав,

не было никакого гипноза. Пётр не пожелал воспротивиться тому, чего был лишён последние годы. Другой вопрос: как и где это случилось, вот в чём беда! «Беда ли? – снова возразил чужак. – Может благо?» И Пётр Гаврилович снова не смог возразить своему оппоненту.

В бесплодных размышлениях он не заметил, как прошёл по мосту. Ноги несли его дальше. У церковного скверика историк решил присесть и всё обдумать. На смену первому вопросу пришёл второй, не менее важный, но такой же трудноразрешимый: «Зачем? Для чего это всё? Разве я мешал кому-то? А если мешал, то удалить меня с пути можно тысячью иных, цивилизованных способов».

– Но ведь удовольствие получил, чего ропщешь? – раздался внезапно чей-то голос. Вопрос прозвучал столь явственно, что Пётр Гаврилович невольно вздрогнул и огляделся. Он был на лавочке один. Его внутренний возражатель ждал ответа. «Получил, только не от физической близости. Удивительно, но я не помню ни сами ощущения, ни радость от них». «Тогда зачем поддался искушению? – приставал невидимый собеседник. «Действительно, зачем?» – снова утвердительно кивнул Пётр и солгал. Он помнил только одно-единственное и желал бы, чтобы это ощущение не покидало его – близкое тепло женщины. Ведь ему так холодно в одиночестве, находясь всё время в кругу огромного количества людей.

Он вздрогнул, над храмом раздался неожиданный звон. «...Не спрашивай никогда, по ком звонит колокол: он звонит по Тебе».

Пётр Гаврилович поднялся. Начинало накрапывать, первые капли дождя шмякались о пыльные холмики, скопившиеся возле поребрика, стекая тёмными кляксами на асфальт. Он некоторое время постоял в размышлении: оставался последний вопрос – «что делать?»

Спустя короткое время, мужчина подошёл к дому. Елена уже уехала на службу. Пётр Гаврилович огляделся и заглянул в свой кабинет, стены которого были заставлены книжными полками. Добрая треть из книг, это его труды: эссе, научные статьи, рефераты, но ни в одной из них он не найдёт ответ на вопрос, что же ему делать? Молчали, укрывшись за добротным переплётом, Аристотель и Платон, Сократ и Диоген. Что, братцы, слабы в коленках? То-то!

Пётр Гаврилович не ждал от них ответа, решение уже было принято, верное или нет – покажет время. Побросав необходимые вещи и документы в дорожную сумку, он подошёл к столу и на чистом листе коротко написал: «Прости. Не ищи меня». Пётр подошёл к порогу, чуточку замешкался и снова вернулся, оставляя ключи от квартиры на столе и захлопывая за собой дверь.

Посёлок Рабочий, Омская область. 28 марта 2023 г.

Механик отпустил их с работы пораньше. Он зашёл с улицы, потопал валенками, стряхивая налипший снег, потом проверил, плотно ли прикрыл дверь в автомастерскую и с порога крикнул:

– Мужики, а не пора ли вам валить домой? Там непогода разыгралась, боюсь, к ночи совсем заметёт.

Из смотровой ямы показалась рыжая голова Сашки:

– Какая непогода, Степаныч? Весна на дворе. Осталось всего ничего, сейчас защиту поставим, масло дольём и можно выгонять.

– Там ещё заднюю правую ступицу просили посмотреть. То ли «тормозуха», то ли из-под сальника полуоси гонит. Мокрое колесо, – отозвался Сашкин напарник из глубины ямы.

– А ты, Пашка, сам посмотри. Боюсь, заночевать вам здесь придётся, – не успокаивался механик. – Да мне что, хоть ночь работайте, только я ведь знаю, что всё равно домой поедете.

Он прошёл к стоявшему в углу мастерской столику, продолжая обстукивать себя рукавицами.

– Чай будете? – Степаныч предложил помощникам перекурить и продолжил. – Вы, прямо, как в анекдоте.

Пашка с Сашкой переглянулись и улыбнулись.

– Сынок спрашивает у мамки:

– Мама, а кем мой дед работал?

Та отвечает:

– Он был знаменитым врачом-проктологом.

– А папа кем работает?

– Он тоже проктолог. А ты, сынок, кем хочешь стать, когда вырастешь?

– Я, мама, хочу быть автомехаником!

– Ииии. Хочешь всю жизнь в дерьме ковыряться?!

При последних словах Василий Степанович громко захохотал. Ребята из ямы засмеялись, вежливо поддержав заботливого и незлобивого начальника. Они уже в сотый раз слушали этот анекдот и были уверены, что услышат его ещё не однажды.

– Выбирайтесь, выбирайтесь, я не шучу насчёт погоды, – посерьёзнев, повторил тот, прихлёбывая горячий чай из алюминиевой кружки. Ребята не раз привозили ему фаянсовые бокалы разных калибров, но они надолго не задерживались. Им порой казалось, что Степаныч разбивает кружки специально. Правда, одна, с его портретом и поздравлением с Днём рождения от них, была цела и стояла на верхней полке рядом со столом.

Пашка с Сашкой, завершив ремонт, выбрались из смотровой ямы, вытирая ветошью запачканные мазутом руки.

– Метёт, говоришь? Да нашей ласточке всё нипочём, – хохотнул Сашка. Ласточкой была старенькая «Нива», которую они в прошлом году перебрали до болтика, подварили днище и ободрали старую краску. А позже, ещё по лету, выкатили из бокса «снежную королеву». Покрашенный в ослепительно белый цвет с металлическими искорками внедорожник имел на крыше красный герб с вензелями «ПС», означающими вечную и нерушимую дружбу двух закадычных друзей Пашки и Сашки. И даже несмотря на регулярные придирки сотрудников ГИБДД, а порой и штрафы, герб продолжал красоваться на машине, вызывая восхищение местных пацанов.

На улице, действительно, мело. Здесь, за домами, среди построек, запоздалые старания задержавшейся зимы ограничивались лишь рядами белых хлопьев да обильно осыпавшимся с крыши снегом. А ведь ещё вчера светило яркое солнце, а на пригреве у стены появились

первые проталины. Сашка вышел прогревать машину, а Пашка искал в подсобке снеговую лопату с коротким черенком, «на всякий пожарный», по совету Степаныча.

Стемнело. Прежде чем тронуться, они проверили дворники и свет фар.

– Может, всё же останетесь? – с тревогой и сомнением спросил механик

– Не бойсь! Всё будет норм! – машина сдала задним ходом, выхватила светом фар в снежной пелене фигуру Степаныча в проёме ворот, вышедшего проводить их в путь.

Первые серьёзные порывы ветра они ощутили, когда выехали из промышленной зоны, находящейся на окраине районного центра. Машину затащило по дороге, но Сашка вырулил и чуточку сбавил скорость.

– Может я поведу, – спросил Пашка, чувствуя себя неуверенно при отсутствии руля.

– Нет, парусность большая. А много ли ей надо? База короткая, лучше потише поедём.

В машине заметно потеплело, уютно жужжал включенный на полную мощность вентилятор отопления.

– Музыку прибавь, а то я задрёмываю, наломались сегодня.

– Нет, пока щётки, пока печка, пока свет. Не хватало ещё, чтобы аккумулятор разрядился.

– Я его на днях подзаряжал, зарядку плохо берёт, но, думаю, зиму проедем.

– Да ты дреми, я себя нормально чувствую.

Ребята замолчали. Впереди тридцать километров пути. Вот уже полтора года, через два дня на третий, они ездили вдвоём на работу в автосервис. В посёлке ничего подходящего не было, разве что молочная ферма, да и она на ладан дышала. После срочной службы ребятам возвращаться к вилам и навозу было некомфортно, девчонки засмеют. А тут, дело по душе предложили, да и заработок побольше. Иные дни они калымили сверхурочно, но это по лету. Бывали и чаевые, но, правда, редко, народ в городке был зажимистым и нещедрым. А может быть, достаток не позволял. Был однажды у них памятный случай, заехал авторитет на Ленд Крузере. В Мурманск ехал. Что-то там у него с зажиганием. Никто не брался, а Сашка с Пашкой взялись и к вечеру починили. Так он им сверх работы червонец на двоих дал. Они на те деньги зимнюю резину прикупили...

Пашка задремал. Выехав на трассу, Сашка прибавил газу. Низовая позёмка переметала через дорогу и оттого казалось, что они не едут, а плывут по волнам. Обочины были трудно-различимы, и спустя пару километров у Сашки заломило глаза от напряжения. Он снова сбавил скорость и продолжал путь интуитивно, наощупь. Монотонная дорога убаюкивала и клонила ко сну. Чтобы взбодриться, он замурлыкал себе под нос, отстукивая пальцами по рулю незатейливый рэп:

– Где нас нет... Услышь меня и вытащи из омут.

Веди в мой вымышленный город, вымощенный золотом.

Во сне... я вижу дали иноземные,

Где милосердие правит, где берега кисельные...

Встречных машин почти не было и это усложняло дорогу потерей ориентиров. Еле различимые лесопосадки вдоль дороги немного позволяли корректировать курс. В один из разрывов между ними машину швырнуло очередным порывом ветра и правое колесо зацепило край обочины. Машина начала крениться. Руки на руле задрожали от напряжения в попытке удержать автомобиль на прямой и хоть на микрон вывести его налево. В салоне от вибрации задребезжали стёкла. Сашка старался не делать резких движений ни рулём, ни педалью акселератора. Нехотя, натужено ревя, машина вышла из заноса. Он остановился, вышел из машины и, зачерпнув пригоршню снега, вытер лицо. В поле бесновалась выюга, и он, придерживая дверь, поспешил забраться в салон. Пашка поднял голову:

– Приехали?

– Нет ещё. Скоро приедем.

– Давай я поведу.

– Спи...

И приятель снова уронил голову на грудь. Лицо горело, словно тысячи маленьких иголок впились в лоб и щёки. Но сонливость прошла. «Надо бы было у Степаныча тулуп взять. Вот так застрянем или заглохнем, замёрзнем к чертям», – подумалось ему.

Метель не сдавалась. Теперь уже, помимо низовой, поднялась верховая: миллиарды снежных снарядов, словно мчащиеся навстречу звёзды, слепили глаза. Ощущение космоса стало передаваться не только зрительно, но и физически. Тело стало невесомым, и состояние полёта среди безбрежного снежного пространства возрастало внутри Сашки с каждой минутой. Тошнотворный ком волнения, тревоги и отчаяния подступал к горлу. «Останавливаться нельзя, надо двигаться хоть черепашьям шагом, – думал он, опасаясь в очередной раз зацепить обочину. – Если застрянем, замёрзнем».

Он попытался переключиться на дальний свет. Снежная вьюга тут же встала белой непроницаемой стеной перед глазами. На какое-то время он даже потерял ориентацию, словно ослеп и поспешил снова переключиться на ближний. Сашка не мог понять, на каком отрезке пути они находятся и насколько далеко это от дома. Потеряв способность определить время и пространство, он снова разволновался и вслух, вполголоса, произнёс:

– Так. Двадцать вёрст по прямой. После поворота ещё километра четыре, потом ещё три-четыре до развилки. И ещё два до дома... Неужели мы ещё не проехали двадцать километров?!

Именно, в этот последний момент он успел выхватить взглядом злополучный поворот и, крутанув резко руль вправо, а затем влево, чтобы уйти от заноса, чудом вписался в дорожный вираж.

Направление ветра сменилось и стало полегче. Теперь снег не бил в лобовое стекло, а лепил сбоку. Вьюга засвистела сквозь зазоры в неплотно прилегающие двери. Этот звук напоминал злобный визг стаи озверевших собак, стремящихся во чтобы-то ни стало ворваться внутрь машины. «Надо завтра не забыть подрегулировать замки и уплотнители поменять».

Внезапно, на долю секунды, погас свет фар и тут же вспыхнул вновь. «Этого ещё не хватало. Скоро должен быть второй поворот». Через пару сотен метров ситуация повторилась, и несколько мгновений машина двигалась в кромешной темноте. Он сбавил ход, съехал на предполагаемую обочину, включил «аварийку» и остановился. Почти в то же мгновение свет замигал энергичнее, и Сашка переключился на «габариты».

– Пашка, вставай, – растолкал он друга.

– Приехали? – основательно заснувший напарник встрепенулся, вглядываясь в окна. – Это мы где?

– В Караганде. У нас проблемы какие-то со светом, пойдём, посветишь. Машину не глушим.

Застегнув наглухо «молнии», надвинув капюшоны курток и с трудом открывая двери, преодолевая сопротивление ветра, они приподняли крышку капота. Всё подкапотное пространство было забито снегом, лишь на коллекторе и блоке цилиндров пузырилась талая вода.

– Ох, ё! Тут Степанычевой лопатой выгрести. Наверное, коротит где-то? – предположил Павел. – Давай я колодку гляну.

И он, засучив рукав погрузился в снежное месиво, нащупывая только ему ведомую причину неполадки.

– Ты там пока предохранитель посмотри, может неплотно сидит или от перегруза подгорел.

Сашка присел на колени. Ветер рвал дверь из рук, забрасывая в салон охапки снега.

– Вроде бы, нормально.

– Ты там пошебурши в держателях, – стремился перекрыть шум ветра Пашка. – Бля, рука ооченела... Нашёл! Колодка ослабла.

– Садимся!

– Сейчас, от снега немного очищу!

– Садись, с открытым капотом ещё больше насуропит...

Они запрыгнули в машину и захлопнули двери. Вентилятор охлаждения двигателя натужено загудел и в салоне запахло гарью.

Вырулив с обочины и переваливаясь через языки сугробов, начинающих образовываться на дороге, они продолжили путь. Вскоре друзья миновали второй поворот.

– Ещё немного и развилка, а там до дома рукой подать, – потирал замёрзшую руку Пашка. Сашка молчал, у него сильно замёрзла левая нога, и он поджимал её поближе к печке, чтобы согреться.

– Завтра в клуб пойдём?

– Подожди ты «про завтра», давай до дома доедем.

Неожиданно из снежной пелены, слепя встречным светом, вырос тёмный силуэт большегруза. Державшийся середины дороги Сашка, вцепившись в руль, впритирку прошёл рядом с бортом.

– Откуда этого чёрта вынесло?! Возьми правее! А то они нам зеркала снесут.

– Ага! Пока ты спал, я уже брал правее. Сейчас бы в сугробе ночевали. Он тоже боится с дороги улететь.

– Вроде бы поменьше метёт, прибавь газку.

– Нет, а то развилку проскочим.

– Да я смотрю, – отозвался Пашка, прильнувший к правому окну.

«Всё-таки Степаныч был прав, надо было заночевать. Или пораньше выезжать. Да и машину придётся около двора бросить, какой смысл чистить ворота, всё на ходу замечает, – размышлял Сашка. Он почувствовал, как усталость опустилась пудовой тяжестью на плечи, руки стали непослушными, словно деревянными, – Скорее бы доехать».

– Развилка! – неожиданно крикнул Пашка, и он резко рванул руль вправо.

Машины занесло. Задние колёса юзом заскользили по дороге, поднимая столб снежной пыли, и «Нива», кренясь и заваливаясь набок, свалилась по снежному настилу под обочину. Мотор взревел и, захлебнувшись, заглох.

Тихо. Темно. Кто-то из них застонал.

– Живой?

Тишина.

– Санёк? Ты живой?!

– Да живой я, живой, – застонал Сашка.

Они висели вниз головой на ремнях безопасности. Пашка почувствовал: что-то капало на лицо, но, судя по запаху, не бензин. Он, подобно мухе в паутине, беспомощно затрепыхался, но высвободиться не удалось.

– Санёк, ты не молчи! Руки, ноги целы?

– Нога болит, кажется, сломал. Я её не чувствую.

– Сейчас попробую ремень отстегнуть. Не пойму, заклинило что ли? – Пашка продолжал безуспешно возиться в натянутых ремнях, врезавшихся в шею. Было трудно дышать, а лицо заливала, неведь откуда взявшаяся, вода.

– Тонем что ли? – попытался пошутить он.

– В бардачке поищи нож. Должен быть там, – отозвался Сашка и снова застонал.

Пашка набрал воздух в грудь, насколько это было возможно, и отпустил руку, сдерживающую ленту страховочного ремня. Повозившись в вещевом ящике и нащупав нож, он, полузадушенный и взмокший от напряжения, принялся пилить свои путы. То ли нож был тупой, то ли ремни прочные, только результат пришёл не сразу. Больно ударившись о торчащий с заднего сиденья черенок лопаты, он свалился вниз, хотя недавно это было верхом. В первую очередь Пашка попытался открыть дверь. Защёлка сработала, но всё осталось по-прежнему.

– Мы под снегом. Попробуй окно разбить, – отозвался со своего места Сашка.

– Держись. Сейчас я твой ремень перережу.

– Подожди. Если я с ремня свалюсь, ноге кирдык будет. Не пойму, как она у меня туда попала? – озадаченно откликнулся приятель.

– Ладно. Может заднее стекло выдавить? Боюсь, что снега много отгребать придётся. Тебя завалю.

– Попробуй, – согласился Сашка.

Пашка перебрался в заднюю часть машины, нащупал точки упора и двумя ногами ударил в заднее стекло. Маленькой лавиной, в машину вполз снежный сугроб. Помогая себе руками, Пашка устремился вверх. Минут через пять, задохнувшийся, он выбрался из снежной ловушки на поверхность.

Шапку сорвало с головы порывом ветра, и она моментально исчезла в ночи. Это не была метель или выюга, здесь, наверху, был настоящий снежный шторм. Пашка, не раздумывая, стал пытаться вернуться обратно в машину. Он напоминал большую белую гусеницу, извивающуюся всем телом и пытающуюся спрятаться в выгрызенном ею отверстии.

Сашка по-прежнему молча висел на ремнях и тихо постанывал.

– Шура, давай пытаться высвободиться. Жаль, нечем посветить. Я не пойму, где она у тебя застряла? – Павел дотянулся до ног друга, наощупь просунул руку к ступням. Одна из них была неестественно выгнута и зажата между краем сиденья и металлической рейкой регулятора положения кресла.

– Как она смогла туда попасть?

– Не знаю. Может быть, когда ногу отогревал?

– Чёрт! И перепилить рейку нечем... Может, всё-таки, ремень обрежем? Попробуешь сам ногу высвободить.

– А если не получится? Тут хоть ремни держат. А на больной ноге я долго не провишу.

Пашка снова потянулся в темноту к ногам товарища и попытался аккуратно вывернуть ступню в нужное положение, но Сашка закричал, и он понял бесполезность этой затеи. Попытка отжать рейку тоже не удалась, она не поддалась.

Пашка дотянулся до лопаты и подтянул её к себе, потом, засунув черенок на излом под кронштейн, попытался сломать его. Древко лопаты хрустело, но металлическая планка не поддавалась из-за слишком маленького рычага. Выбиваясь из сил и скрепя зубами от напряжения, ему всё-таки удалось обломить черенок. Он снова пробрался к ногам повисшего на ремнях Сашки, просунул огрызок палки и что есть сил надавил. Острая боль пронзила тело в области солнечного сплетения. Павлу показалось, что внутри у него что-то оборвалось. Вскрикнув, он свалился назад, рейка не поддалась.

Его взяло отчаяние. В машине стало заметно холоднее. Часть снега, попавшая в кабину, таяла и медленно покрывала хрупкой ледяной коркой виниловую обивку крыши кузова. «Что же делать?! Выбираться из этой могилы и идти в село? Два с половиной, три километра... Я не дойду. И здесь оставаться? Замёрзнем наверняка», – лихорадочно думал он. Ему хотелось выть от бессилия.

Сашка, словно услышав его мысли, подал голос:

– Паш, надо в село за помощью идти. Мы здесь скоро околеем. Я уже ног не чувствую.

– А как я тебя здесь одного оставлю?

– А какие у нас варианты? Ты только дыру не закрывай, а то я задохнусь, – он помолчал и добавил, – и это, ... возвращайся поскорее.

Павел сорвал чехол с переднего сиденья и обмотал вокруг головы. Сашка снизу вверх смотрел на него и молчал. Накинув капюшон поверх самодельного тюрбана, Пашка хлопнул друга по рукаву и полез наружу.

Машина почти полностью была погружена в сугроб, и чёрное пятно днища на глазах становилось белым. Только задние колёса ещё продолжали возвышаться над зимними барханами, словно две замёрзшие ладони, сжатые в кулаки и взывающие о помощи.

Он совершенно не понимал, в какой стороне дорога. Наобум, утопая по пояс в снегу, Пашка нащупывал предполагаемый склон обочины. Чем дальше он шёл, тем глубже проваливался в растущие на глазах сугробы. «Надо возвращаться. Если мы съехали носом вперёд, то идти надо в противоположном направлении». По своим следам Павел вернулся к машине, обошёл её и, буквально в трёх шагах, нащупал крутой откос обочины. Взобравшись на насыпь, он огляделся: последние тёмные пятна дорожного покрытия затягивало снежным покрывалом. «Значит, развилка совсем рядом. Прямо и направо, прямо и направо, прямо ...», – бился пульс в голове. Юноша брёл, преодолевая сопротивление ветра, по едва различимой дороге под каким-то немыслимым углом, нарушая все законы физики.

Развилка! «Если бы я не ошибся с поворотом, если бы Сашка не послушал меня, то мы были бы давным-давно дома», – бормотал он про себя, захлёбываясь от встречного ветра. Лицо покрыла сплошная корка снега, тающая и тут же превращающаяся в лёд. Тонкие перчатки не спасали от стужи, тем более ему постоянно приходилось прислонять ладони ко лбу, чтобы защитить глаза от колючих снежных порывов.

Каждый новый десяток метров давался с невероятным трудом. Порой Павел закрывал глаза и шёл в кромешной темноте, наугад, проваливаясь в сугроб по колено и осознавая, что заступил на обочину. Он снова возвращался на твердь покрытого льдом асфальта, закрывая глаза от лупивших по лицу мелких и злых льдинок. Порой, в прогалинах между дорожными лесопосадками, ему приходилось ползком, помогая себе руками, преодолевать языки наметённых сугробов. Перчатки промокли и залубенели, напоминая чёрное вымя коровы.

Юноша с трудом передвигал ноги по снежной каше, словно по вязкому речному песку, скользя и падая на бок, боясь подстраховаться рукой. Ему казалось, что если он выставит онемевшую ладонь, то она расколется на тысячи мелких осколков. Потеряв счёт времени и пройденного пути, Пашка присел на корточки и втянул голову в плечи. Ладони в разбухших перчатках с налипшими ледяными катышками не лезли в карманы куртки, и он зажал их между коленями и животом. Икры ног сводило от холода и неудобной позы. «Сейчас бы прилечь», – ласково пела выюга. Он внезапно услышал еле различимую мелодию сквозь визг пурги и нахмурил брови, прислушиваясь и стараясь понять, откуда звучит эта странная, едва уловимая уху музыка. Кто в этом поле мог играть для него в такой неурочный час? Удивительно, но этот мотив казался знакомым ему и, вместе с тем, он мог поручиться, что никогда раньше его не слышал.

Кто-то с силой толкнул его в спину, опрокидывая лицом в сугроб. «Поскорее возвращайся ...». Пашка поднялся и пошёл, потом снова остановился: «А откуда я иду? И куда?!» Ужас объял его. Он не знал в какую сторону брести, пришлось вернуться на место недавнего отдыха. Сознание не слушалось его. Все причинно-следственные связи и ориентиры, стороны света и суть происходящего сбились в один мохнатый огненный клубок, который разрывал голову от боли и неопределённости. Напрягая последние усилия воли и разума, Пашка определил недавнее направление своего движения. Верным ли был этот путь, никто не знал.

Подобно скорбному путнику в этой безбрежной и безразличной ко всему снежной пустыне, забывший, как его имя, кто он, и что здесь делает, юноша помнил главное – ему нужно помочь попавшему в беду другу. Он продолжал идти, волшебная музыка вокруг играла всё громче и громче, Пашка мог поклясться, что таких чудесных мотивов ему не приходилось слышать никогда.

Преодолев ещё несколько сотен шагов, сквозь пелену стонущей непогоды и бахрому инея, налипшую на ресницы, он увидел тусклую искру света. Ему приходилось слышать о видениях измождённых путников в пустыни, но искра не гасла, она не была миражом, теряя

последние силы, Пашка направился к ней. Это было «подслеповатое» окно фермы, подсвеченное изнутри слабенькой лампой. Сойдя с дороги и провалившись в снег, он прополз ещё несколько метров...

С торца приземистого строения виднелись ворота. С трудом приоткрыв одну из створок, Пашка оказался в тёмном тамбуре. Ему показалось, что здесь, в защищённом от ветра убежище, метель продолжала свою дикую пляску в его голове. Тусклый свет сквозь едва различимую щель вторых ворот падал жёлтой лентой на соломенную подстилку. Дверь оказалась закрытой. Пошарив по полу руками, он нащупал в углу кусок толстой проволоки, поддел внутренний крючок и ввалился внутрь помещения. Коровы, стоявшие поодаль, взволнованно подались к стене. В воздухе висело облако тумана, мокрыми каплями оседавшее на стенах и кровле, в проходе парила силосная куча. Павел упал на неё ничком, сунув остекленевшие руки в пахучее тепло. Ладони свело болью в отходящих от мороза руках, но он продолжал погружать их всё глубже и глубже. Плечи его вздрагивали, а через короткое время он затих.

Станция Бедное, Заволжье. Ноябрь, 2022 г.

– Можно? – старик оглядел соседей по купе и откашлялся. – Здоровы были. Он снял телогрейку, оставшись в вязанном свитере с причудливым мотивом стилизованных лапландских оленей, опустил на пол две тяжёлые сумки, подвернул краешек одеяла и осторожно присел.

– Дед, давай, устраивайся поудобнее, – радушно предложил ему широкоплечий веснушчатый парень лет тридцати, судя по всему, «хозяин» нижней полки. – Меня Василием зовут. А Вас?

– Николай Иванович, дядя Коля, – ответил старик и протянул ладонь для знакомства. – Тоже до Москвы?

– До неё, до первопрестольной-матушки, – согласился Василий, и они обменялись рукопожатием.

– Марина, – откликнулась девушка с противоположного края, закрыв книгу и положив на край стола. Через плечо на грудь свисала толстая коса, что для её возраста было редкостью. «Наши- то в деревне давно уже все косы порезали, сплошь «гарсоны и каре», не поймёшь, где девка, а где парень. А то, вот, ещё моду взяли выстригать буквы и рисунки разные. Сам днями видел у одной неприличное слово на башке. Буквы-то, они в голове должны быть, а не наружу торчать».

– А Вы, Николай Иванович, в гости или домой?

– В гости, дочка, – отозвался старик. – Внуку решил провести.

И с гордостью добавил:

– В Москве она у меня учится, в институте.

– Билетики приготовим, отец, – проводник забросил пакет с постельным бельём на верхнюю полку, старик протянул ему сложенный вчетверо проездной.

– Так, все до Москвы. Чай, кофе? В туалете бумагу в унитаз не бросать, курить только на остановках. Хорошего пути, – напомнил он заученной скороговоркой и прошёл дальше по вагону.

Поезд набирал ход. В купе зашёл ещё один пассажир. Юноша азиатской внешности держал в руках три стакана с чаем. Осторожно, чтобы не расплескать кипяток, поставил их на стол, присел напротив деда и приветственно кивнул.

– Тулкун. Толя по-нашему. Узбекский друг русского народа, – представил его Василий.

– Дедушка, Вам чай принести? – участливо спросил молодой человек.

– Нет. Спасибо, сынок, я же недавно из дома. Попозже попью, – отказался Николай Иванович.

– Так что, внука? На кого учится? – придвинулся поближе сосед по полке.

– Философом будет, что-то по языкам. Читать очень любила. Вместе с Ломоносовым учится, – гордо пояснил дед, но тут же поправился. – Точнее, он там тоже учился.

– В МГУ? Наверное, филологом? – взглянув с любопытством, вопросительно уточнила Марина.

– А какая разница? Я ей предлагал на ветеринара выучиться. Или, хотя бы, зоотехника. У нас, кто был в деревне, все померли или разъехались. Вот тебе кусок хлеба, – но вспомнив, что бурёнок и овец пустили под нож лет двадцать назад, добавил. – А может и правильно, что уехала.

– Ну, не обязательно агрономом возвращаться в село. Можно и учителем, – предположил Василий.

– Я тоже так думал, да она мне говорит, что, мол, нет, дед, в ваш Мухосранск больше не вернусь. Ей теперь виднее. Да и правда, чего она у нас забыла? Школу, и ту закрыли, на

автобусах возят детишек в соседнее село за десять километров. А так-то, разобраться, ни свет, ни заря, буди малого спозаранку. Какая ему учёба? Он на уроках засыпает. По что детей детства лишают, кто знает?

– Может быть в селе не осталось учителей, кто мог бы чему-то новому научить? А в другой школе, возможно, новаторы ещё остались, – возразила осторожно Марина.

Николаю Ивановичу не было знакомо слово, и он пояснил:

– Компьютеры у них, в новой школе, есть, а насчёт новаторов ничего не слышал.

Девушка улыбнулась. Василий тоже включился в разговор:

– Ну, а что, уедут от пьяного папки в другую школу, немного потеряют. А в своей «деревяшке» чему научат? Коровам хвосты крутить? А так, глядишь, как ваша внучка выучатся, большими людьми станут.

– Так не всем же большими быть, кто-то же должен хлеб растить, страну кормить, – не сдавался дед. – Кто же на селе останется, коль дальше дело так пойдёт?

– Так купим, дядя Коля, за бугром. «Заграница нам поможет, запад с нами», – весело процитировал Великого Комбинатора Василий.

Старик молчал: «Держи карман шире. Эти помогут, если последнее не отберут». Он помнил послевоенное детство, как под палящим солнцем шли они по бескрайнему полю собирая в холщовую сумку несжатые колоски, а после школы спешили в поле к родителям на помощь, захватив бутылку молока и кусок хлеба на перекус, как рвали неподдающуюся из земли свёклу и смотрели с надеждой вдаль: есть ли у этого «пая» конец? Он не забыл, как засыпал и просыпался в кабине разбитого «газончика» по дороге на сахарный завод, а руки гудели от вручную, «по борта», загруженную свёклой машину. И никто не помог и не поможет. На себя надеяться надо.

– Кнут коню не помощник, – вздохнул Николай Иванович, не желая обижать попутчиков своим особым мнением, кряхтя наклонился к сумкам, достал пакет и выложил на столик несколько жёлтых с красноватым румянцем яблок. Купе наполнилось ароматом душистого аниса. – Вот угощайтесь. Только помыть надо.

– Красивые, – восхитилась Марина. – Из своего сада?

– Нет, эти соседка доложила. Сумки помогла мне до поезда донести. Эти яблоки долго не хранятся. А из моего сада – антоновка со штрифелем те до Нового года лежат, а то и дольше, – пояснил старик.

Когда девушка вышла из купе, Василий предложил убрать сумки под лавку.

– Что же ты дед такую тяжесть таскаешь? Мне и то тяжело.

– Так я всего понемногу: медку, варенья, соленья, яблоки те же. Раньше с хозяйкой ездили... Теперь вот приходится одному. Раз в год – не велика ноша.

– А что хозяйка? Приболела?

– Два года, как убралась. Полегче с ней было. Так-то, и мне пора, но внучку надо до ума довести, ей ещё год учиться.

– А что же родители не помогают?

– Так жизнь распорядилась, что мы её родители, – дед грустно улыбнулся. – Да чего теперь...

– Понятно, – не стал настаивать Василий.

«А мне вот до сих пор непонятно, – задумался Николай Иванович. – Как можно родного ребёнка на забавы, да развлечения променять?»

Зятя он недолюбливал с самого начала, «вихлястый какой-то, как на шарнирах, художник, мать его ети». Бывало, приедут с дочкой на пару дней, вытащит зятёк складной стульчик с какой-то деревянной раскладушкой: «Я на пленэр». Нет, чтобы с дочкой поиграть, погулять. К вечеру вернётся с, прости господи, мазнёй на картонке, корова хвостом лучше нарисует.

Однажды застал его зять за разглядыванием очередного «шедевра». Николай Иванович и так смотрел, и переворачивал. Только что, на зуб не пробовал.

– Николя, Вам не дано понимание авангардизма в живописи, – произнёс он неожиданно из-за спины. Передвинул картинку к окну, отошёл и, прищёлкнув языком, со вздохом произнёс. – Конечно, не Камиль Писсаро. Но всё же.

«И чего в нём дочь нашла? Балабол никчемный. Да и сама хороша, сдала девчонку к старикам, и душа не болит. Нам то с бабкой, в своё время, забава, но Катерине материнская ласка нужна. Разве мы можем её чем-то заменить?»

Вернулась Марина, и все захрустели яблоками. Снова запахло летом, солнцем, чем-то пряным и духовитым. Николай Иванович отказался, сославшись на отсутствие зубов.

– У нас, в Фергане, такие же вкусные и сочные! – мечтательно произнёс Тулкун. – А ещё груши, персики, виноград. В Москве такие не купишь. Как будто из ваты, ни вкуса, ни запаха. Почему, а?

– А сейчас всё, что ни возьми, как из ваты. Что хлеб, что колбаса, – отозвался Василий. – Вот мы, на промысле краба прямо на судне готовим. Это же пища богов! Как-то в магазине баночку взял – есть не будешь. Не наш краб, подменили.

– А может быть, нас подменили? Может быть, мы разборчивее стали? – вопросительно, с долей подвоха, вставила Марина. – Как считаете, дядя Коля?

– Не могу дочка судить. Хлеб сами печём, такой же вкусный, как раньше. Бывало, скотину держали, свою колбасу делали, пока от стола силком не оторвут, сами не отойдём. Кажись, всё по-прежнему. Правда, вот, чай жидковатый стал, тут я соглашусь. Раньше ведь как, бросишь ложку индийского «со слонами» – плёнка масла на поверхности как из-под солянки. Бокал с содой не отмоешь. А душистый какой? А сейчас не то. Дочери заказал, из Малайзии привезла. «Исключив», говорит. А я говорю, гавно. Пишут же – мировой кризис! – подвёл итог старик.

Соседи по купе рассмеялись.

Старик ничего не знал о попутчиках и обратился к ближнему:

– Ты, Василий, на побывку приезжал?

– На побывку, к старикам. Как угадал, отец?

– Дык в наших степях морей нет, а крабов – и подавно. Чуть ниже нас возьми, так там одни солончаки, да тушканчики.

– От тушканчиков и сбежал в своё время, – улыбнулся веснушчатый красавец.

– Как подумал, что всю жизнь здесь проведу, так и затосковал. Родители отговаривали. А я срочную на море служил, акустиком. Был в своё время в Североморске крейсер «Мурманск». Говорят, что на металлолом порезали. А я на нём два значка «За дальний поход» заслужил. Эх, в какие моря мы ходили, какие края видели. Сказка! – мечтательно поднял к потолку глаза Василий. – Помучился я месяца три после увольнения, пображничал. И такая меня тоска взяла по морю, по сослуживцам, по дальним странам.

Глаза рассказчика погрузнели и он, неожиданно для всех, чистым, приятным голосом тихо запел:

– Тянется долго ночь в Заполярье.

Где-то граница недалека.

Лиинахамари, лиинахамари,

Адрес короткий у моряка...

Василий помолчал немного и продолжил:

– Своим говорю, мол, я сушить вёсла здесь не намерен и укатил на Камчатку.

– Почему на Камчатку, а не туда, где служили, – спросила из угла внимательно прислушивающаяся к разговору Марина.

– Туда, где служил? Так я первым делом туда и отправился. Там теперь всё иначе. Трудно сказать, как, порядка, что ли меньше. Ну, мне друзья и присоветовали на край земли вместе с ними. Ну, а потом, что же в одном месте застревать, а так, хоть мир посмотрю.

– Далековато с этой окраины до всего мира, – снова поддразнила девушка.

– Далековато, – согласился Василий. – Только теперь для меня Камчатка и есть весь мир. Я сначала устроился на прогулочный катер туристов по Авачинской бухте катать. Сначала всё устраивало: и зарплата, и условия. Только через год всё это однообразие стало надоедать. Ну, что это? Дальше острова Старичков или Трёх Братьев в океан не выйти. Скучно стало, а тут ещё наплыв китайцев. Шустрые они, от любопытства, того и гляди за борт вывалятся, отвечай потом за них.

– Какой вы неугомонный! – скорее утвердительно, чем вопросительно рассудила Марина.

– Да нет, я спокойный, но очень стихию люблю, если ветер, так штормовой, если дождь, то ливень...

– ... Ну, а если море, то океан, – смеясь перебила попутчица.

– Досмеёшься, заберу тебя с собой, – шутливо пригрозил моряк и, посерьёзнев, добавил. – А океан, это не море, даже очень большое. Океан это..., стихия.

Василий широко, насколько позволяли размеры купе, раскинул руки и привстал.

– А волны? Вы видели океанские волны? – глаза его загорелись, а щёки покрыл лёгкий румянец.

– Ой, ой, морячок разошёлся! Вот возьму и соглашусь! Будешь от меня по поезду прятаться, – смеялась девушка и хлопала в ладоши.

Николай Иванович любовался ими: красивые лица, чистые души. Он разбирался в людях. Когда-то и у него всё было так же задорно. Один только вид голубенького ситцевого платья любимой приводил его в трепет. А какие были тёплые, подёрнутые сиреневой дымкой июньские вечера? А посиделки вместе с друзьями и подругами на брёвнышках до утра? Оттуда, из далёкого прошлого казалось, что вся жизнь впереди. По сути, так оно и было. Только годам к шестидесяти он, к полному своему удивлению и изумлению обнаружил, что скоро «кино закончится и опустится занавес». А после смерти жены, жизнь и вовсе замерла, стала безынтересной.

– Ну, что? Поедешь со мной?

Старик, отряхнувшись от собственных мыслей, с удивлением обнаружил, что Василий перебрался на соседнюю лавку и ласково уговаривал девушку отправиться с ним на край земли.

– И что я там буду делать? Платочком с берега махать, провожая тебя в море? – не переставая залиристо смеяться, отбивалась Марина.

– Правда, бывает, на полгода уходим, – озадачился мореход. – Да, ну что-нибудь придумаем. К нам, в рыбхоз, устрою.

– Ага, камбалу разделывать, – девушка уткнулась головой в широкую грудь Василия, вытирая выступившие от смеха слёзы.

– Я этнограф, Василёк. Обычай, обряды, культурные традиции собираю и исследую.

– Как Шурик из «Кавказской пленницы»? Неужели тоже запойная? – отшатнулся ухажёр. – У наших камчадалов столько обрядов и традиций, что не переслушаешь и не пересмотришь. Я бы тебя с шаманом местным познакомил. Да и имя у тебя подходящее, морское.

Аргументы Василия иссякли. Марина махнула ладошкой, выдохнула:

– Я подумаю. Хороший ты парень, может тебе пора в тихую гавань. Мы тебе море поближе найдём.

Василий внимательно посмотрел на Марину:

– Руку давай в честь знакомства. У него на брюшке мои координаты.

Он положил в протянутую ладошку приглянувшейся ему девушки маленького белого, вырезанного из кости, краба.

– Но без любви не может жить моряк.

Любовь в походе греет моряка.

Она для нас как в темноте маяк,

К себе зовущий нас издалека...

Василий вернулся на место, выдвинул из-под лавки рюкзак и, пошвырявшись, достал что-то, зажав в кулаке:

– У меня для вас тоже презенты. Он протянул руку к верхней полке, затем придвинулся к старику. Тулкуну досталась забавная морская черепаха, а на ладони Николая Ивановича лежал белый улыбающийся кит.

– Спасибо, – поблагодарил он попутчика. – Красивый, тонкая работа. Сам сделал?

– Нет, – признался Василий. – Приятель мой, талантливый парень. Американцам с японцами толкает, когда те с круизом к нам заглядывают.

Фигурки из кости, действительно, были выточены с большой любовью, покрыты тонкой резьбой и, как будто, светились изнутри.

– Тут оказия такая случилась, – пояснил Василий. – Прямо перед моим отъездом в Авачинскую губу заглянул лайнер из Калифорнии по пути в Нагасаки. Приятель на набережной разложил свои поделки для продажи. Два плота подплыли к берегу. Туристы сразу к дружбану за сувенирами. Облепили, лопочут по-своему. А тут, как назло, пара медведей к контейнерам с мусором вышли в поисках жратвы. Так-то, они в это время кижучем на реке промышляют. Вот эти отщепенцы увидели иностранцев, наверное, обрадовались и, с распростёртыми объятиями, к ним двинулись. Приятель мой быстро сориентировался, бросил товар и за бетонную тумбу спрятался, а американцы к плоту драпанули. Приехали на двух, удирали на одном. Не знаю, как они все там поместились, ноплыли к кораблю быстро, как будто форсированный движок поставили. Может руками помогали грести. А медведи, видя такой переполох, поняли, что ничего им пожрать не обрыбилось, полюбовались на поделки, столик зачем-то сломали и пошли к плоту, попрыгали на нём чуток и ушли обиженные восвояси.

Я вот думаю, правы америкосы, когда говорят, что у нас в России медведи по улицам ходят.

А друг мой, собрал свои не востребованные самоделки и мне подарил для раздачи друзьям и знакомым на добрую память, мол, пусть знают, что есть такое место, где начинается Россия.

За окном вагона мелькали осенние деревья, сливаясь в сплошную серую полосу, в купе царило оживление, и уютная атмосфера вечера располагала к душевному разговору.

– Я так не смог бы, – указал Николай Иванович на диковинного морского зверя. – Я всё больше по плотницкой части: табуретки, столы, тумбочки для дома или, если кто закажет, для сельчан. Мой инструмент фуганки да шерхебели, долота да стамески. Но всегда хотелось что-то эдакое смастерить, красивое. Я, как время свободное выдалось, вырезал русалку из старой липы, неделю возился. Правда, материала на хвост не хватило, пришлось – по пояс сделать. Полез на крышу, прикрепил вместо конька, а как спустился, то старухе своей, как на грех, похвалился: вон, мол, какую красоту к небу возвёл. Лучше бы не говорил, может и не заметила бы. Вышла жена, увидела титьки, она же не знала, что это русалка, и давай меня костерить. Дьявол, у людей кони и птички, а у тебя срамота – баба голая. Говорю ей, это, типа, наяда такая, или, может, нимфа. И слушать не хочет: сними и всё, или срам закрой. Кто же, говорю, в пене морской в кофте купаться будет? Ты же в баню в фуфайке не ходишь? Она мне и отвечает – щас сама полезу и свергну твою Афродиту. Пришлось уступить. Смастерил вечером одёжу из кусков дерматина, а утром, по заре, пока все спали, примастырил на грудь русалке кожаный лифчик. Она сразу стала на нашу новую продавщицу похожа. Жена поворчала несколько дней, а молодёжь ещё месяц ходила любоваться по вечерам, будто им живых девок не хватает.

Отсмеявшись, все дружно обратились к Тулкуну.

– А ты, брат, почему про себя не расскажешь? – предложил Василий самому благодарному и самому немногословному слушателю их временной обители.

– Да, – поддержала Марина. – Расскажи. У вас на Востоке каждый второй Ходжа Насреддин.

– Да нечего особо рассказывать. В Москву еду.

– Нет, так не интересно. Мы все в Москву едем. Кем работаешь? Есть ли семья? Живы ли родители? Ну, или как Василий песню спой. Песни узбекские знаешь? – устроила шутливый допрос с пристрастием девушка.

Тулкун спустился с полки:

– Слава аллаху, родители живы. У меня мама русская, а отец узбек. А сейчас от брата из Орска еду. Приболел он, помочь надо было.

– А чем родители занимаются? – продолжала допытываться Марина, видя, что рассказчик чего-то стесняется.

– Простые дехкане. Отец работал на керамической фабрике. Сейчас со своим хозяйством занимается. Работы нет, а если и есть, то платят мало. Мне, чтобы на калым собрать надо лет десять работать. Родители Алтынгуль ждать меня столько не будут. Я вот в Москву подался, долг отрабатываю, – встретив вопросительные взгляды попутчиков, тут же пояснил. – В прошлом году отец занял для меня у соседей денег, купил я на всё цветы и самолётом в Москву. Там меня свои ждали. Цветы взяли, а деньги с продажи не вернули, обманули. Неделю на вокзале жил, пока брат не помог. Сначала дворником устроился, потом на стройку. Надеюсь, к весне с долгами рассчитаюсь и домой уеду. Если повезёт, назад вернусь, чтобы на калым зарабатывать.

– Вот оно как! А ведь когда-то это был богатый край, на весь Союз славился, – озадаченно размышлял Николай Иванович.

– Край и сейчас богатый, но не для всех. Баи хорошо живут, – вполголоса ответил Тулкун, – а дехкане выживают. Всё, что вырастят, за бесценок вынуждены продавать.

– Грустный у тебя рассказ, Толя, – постановил Василий, ребром опустив широченную ладонь на столик. – Беру тебя юнгой. Подучишься за моей спиной морскому делу и станешь первым капитаном-узбеком на дальневосточном флоте. Как тебе? А то ты у нас со своими соплеменниками, гюльчатаями и баями завянешь совсем.

– Какой же из меня юнга? Я и моря-то никогда в жизни не видел, и плавать не умею, – заулыбался Тулкун. – Лучше вы к нам прорабом на стройку.

– Так ты, Василёк, целую команду наберёшь, пока до Москвы не доехали, – поддержала шутливый диалог Марина. – Мне на корабле какую должность предложишь?

– Если коком не желаешь, то только сигнальщицей. Дядю Колю боцманом возьмём, у него и борода под стать.

– Ага, Ты меня ещё Афродитой, как у Николая Ивановича, на нос корабля посади.

– Я тоже, жизнь прожил, а на море никогда не был, – отозвался с сожалением старик. – Говорят, красиво. Мне внучка обещала, как институт закончит, вместе на море съездить.

За окном медленно проплыли фонари привокзальной площади очередной станции. Поезд остановился, было слышно, как диктор что-то неразборчиво и гулко объявил. Николай Иванович достал старенькую, стянутую синей изолентой, Nokia, набрал номер. Вызов затянулся, и когда старик уже надумал отложить телефон, в трубке раздалась громкая клубная музыка. Ритмы её зазвучали в купе, этом маленьком временном приюте спешащих всяк к своей цели странников. Пытаясь перекрыть шум веселья звонкий девичий голос повторял:

– Алло, алло, да подожди ты! Алло, слушаю!

– Здравствуй, Катюшка! Я это. Решил с дороги позвонить, что выехал я. Баба Нюся помогла сумки донести, – радостно откликнулся старик.

– Молодец! А ты чего звонишь?

Дед замялся, взглянул на попутчиков:

– Да я вот вспомнил ... Помнишь, договаривались летом к морю съездить? Я тут подкопил немного ...

В трубке что-то неразборчиво прозвучало и тут же утонуло в модных ритмах.

– Не слышу, чего говоришь? – громче переспросил дед в попытке разобрать сказанное.

В музыкальной какофонии возникла пауза и теперь уже отчётливо и резко прозвучало:

– Ты что, обалдел?! Какое море?! У меня сессия на носу и диплом писать надо. Нашёл, что спросить. Ладно, давай! Приедешь, поговорим. И это..., я тебя встретить не смогу... Тут обстоятельства... Носильщиков возьми, ключ на вахте. Я не помню, кто завтра дежурит, скажешь, ко мне. Номер комнаты помнишь? 714 -я. Как освобожусь, приеду...

Громкий пульс далёких ритмов музыки сменился короткими гудками. Николай Иванович какое-то время сидел молча. Поезд отъезжал от станции, на замызганном стекле сверкнули в свете фонарей редкие капли дождя, но вскоре и они погасли в крошечной темноте. В купе стало тихо. Верхний свет померк, приглашая путников ко сну.

– Отец, я вам внизу постелю, а сам на верхнюю койку заберусь, – Василий заботливо притронулся к плечу и, не принимая возражений, добавил. – Нам не привыкать.

Тулкун принёс чай и поставил рядом со столиком:

– Вдруг ночью пить захотите.

Старик прилёг. Он только сейчас почувствовал, как он устал. Мыслей не было. Впечатления прошедшего дня, подобно мыльным пузырям, возникали и тут же лопались, не успев сформироваться в более-менее чёткую картину. Он был вынужден лежать какое-то время с открытыми глазами, чтобы прогнать внезапно подступившую дурноту. Ближе к полуночи, при мерном дыхании соседей по купе, пришла боль. Вначале, она заползла со спины и пыталась чёрной змеей проникнуть чуть ниже лопатки. Николай Иванович перевернулся на правый бок, лицом к стенке. Он не знал, сколько прошло времени с того момента, когда он забылся. Боль вернулась внезапно, теперь это был остро наточенный серп с зазубринами, медленно входящий в грудь. Каждая зазубрина, погружаясь в тело, словно надрезало сердце, отзываясь характерным щелчком.

Старик размышлял, стоит ли будить соседей в поисках пузырька с лекарствами или потерпеть. «Сумки под лавкой. Сейчас начну колготиться, разбужу весь вагон. Потерплю».

Стараясь не шевелиться, чтобы не усугубить боль, он некоторое время лежал навзничь. Казалось, острие серпа замедлило своё движение внутрь, лишь рукоятка, подобно маятнику, раскачивалась и вызвала необъяснимую тревогу. К этим странным чувствам добавилось ощущение того, что тело стало лёгким, воздушным, а пальцы рук, напротив, тяжёлыми, словно якоря, удерживающие тело на полке. Это состояние он испытывал в первый раз, и оно ему очень не понравилось.

Он осторожно опустил ноги на пол, выдвинул сумку, на счастье, довольно быстро нашупал пузырёк и, вытряхнув две таблетки на ладонь, тут же отправил их в рот, запив остывшим чаем. «Спасибо, добрый человек. Спасибо, добрые люди». Спустя короткое время ему стало легче. Боль отступила, но ощущение невесомости тела не покидало. Поправив подушку, он снова прилёг.

Ему снилось море.

Старик не видел берегов. До самого горизонта, насколько было видно глазам, расстиралось безбрежное полотно морской равнины, скрывающейся в тёмных, с белесой кромкой, кучевых облаках на полосе горизонта. Ему казалось, что это небо опрокинулось в воду. И кто поймёт, волны ли это или тучи раскачивают парусник. Он стоял на носу корабля у передней мачты, крепко вцепившись в такелажный канат. Чайки и неведомые чёрные птицы с длинными носами пикировали в бурлящую пену по бортам судна и с гортанным криком взмывали снова в небо.

– Что, старик? Я же обещал, что ты увидишь море! – раздался сзади голос Василия. Николай Иванович повернулся, высоко, на ходовом мостике стоял недавний знакомый. Его светло-бежевые штаны и ветровка парусили на освежающем ветру. Он призывно махал ему рукой и задорно смеялся.

Старик хотел спросить, где же его попутчики, но понял, что вопрос утонет в шуме ветра и стоне волн. А ещё он хотел поблагодарить этого доброго веснушчатого здоровяка за исполнение его заветного желания, но парусник задрал нос, оглушительно захлопали фор-марсель и фор-брамсель, и ему пришлось крепче вцепился в канаты.

– Смотри!

Он снова оглянулся, рядом с капитаном стояли Марина и Тулкун. Приложив ладони к глазам, они пристально вглядывались во что-то, ему неведомое, а им, с верхней палубы, видимое и важное. «Женщины на корабле – к несчастью», – с тревогой подумал старик.

– Смотри! – Василий указывал рукой на горизонт. Он повернулся: там, далеко, на кромке воды и неба распухало нечто огромное, меняя окружающие цвета с тёмно-синего и серого на малиновый.

«Восход? Какой необычный». Сердце защемило от предчувствия. Большой тёмно-розовый шар рождался в пучине волн, рос на глазах, стремясь прорваться из толщи воды и расплескаться по волнующейся поверхности морской зыби.

– Туда! К сердцу моря! – услышал он призыв сверху. Его новые друзья подались вперёд, паруса напряглись и судно стремительно полетело по волнам навстречу неведомому.

– Туда! – поддавшись этому порыву, пытался кричать старик, но вырывался только шёпот.

Огненно-красный шар расцвёл над морем, озаряя нестерпимым сиянием бурлящие волны, мчащийся по волнам корабль и низкое небо над ними.

Парусник, то взмывал к причудливым, окрашенным дивным сиянием, облакам, то проваливался в пропасть тёмной-зелёной морской бездны. «Я люблю стихию», – повторял услышанное старик. Его глаза были наполнены неизбывной радостью встречи с неизведанным, с тем, что случится скоро, быть может через мгновение. Лицо было мокрым, он не понимал, были ли это солёные брызги волн, разбивающихся о борт корабля, или слёзы необъяснимого счастья.

Старик увидел, как закипела прямо по курсу бурлящая пучина и почувствовал, как что-то дикое и пугающее поднимается из самых придонных толщ воды. Огненный шар на горизонте охватил всё небо и приблизился к нему, обдавая горячим дыханием. Он понял, что это не солнце, а ослепительно белый кит смотрит ему в лицо и зовёт к себе. Ему трудно оторвать ноги от палубы: бурые скользкие щупальца обвили ступни, подбираясь к коленям. Вот они уже стягивают свои кольца на груди, пытаясь увлечь на морское дно. Старик беспомощно повернулся к стоящим на мостике.

– Держись, мы поможем тебе! Ты только держись! – кричали они наперебой. Руки, державшие канаты, ослабли, ноги скользили по бурой отвратительной жиже и ему стало нечем дышать. Казалось, что всё тело сворачивают и растягивают в причудливый жгут. Внезапно, из ослепительного солнца-кита вырвался острый луч, завизжали, извиваясь омерзительные обрубки щупалец, обвивавших тело, с оглушительным хлопком лопнули канаты, и тонкая огненная игла вошла в самое сердце. Руки потеряли точку опоры и его тело, измученное борьбой, взмыло вверх, выше серых туч, выше солнца.

– Я вижу море! – закричал старик в полный голос, насколько ему хватило сил.

Он парил в вышине, и под ним расстилалась, потрясающей красоты, залитая солнечным светом, бирюзовая, с белыми барашками волн, тихая морская гладь.

Дивногорск, Пермский край. 13 апреля 2023 г.

В дверь постучали. На пороге кабинета стояла помощница:

– Разрешите, Анна Денисовна?

«Надо же, три часа пролетело, как мгновение, – посетовала она, посмотрев на часы. – А ведь ещё не все бумаги расписала».

– Да, здравствуйте, Клавдия Николаевна. Что у нас на сегодня? – сдвигая документы, Анна пригласила референта к столу.

– Совещание по полигону на одиннадцать часов, Собрание Представителей на тринадцать, встреча с активом Общественного Совета в пятнадцать тридцать. Приём граждан по Вашей просьбе перенесли на завтра, но... – женщина замялась. – Гражданин Тишейко, помните, поэт из Гусевки, очень просил принять его, в виде исключения, говорит, дело неотложной важности. И видеоконференцсвязь по газу на восемнадцать.

Клавдия Николаевна положила на стол планирование сегодняшнего дня с корректировками и ожидала дальнейших распоряжений.

– Спасибо, присядьте. Уточните, будет ли прокурор на совещании в одиннадцать и доложите, как выясните. На Общественный Совет готовьте заместителя по социальной работе, для подстраховки, я могу задержаться. По Тишейко? Позвоните, пусть приезжает, хотя сейчас не до него, предупредите, что на пять-десять минут, не больше. И да..., свежую сводку мне к ВКС по задолженности за газ. Если ещё вопросы возникнут, я Вас приглашу.

Клавдия Николаевна не уходила.

– Что-то ещё?

– Анна Денисовна, простите меня, не знаю, как сказать...

– Ну-ну, говорите, – улыбнулась хозяйка кабинета.

– Неважно выглядите. Это не только я говорю, это многие замечают, отдохнуть бы Вам.

Анна Денисовна устало рассмеялась:

– Посевную проведём, отопительный сезон завершим, подряды отторгуем и к Новому году отдохнём.

Она встала из-за стола и подошла к зеркалу:

– «Неважно выглядите». И не наговаривайте, я ещё женщина в самом расцвете сил. Идите, Клавдия Николаевна, работайте на благо района и города и не выдумывайте лишнего.

Помощница ушла.

Анна Денисовна вспомнила своё первое с ней знакомство. Чуть больше года назад, когда она впервые вошла в этот кабинет в должности главы района, первым посетителем была Клавдия Николаевна. Сжимая в руках блокнот с ручкой, с порога та выдала вопрос, повергший её в изумление:

– Анна Денисовна, давайте определимся, когда мебель будем двигать? – видя вопросительно-удивлённую реакцию начальницы, пояснила, – Каждый новый глава администрации начинал свою деятельность с перестановки мебели. За время моей работы сменилось четыре главы. Обстановка в кабинете совершила полный оборот и вернулась в изначальную позицию. Будем начинать новый виток? Сейчас это делать проще, по нашей просьбе к мебели прикрутили колёсики.

Эта сцена сделала её первый рабочий день на новом поприще. Помнится, когда она отсмеялась, обняла Клавдию Николаевну за плечи и доверительно сказала:

– Давайте мебель оставим в покое, она ни в чём не виновата. Лучше мы будем двигать лентяев и демагогов, но не по кабинетам, а на выход. Согласны?

Помощница кивнула благодарно головой, почувствовав себя полноправным членом обновлённой, пока ещё очень маленькой команды нового главы.

Зашла секретарь со срочными документами на подпись:

– Чай, Анна Денисовна?

– Вы же помните, Леночка, только, когда приедут гости, а я ещё не заслужила, – напомнила она молодой, но смышлёной секретарше, к которой, единственной из всех работников администрации, обращалась по имени.

Ей нравилась её работа, она заставляла быть её в тонусе двадцать четыре часа в сутки, вынуждая решать каждодневные головоломки и поиск выхода из создавшихся ситуаций с минимумом средств для их выполнения. Анна видела первые, едва различимые сдвиги в изменении микроклимата в коллективе. И пусть внешние перемены в облике города, в настроении людей были ещё не так заметны, она знала, что они на пороге. Количество неизбежно трансформируется в качество.

Единственное, что её тревожило, это события минувших дней, точнее, последней недели и, безусловно, недавнее совещание у заместителя председателя Правительства области, когда ей недвусмысленно дали понять, где она может оказаться, если не выполнит ответственное поручение.

А как Анна может его выполнить, если оно, по сути, незаконно? Её тоже тревожила ситуация с долгами котельных, но рассчитывать бюджетными средствами за чужую халатность и финансовую недисциплинированность, это нонсенс. Почему она должна из средств налогоплательщика закрывать прорехи собственника объектов теплоснабжения? Выходя из кабинета высокого руководства с ярлыками «ухудшаешь показатели области», «как ты думаешь начинать новый отопительный сезон», ей пришлось взять себя в руки, а по приезду, собрав заместителей и посовещавшись, утвердилась в решении стоять на своём.

По внутренней связи позвонила помощница:

– Анна Денисовна, приезжает Бернштейн Альберт Елисеевич, член Совета Федерации, ориентировочно к двенадцати.

– По какому вопросу? – спросила она, мысленно посетовав, что снова без обеда.

– Не сказал. Обед заказывать?

– Нет! Что с прокурором? Сводка к ВКС?

– Обещал быть на совещании. Сводку дорабатывают, через полчаса занесу.

Анна догадывалась зачем едет сенатор, и это её напрягало. Он помог ей во многих вопросах, а при очередной просьбе по разгребанию «авгиевых конюшен», спросил в упор, пристально глядя в глаза: «А Ваш-то какой интерес?»

Она не была ортодоксальной верующей, просто подошла к окну кабинета и, глядя на купола расположенного через площадь православного храма, перекрестилась:

– Нет у меня никакого интереса и быть не может. Вы должны мне поверить!

А через паузу добавила, кивнув головой на оживлённую улицу:

– Люди устали ждать, когда решится вопрос.

После того разговора у них сложились доверительные отношения, хотя встречи были редки и только по исключительным случаям. Наверное, такое исключение настало.

Без стука вошёл прокурор. Насколько она была наслышана, он собирался уходить на пенсию. И хотя его стаж был выработан много лет назад, он продолжал работать. Это был уверенный в себе профессионал с серьёзным опытом и отличным знанием специфики территории. Не сказать, что они стали друзьями, но Анна Денисовна чувствовала его поддержку по многим спорным вопросам, правда, прокурор мог ей строго указывать и на её ошибки, при этом не скупился на эпитеты, которые она не решилась бы повторить вслух.

– Слушай, девонька, – сочным басом заявил он с порога. – Что ты мучаешь старика? Ты же мою позицию знаешь: хочешь закрыть полигон, я тебя поддержу. Меня уже домашние замучили с этой копотью. Но сделай это по-человечески, по закону, война нам не нужна. Ну что это за разборки? Ещё стрелять начните. Не даёшь ты мне спокойно на отдых уйти.

Анна Денисовна предложила ему присесть, и сама села за стол напротив.

– Кто же против, Вениамин Юрьевич? Я тоже хочу мирно решить. Ведь то, что они делают, ни в какие ворота не лезет, регулярно сливают нефтешламы, поджигают. Какой год смог над нами висит? То-то. Знаете, как горожане наш город называют? Черногорск! Все дома в копоти! Как же мне с ними не воевать? Я людям обещала...

– Уйми характер, девонька, – прокурор ладонью осадил привставшую из-за стола собеседницу. – Что ж ты, артиллерию, танки в бой бросишь? Автоматы уже были. Умом надо воевать, а вместо пушек закон грамотно использовать. Да что я тебе десятый раз разжёвываю одно и то же?

– Обложились они этими законами как китайской стеной ещё до меня. Так всё обстряпали, что почти брешей в их обороне не осталось.

– А ты ищи, ищи эту брешь. На то тебе ум и власть дана, а как найдёшь, мне покажешь, чтоб я тебя уберёг от шагов поспешных и неразумных.

Они помолчали. Прокурор поднялся:

– Пойдём на совещание, на этих красавцев полюбуемся.

– Меня от одного их вида...

– Ладно, ладно, – перебил её Вениамин Юрьевич. – Терпение и труд всё перетрут.

В переговорной комнате было немногочленно: корреспондент местной газеты, оператор телекомпании «Ритм», делопроизводитель. За столом сидели её оппоненты: три представителя арендатора полигона по сбору и складированию отходов. Начальник правового отдела и руководитель управления по муниципальному имуществу сидели напротив.

Анна Денисовна прошла во главу стола, прокурор задержался и присел у стены, всем видом демонстрируя своё нейтральное расположение.

– Слушаю вас, коллеги, – Анна предложила начать разговор. – Только, по существу вопроса.

– На нашем полигоне..., – начал один из присутствующих.

– Простите, на муниципальном полигоне, арендованном вами..., – поправила она. – Прошу вас быть корректными в формулировках.

– На полигоне, арендованном нашей компанией, возведено три незавершённых строительством объекта недвижимости..., – продолжил докладчик.

Анна знала, что общество возглавляла группа лиц с криминальным прошлым. Сегодня эти люди под благопристойной вывеской общественной организации «Боевое братство» всеми правдами и неправдами пытались оформить обширный участок земли в десяти километрах от города, но не они были полноценными хозяевами в принятии решения. Их роль сводилась лишь к ширме беспредельщиков и наглецов, кукловоды были значительно выше. О распределении ролей в этой труппе «мусорщиков» она лишь догадывалась, но точно осознавала, что сопротивление её решению о закрытии полигона или расторжению договора аренды будет беспрецедентным.

– ... поэтому, мы полагаем, что Ваше решение незаконно и подлежит отмене! – завершил на высокой ноте первый выступающий.

– Напомните мне, какой максимальный класс отходов можно складировать на полигоне?

– Мы не отступаем от норм, изложенных в условиях лицензии. Если у Вас есть факты нарушения нами договорных обязательств, предоставьте их, – глумливо усмехнулся один из гостей.

– Есть! – она бросила стопку фотографий, и они веером рассыпались по столу. – На каком основании на полигоне сливаются нефтешламы, если эти отходы требуют складирования и переработку на специализированных площадках?

Это был серьёзный аргумент. По лицам представителей она безошибочно определила, что вся троица оказалась в состоянии, которое боксёры называют «грогги».

– Так Вы что, за нами следите? – на авансцену дебатов вышел ещё один представитель общества. Модный светлый костюм и соломенного цвета рубашка странным образом сочетались с замызганным шейным платком.

«Словно вчера компресс ставил, а сегодня аксессуаром использует», – брезгливо подумала Анна.

– Внимательно читайте предпоследний пункт договора о нашем праве на контроль за вашими действиями, – парировала она. – Триста пятьдесят автомобилей за неделю по подложным накладным разгрузились на муниципальной площадке. А вести куда должны? Правильно. На центральную специализированную точку переработки. Вам посчитать Вашу выгоду?

– Не стоит считать чужие деньги! – зло огрызнулся, пока ещё молчавший, третий участник диалога. – Считайте свои!

– Благодаря вам, мне приходится считать убытки бюджета, связанные с тушением ежедневных пожаров, на содержание стационарного поста и охрану, я уж не говорю о необратимых потерях здоровья людей от регулярных возгораний выжигаемых отходов.

– Забота о здоровье ваших людей не является нашей уставной задачей, – откинувшись на стуле, резюмировал первый оратор.

– В таком случае, я принимаю решение о закрытии полигона и начале процедуры расторжения договорных отношений, – Анна пристукнула ладонью по столу, словно убила назойливую муху. – Вопросы есть, господа?

– Подождите, не горячитесь, вы же понимаете, что мы восстановимся в своих правах по суду. Тем более, у нас приоритетное право на приобретение площадки в собственность, – вперившись рыбьими глазами, молвил шейный платок.

– А кто вам сказал, что мы выставим участок на торги? Сохраним за муниципалитетом и будем сами заниматься складированием и утилизацией. К слову, комиссия установила, что за все семь лет пользования вы ни разу не произвели рекультивацию полигона. Я через суд взыщу в бюджет с вашей компании в рамках незаконного обогащения всё до копейки. Это серьёзные деньги, – по лицам представителей компании Анна поняла, что ударила в самое больное. – Полагаю, теперь вы догадываетесь, что факты и доказательства у меня есть.

– Что вы хотите? Озвучьте ваши желания? – несколько растерянно произнёс визави.

– Мои желания никакого отношения к нашему разговору не имеют. Мы тут не невесту сватаем, – резко ответила она. – Наши требования: все ваши действия – в рамках договора, ни одного возгорания на полигоне, никаких посторонних машин с запрещённым к складированию грузом. И последнее, в течение недели погасить всю кредиторскую задолженность, а мы пока будем готовить документы к суду. Заодно, посмотрим на вашу исполнительность.

Совещание закончилось. Один из участников, обходя стол тихо произнёс:

– Не пожалеть бы, Анна Денисовна.

– Вы мне угрожаете? – звонко спросила она. Участники встречи повернули к ним головы.

– Предостерегаю, – так же тихо отвечивал «шейный платок».

Проводив прокурора до входных дверей, она поспешила в свой кабинет, но Вениамин Юрьевич ненадолго задержал её:

– Ну что же, умница. Всё по делу: смогла барыг на место поставить. Но будь, пожалуйста, поосмотрительнее, мне кажется, они на многое способны. Ты понимаешь о чём я говорю? Твой навигатор должен быть постоянно включен.

Он многозначительно постучал себя по голове:

– Если до суда дело дойдёт, поддержи, не сомневайся. Держись.

Анна поблагодарила и попрощалась. «Куда уж ещё быть включенным? Боюсь, перегорит мой сторож», – улыбнулась она про себя.

Дверь в её кабинет была открытой. Секретарша с извинительным выражением лица развела руки.

– Ничего, ничего, – тихо успокоила она. – Всё в порядке.

У открытого окна курил, глядя на улицу, приехавший Бернштейн.

– Извините, это я здесь хозяйничаю, – Альберт Елисеевич повернулся к главе района.

– Ну что Вы извиняетесь? Мы же с Вами давно договорились: нет меня, располагайтесь и почувствуйте себя как дома.

– Допустим, в Вашем кабинете, мне сложно ощутить домашнюю атмосферу. Дома у меня всё заставлено, завешано: скульптурки-фигурки, постеры-рисунки. А у Вас скоро от мебели только обои останутся.

– Так отвлекают от работы. Один шкаф с кубками, дипломами – в спорткомитет отправила, второй с сувенирами, книгами – в культуру. Мне и читать-то некогда, – рассмеялась Анна. – А там люди посмотрят, погордятся.

Она предложила чай, но гость отказался.

– Я ненадолго, по пути в соседний район. Присядь, что планируешь с долгами решать?

– Я догадалась, зачем Вы приехали. Спецпредставителем направили? – она кивнула головой на потолок. – Убеждать или давить будете?

– Подожди, не ерепенься, не собираюсь я давить. Решение принимать тебе, а, следовательно, и отвечать за принятое решение тоже тебе, и я это очень хорошо понимаю. Давай ещё раз разложим пасьянс. Регион по результатам отопительного сезона должен серьёзную сумму. Собираемость с населения в этом году как никогда: из рук вон плохо. Если и по муниципалитетах не закроем вопрос, у губернатора могут возникнуть серьёзные осложнения. Как там у Бутусова? «Скованные одной цепью, связанные одной целью». В обладминистрации не довольны твоей позицией, это я мягко выразился.

– Мы говорим не о долгах муниципалитета. Это долги частного, бюджетные обязательства перед которым выполнены. У нас нет задолженностей по платежам, по населению долги не выше среднеобластных. Трясите собственника котельных. К тому же у меня в бюджете и денег-то таких нет: четверть годового бюджета! Две фабрики простаивают, рабочие – на две трети зарплаты, отгрузка товара на минимуме, – Анна замолчала.

– Хорошо. Область поможет оформить тебе кредит под минимальный процент.

– Да я уже считала, лет пять придётся при лучшем раскладе выплачивать, и поставить на этот срок район даже не на колени, а подвесить его вниз головой, чтобы вялился, – она перевела дух. – Даже если я подпишусь под этими обязательствами, как быть с правовой стороной дела? Или моя судьба уже никого не интересует? Ведь первая проверка выявит нецелевое расходование бюджетных средств в «особо крупном размере». И загремлю я под фанфары.

– Между нами говоря, уважаю за стойкость. Но твоё будущее, как главы района, с этой минуты под большим вопросом. Прослабленное звено в цепи будет требовать замены. Конечно, я попробую повлиять на ситуацию, но насколько это будет эффективно, даже у меня вызывает сомнение.

Бернштейн сухо попрощался и вышел из кабинета.

Анна подошла к окну. Весна в этом году пришла рано, перепрыгивая через лужи тающего снега, жители близлежащих домов спешили на обед. Солнце мутным пятном висело в лохмотьях белёсых туч, и грачи, осваивающие после прилёта подзабытые места, копошились на освободившихся участках паркового газона. Ей некуда было спешить. На душе стало неуютно, она налила в стакан чай, положила сахар, помешивая ложечкой.

Сын забыл, муж сбежал. Ради чего всё это? Она бы тоже сбежала, только некуда. У неё не было ничего, кроме работы: ни досуга, ни отдыха, ни подруг. Ничего. Да и это, последнее хотят отнять.

Интересно, как мужики без неё управятся? Должно быть, они в порядке. Она знала, что муж был отличным кашеваром, значит с голода не умрут. Когда они виделись в последний

раз? Кажется, на Рождество? Точно! Привезли красивый букет хризантем. И торт был вкусным, только разговор не задался. Да, она «замужем за работой». Её это не обидело, они были правы.

Анна не смогла признаться самой себе, что чем больше она упиралась, тем тяжелее и объёмнее становился груз забот и неотложных дел. «Этот камень задавит тебя, – сказал кто-то из них, кажется муж, – но мы не сможем тебе помочь».

Чай остыл. Обеденное время подошло к концу, и она поспешила в актовый зал.

Депутаты уже собрались, в помещении стоял гул, напоминающий шум плацкартного вагона, когда отъезжающие ещё не все вошли, а провожающие ещё не все вышли. Раньше она скептически относилась к «слугам народа». Депутаты на местном уровне, в подавляющем большинстве своём, имели одну единственную задачу: проголосовать как надо, и когда надо, и статус «карманности» носили, вполне себе, заслуженно. Они считали себя уважаемыми людьми, а вот кем и за что они были уважаемы, для Анны долгое время оставалось большим вопросом. Она тоже побывала в этой роли, ещё будучи директором фабрики, а потому понимала свою декоративную функцию и особенно не роптала: представительствова, предложения вносила по улучшению жизни в городе и районе, выступала, критиковала и, вместе с тем, осознавала, что все её порывы таяли на подступах к тем, кто всё это сказанное и предложенное должен был исполнить. А как только она это поняла, так сразу и успокоилась: «плетью обуха не перешибёшь». Был и другой вариант, самой стать «обухом», но до определённого времени она об этом не думала.

Предложение возглавить район стало для неё неожиданным, когда группа депутатов из семи-восьми человек приехала на фабрику. «Ну, вот что, Анна Денисовна, приехали мы, чтобы попросить тебя участвовать в конкурсе на должность главы района. Ты трудолюбива, опытна, людей знаешь, про целеустремлённость говорить не будем: захочешь – стену прошибёшь. Программу по выходу из кризиса поможем составить». Пошутили они тогда, обсуждая путь эволюции от женщины до «глинобитного орудия». Она уже знала о том, что действующий глава – «сбитый лётчик», что идёт поиск достойной кандидатуры. Думала Анна недолго, а согласилась после того, как определила приемника на должность директора предприятия, которому отдала без малого двадцать лет.

Но ближе к дню проведения конкурса на замещение должности градоначальника что-то пошло не так, представители области имели иное мнение о том, с кем правительство региона собирается сотрудничать в ближайшие пять лет.

Анну пригласили в высокие кабинеты и недвусмысленно дали понять, что её кандидатура не желательна. Нет, ультиматумы не выдвигали, перспективами не пугали, а, довольно обыденно и прямолинейно, назвали имя преемника прежнего руководителя.

Что возмутило её больше всего? Возможно, то, что выборы, пусть и узким кругом депутатов, превратили в фарс, завуалировав этой процедурой банальное назначение, а, может быть, личность преемника, «олигарха местного разлива», сделавшего свой бизнес ещё в девяностые, скупившего за бутылки водки пай бывших колхозников. Была и ещё одна причина, не позволившая ей отступить от своих намерений. Точнее сказать, это были уже не её планы, а общие, вместе с теми, кто верил в её трудолюбие, кто ей доверял. Разве она имела право их подвести?

На её несогласие снимать свою кандидатуру гости из области отреагировали спокойно, без возмущений и уговоров, лишь пожали плечами и дали понять, что более не задерживают. Домашние тоже отнеслись к известию индифферентно, только муж, убирая посуду со стола после ужина, заметил:

– Мы с сыном и так тебя не видели дома, а теперь и подавно. Ты вспомни, Аня, когда мы были все вместе в театре? Или, может быть, отдыхали на море? Или по Уралу, как планировали лет пять назад, с палатками, рюкзаками, у костра? А? Для чего это всё? Но если тебе это надо, лично тебе, я поддержу. Только знай, что твоё решение ошибочно, оно разрушит тебя и нашу семью.

Анна поднялась, взяла его за плечи:

– Всё будет хорошо.

Собрание представителей шло своим чередом, рассматривались дежурные вопросы с формальным голосованием за принятие решения. Периодически депутаты апеллировали к ней, сверяя собственное понимание с её видением. Она делала ремарки по ряду пунктов рассмотрения, уточняла, корректировала. Это была обычная рабочая повестка дня, пока председательствующий не объявил о завершении собрания:

– У нас есть ещё один незапланированный вопрос. Необходимо проголосовать о его включении в повестку дня.

Депутаты дежурно проголосовали «за», нетерпеливо поглядывая на часы.

Спикер прокашлялся:

– В адрес Собрания представителей поступила жалоба о злоупотреблении должностными полномочиями Главой района и её аморальном поведении...

Анна повернулась лицом к докладчику: «Это что-то новое. Они что же из всей артиллерии собрались в меня палить?»

Ей показалось, будто мембрана, которой предшествовала секундная тишина, лопнула с оглушительным грохотом: перебивая друг друга и стуча отодвигаемыми стульями, присутствующие подались к Председателю собрания:

– Кто написал такую чушь?! Почему эту кляузу в первоначальную повестку не внесли? Втихаря решили подсуропить Главе?

Анна Денисовна мысленно подивилась: «Обычно, он все вопросы согласовывал со мной заблаговременно. Чем же они его взяли?»

Но вслух произнесла:

– Коллеги, потише, пожалуйста. Давайте успокоимся. Предлагаю, рассмотреть вопрос, касающийся меня, на комиссии по профессиональной этике с участием любого желающего депутата. Как только, материал будет готов к рассмотрению, выносите его на собрание. Можно на внеочередное. Если есть желание рассмотреть сейчас, то я к вашим услугам, только участь оправдывающейся – не для меня. Это не моя роль.

– Правильно! – раздались голоса. – Поддерживаем. Вздумали здесь козни строить и счёты сводить!

Анна Денисовна взглянула на спикера. С багровым лицом и взмокшим лбом, он отвернулся.

Вернувшись в свой кабинет, она позвонила заместителю и попросила поприсутствовать на общественном совете:

– Если вопросы ко мне будут, набросай мне тезисно и сбрось в «обменник».

– Хорошо, задача ясна.

Анна отхлебнула холодный чай, немного подумав, набрала помощницу:

– Слушаю, Анна Денисовна.

– Клавдия Николаевна, попросите водителя, пусть задержится. Планирую после ВКС до очистных доехать, посмотреть, как идёт реконструкция. Жалобы на субподрядчиков поступили, якобы, после восемнадцати на объекте никого нет.

– Хорошо.

Анна была признательна помощнице. Тогда, год назад, именно Клавдия Николаевна помогла ей с аналитическими материалами к конкурсу.

Претендентов на должность было четверо: она, латифундист из Васильевки, каким-то боком начальник мобилизационного отдела из администрации и, ей незнакомый, видимо, «технический» кандидат. Председательствовал представитель из области, тот самый, который предлагал ей уйти в тень. По жребию она выступала второй. Послушав первого выступающего, Анна пришла к выводу – не конкурент, вышла к трибуне. Удивительно, но она не волновалась,

так как жила этими проблемами и видела перспективы развития района. И не просто видела, а дала развёрнутую, чёткую парадигму движения. Цифры, лишь подтверждали её компетентность, а внутреннее спокойствие, заставило присутствующих поверить ей. Когда она завершила, с дальних рядов раздалась робкие хлопки.

– Здесь не концерт, чтобы аплодировать, – сухо оборвал председатель конкурсной комиссии. – Мы собрались для принятия серьёзного решения, имеющего прямое отношение к судьбе района.

Третий кандидат отказался презентовать свою программу развития, сославшись на недомогание.

– Болезнь нам не нужны, – снова раздалось с дальних рядов.

– Попрошу соблюдать дисциплину, – постучал карандашом по столу ведущий.

На сцену взбирался последний желающий «встать у руля и ветрил». Он долго пристраивал кипу бумаг на трибунную полочку, листы непослушно расплзались их-под коротких, толстых пальцев, и поэтому он потел и пытался достать из бокового кармана брюк носовой платок, чтобы вытереть пот со лба. Но, то ли платок запутался, или его не было вовсе, только тянул он вместо платка саржевую подкладку вывернутого наизнанку кармана. Оставив безуспешную попытку, кандидат промокнул крупные капли пота краем рукава рубашки и произнёс тонким бабьим голосом:

– Дорогие товарищи! В этот непростой для нас час...

– Война что ли началась? – раздалось сзади. В зале захихикали.

– Если кому не интересно, могут покинуть зал! – снова призвал к порядку ведущий, кивнув выступающему. – Продолжайте, пожалуйста.

– Дорогие товарищи! В этот нелёгкий...

Зал загудел:

– Давай по существу!

... – для страны и района час, мы должны объединиться для решения насущных и неотложных задач по выводу нашего хозяйства..., простите, нашего эээ..., – претендент беспомощно повернулся к президиуму, словно пытаясь найти подсказку, кого и куда он должен вывести.

Председатель комиссии, теряя терпение, облегчил задачу для выступающего:

– Давайте предложим путь решения по наполнению бюджета средствами на следующий финансовый год. Возможно ли сделать его профицитным?

Оратор снова потянул за свисающий из брюк вывернутый карман, чтобы промокнуть лоб:

– Я уверен, что если мы пересмотрим план приватизации на предстоящий год, ликвидируем ненужный балласт, чтобы исключить непрофильные расходы, то вполне можем утвердить бездефицитный бюджет.

– Какие объекты недвижимости вы предполагаете к продаже? – помогал председатель.

– Я уверен, что было бы правильным продать с торгов водоканал, теплосети, базы отдыха, муниципальную аптеку...

Зал зашумел. Из средних рядов раздалось:

– ...и отца с матерью!

Менее чем через полчаса начали процедуру голосования. Подавляющим большинством голосов, при одном «против» и трёх воздержавшихся, Анну Денисовну избрали главой муниципального района. Зал зааплодировал.

– Минуту внимания! – председательствующий пытался перекрыть присутствующих. – Мы не можем признать действительными результаты голосования из-за ряда процедурных нарушений. Необходимы консультации в правовом управлении администрации...

Его слова утонули в шуме топающей и ревушей аудитории.

На следующий день Анну пригласили в область и сообщили об утверждении протокола конкурсной комиссии, согласно которого она была избрана главой муниципального района...

Вечерело.

– Что это Вы в потёмках? – спросила вошедшая секретарь с огромной стопкой документов на подпись. – Финансисты задерживаются, обещали через полчаса платёжки принести. Включить свет?

Анна кивнула. Раздался звонок по внутренней связи. Звонила помощница:

– Тишейко подъехал, поэт из Гусевки, я утром говорила. Приглашать?

– Я помню. Извинись за меня и попроси, пусть минут десять в приёмной подождёт, мне срочные бумаги подписать к отправке.

– Хорошо, Анна Денисовна, – помощница отключилась.

Анна хорошо помнила их первое знакомство. Тогда, в первые дни своей службы в качестве градоначальника, она стремилась вникнуть во все сферы жизни района, чтобы побыстрее и поближе познакомиться с людьми. В один из дней, выбрав среди многочисленных приглашений одно, Анна приехала на творческий вечер местного поэта, который проходил в школе. Директор встретила её у дверей и проводила в большую классную комнату. Они прошли и присели на задние парты. У школьной доски не сидел, а прямо-таки восседал, худой и высокий мужчина лет шестидесяти с клинообразной бородкой, которой он смешно шевелил, точно проверяя, не отпала ли она. Очки с тёмными стёклами, хотя в помещении было отнюдь не светло, галстук-бабочка, поверх сатиновой, старомодного кроя, рубашки, делало образ поэта карикатурным и несерьёзным.

Анна не могла понять, почему он ей с самого начала не понравился, и она внутренне одёрнула себя, пытаясь избавиться от предубеждения.

Судя по всему, поэт был здесь частым гостем, он, без смущенья, подходил к окну, садился, вновь вставал и отмерял шагами расстояние от двери и назад. Пауза затягивалась, школьники загудели, им хотелось после занятий поскорее уехать домой.

«Почему не начинаем?» – вопросительно взглянула Анна Денисовна.

«Настраивается на чтение стихов», – шепнула директор школы, кивнув на расхаживающего у учительского стола служителя Эвтерпы.

Наконец «настройка» завершилась, отставив ногу в сторону, подняв к потолку правую руку, Тишейко начал читать, в буквальном смысле этого слова. Анна где-то слышала, что поэты помнят свои стихи и читают их по памяти, а потому несколько удивилась. Пафосная поза была чтецом где-то подсмотрена, но здесь в помещении с низкими потолками и школьной атрибутикой, она казалась смешной и нелепой.

– Отговорил росистый дождь.

Бесшабашного слова музыка.

Выйду в поле, охватит дрожь.

Звонкой нотой печаль моя кружится...

Анну тоже охватила дрожь: «Что это? Зачем это детям? Зачем она здесь?»

Тишейко перелистывал страницы книжонки, которую он держал в руках и нараспев продолжал чтение своих вирш:

– Луна вызрела словно подсолнух

И по небу пошла босиком.

А мороз бессердечный олух

На метели сидит верхом...

Ей хотелось подняться и уйти, хлопнув дверью: «Это не поэзия. Это отравка, после которой дети не полюбят ни Пушкина, ни Блока, ни Ахматову.

Видя её состояние, директор школы после часового представления подняла руку и, извинившись и сославшись на ожидающий детей автобус, объявила об окончании встречи.

– Вы мне обещали полтора часа. У меня ещё много стихов осталось, – попытался возроптать лирик, но та развела руками.

Её попытка призвать детей к «благодарности за тёплую встречу» была безуспешной, ребяташек как ветром сдуло. Ухватив портфели, они маленькой лавиной катились к школьным дверям.

Анна тоже поспешила уйти, но «поэт» преградил ей дорогу:

– Не могли бы вы мне уделить минутку времени?

На предложение директора пройти в учительскую, она отказалась, и они присели за парты.

– Слушаю Вас.

Тишейко смотрел на неё и молчал.

– Слушаю Вас, уважаемый. У меня не очень много времени.

– Как Вы знаете, Анна Денисовна, в этом году наше славное село будет отмечать двухсотлетний юбилей..., – торжественно начал тот.

– ?

– ...и я хотел бы селу преподнести от себя подарок. Не могли бы вы распорядиться и выделить мне пятьдесят тысяч на издание книги?

Анна улыбнулась:

– В таком случае это будет подарок не от Вас, а от администрации района.

Тишейко недоуменно молчал. Потом встрепенулся и спросил:

– Вам не нравятся мои стихи?

– Нет.

– То есть, Вы считаете меня плохим поэтом?

– Вы кем работаете? – в свою очередь задала вопрос Анна

– Работал участковым, сейчас на заслуженном отдыхе.

– Может быть Вам попробовать детективы писать?

Судя по глазам, Тишейко хотел ответить ей чем-то дерзким, но сдержался:

– Между прочим, я в некоторые дни могу до десяти стихов написать.

– Не сомневаюсь, только это не стихи, а...

«...стихоплётство», – подумала, но не сказала вслух.

– Объясните мне, пожалуйста, что означает выражение «росистый дождь», ведь это два разных природных явления. Или про луну, идущую босиком, ведь Луна круглая, у неё нет и не может быть ног, тем более босых. Она может только катиться кубарем, словно мяч. Нельзя отступать от физической правды в угоду красотам.

– Вы литературный критик? Что Вы понимаете в метафорах и эпитетах? Я, между прочим, член регионального союза профессиональных литераторов. Знаете, сколько у меня публикаций в разных изданиях?

– Я не критик, – согласилась Анна. – но даже мне, дилетанту в этом деле, видны «ослиные уши» несоразмерности вашего, так сказать, стихосложения, как нельзя заменить в музыке одну необходимую ноту другой, сразу будет слышна фальшь. Так и в поэзии: в одном четверостишии не могут соседствовать дактиль с амфибрахием. Вы можете быть членом многих обществ, но это не гарантирует вам звание поэта в правильном, лучшем понимании этого слова. К примеру, Анна Андреевна не была членом регионального союза литераторов, но это не мешало ей писать гениальные стихи.

Неожиданно для самой себя она вышла из-за стола и продекламировала своё любимое:

– Задыхаясь, я крикнула: «Шутка

Всё, что было. Уйдешь, я умру».

Улыбнулся спокойно и жутко

И сказал мне: «Не стой на ветру».

Тишейко приподнялся:

– Я могу поспособствовать, чтобы её зачислили в Союз литераторов. Анна Андреевна Ваша знакомая?

– Если бы, – грустно ответила Анна и добавила. – Спасибо, не надо. Возможно, я не имею права настаивать, но мне хотелось бы, чтобы дети постигали поэзию через Есенина и Ахматову, а свою благодарную аудиторию Вам стоило бы поискать среди домочадцев или соседей.

Возвращаясь домой, она всю дорогу корила себя за резкость. Кто знает, может быть она была не права, но её позиция была искренней ...

Подписав срочные документы, Анна позвонила секретарю и попросила пригласить посетителя.

Тишейко вошёл в кабинет, гуттаперчевой походкой последовал к столу, отодвинул стул и, не дожидаясь приглашения, сел:

– Добрый вечер, Анна Денисовна! Я привёз Вам свою новую книгу. Точнее, не новую, а переработанную, как Вы и рекомендовали. И я хочу её Вам сейчас подарить.

Он нагнулся, раскрыл пластиковый пакет и зашуршал бумагой.

– Послушайте. Вы и в самом деле считаете, что это требовало чрезвычайной и неотложной встречи? – едва скрывая возмущение, произнесла Анна.

– Нет, – ответил он, не разгибаясь. – У меня ещё два вопроса.

Наконец, стихотворец выбрался из-под стола, развернул газетную обёртку и протянул Анне книгу. На обложке крупными буквами было выведено: «В.В. Тишейко», а ниже, чуть мельче – «Избранное». Под броским заголовком – фотография с изображением берёзок и синей глади пруда.

– Уважаемая Анна Денисовна, примите в знак признательности и с надеждой на сотрудничество, – начал заученно её вечерний гость.

Анна сухо поблагодарила и положила книгу на край стола, давая понять, что она готова выслушать его вопросы.

– Помнится, на сходе граждан вы озвучивали развитие туризма и народных промыслов в районе и в нашем селе.

– Да, действительно, мы разрабатываем туристический кластер, где Гусевке отдан приоритет: два православных храма, сохранившиеся объекты архитектуры девятнадцатого века, археологические памятники, природные достопримечательности... Почему Вы об этом вспомнили?

– Мой зять хотел бы взять в аренду озеро Бобровое, вместе с островом и частью берега. Мы могли бы там разместить летнее кафе, ведь надо же где-то туристам харчеваться. А на острове организовать базу по прокату водных велосипедов, катамаранов, пляж для купания обустроить.

– Вы же знаете, что озеро с окрестностями находится на территории национального парка. Какая аренда? Ваш второй вопрос?

– Одно дело, если мы будем хлопотать, другое, если Вы за нас попросите. Мы в долгу не останемся, сами знаете, тем более, осилить такой проект нам одним не под силу. Дайте кредит миллионов пятнадцать с рассрочкой лет на десять. Мы люди благодарные, сами знаете, – продолжал гундосить проситель.

Анне захотелось вышвырнуть его из кабинета за скользкие намёки, за дёргающийся левый глаз, который она должна была, видимо, воспринимать как дружеское подмигивание. Ей жутко захотелось выйти самой и спуститься в туалетную комнату, чтобы тщательно оттереть руки с мылом, но она лишь сказала:

– Я не обладаю правом вам отказать. Пишите заявление, мы рассмотрим и о результатах сообщим.

– Спасибо! Спасибо, большое, Анна Денисовна. Буду очень благодарен! Век буду помнить! – расшаркивался и очень громко восклицал Тишейко, пятась к двери.

Она присела за стол. До видеоконференции оставалось пятнадцать минут. Внезапно погас верхний свет, погружая кабинет во мрак, лишь окна мерцали призрачным вечерним светом. «Снова на подстанции проблемы», – устало подумала Анна. Через несколько секунд свет вспыхнул, на пороге стояли два незнакомых ей молодых человека.

Вместо слов приветствия, один из них подошёл к столу, положил перед Анной бумагу и бесцветным голосом произнёс:

– У нас санкция на обыск помещения, попрошу вас оставаться на месте. Пригласите понятых.

В дверь вошли секретарь и один из заместителей с белыми от волнения лицами.

– Есть ли в вашем кабинете вещи, иные предметы, которые бы вы хотели предъявить добровольно? – всё так же бесстрастно продолжил молодой человек.

Анна изумлённо молчала.

– Нет? Тогда приступаем.

Один из стоящих у двери распахнул дверцы шкафа. Тот, кто предъявил ей постановление на обыск, подошёл к столу:

– Ваша книга?

– Да. Нет. Это подарок.

«Бесцветный» взял книгу в руки. Она раскрылась, и из неё оранжевой лентой полились на стол пяти тысячные купюры.

– Анна Денисовна, вы задержаны по подозрению во взятке.

Он достал откуда-то из-за спины наручники и потребовал у Анны протянуть руки.

Оренбург. 20 мая 2023 г.

– Послушай, дружок! Я тебе в десятый раз втолковываю, что у нас издание, освещающее события светской жизни: местные звёзды, их быт, отдых, романы; новости от кутюр, какой пеньюар этим летом в тренде. Мы пишем о том, кто с кем живёт, дружит, ссорится, как прошли майские корпоративы, и кто голышом станцевал на столе, в конце концов, кого забыли в шкафу и закрыли квартиру на два сложных замка! Ну, что тут не понятно?! Зачем мне этот завод и его выбросы, скажи на милость? Не хватало мне ещё головной боли разбираться с этой мафией. Ты мне ещё предложи прифронтовые сводки на передовице разместить!

Геннадий молчал. Он за всё время утреннего монолога не произнёс ни слова, лишь теревил собачку на молнии. В итоге, скрутил её и держал в кулаке, не зная, что ему делать дальше. Не с собачкой, а с материалом, который он принёс главреду, а тот, в свою очередь, отказывался его публиковать.

Он перешёл в еженедельник из головного издания сразу после Нового года. Формат еженедельника «Жёлтый утёнок» предполагал «жареные» факты, события на грани фола. Ипотека пожирала все его доходы, а здесь, в отличие от газеты, платили значительно больше, но, соответственно, и работы, и рисков было тоже, хоть отбавляй.

– Что ты молчишь? Я давал тебе целых две недели. Мы сделали прошлый выпуск без тебя, а ты мне срываешь следующий номер, – начальник, заложив руки за спину, вышагивал по маленькому кабинету. Ругался он как-то беззлобно и неохотно, и не потому, что не хотел, а потому, что не умел. Редакционный народ его не боялся, но, при этом, уважал за профессионализм и отзывчивость.

Геннадий принял решение не перечить, а когда шеф спустит пары, выложить на стол аргументы, которые он считал крайне убедительными и весомыми.

– Как ты себе представляешь соседство своего расследования на полосе или развороте с мальдивскими пейзажами этой певички..., как её, Жужу?..

– Жужу, – поправил Геннадий, не поднимая головы.

– Что? Да какая разница?! Жужу, Жужу..., о чём это я говорил?

– О мальдивских пейзажах..., – напомнил Гена.

– Ну вот, Жужу и твоя труба! Как ты себе это представляешь? Или вот ещё: полгорода обсуждают, настоящий ли сапфир на колье Иветты...

– ...и моя труба, – продолжил Геннадий. Он почувствовал, что его терпение тает и пора переходить в наступление.

Редактор внезапно остановился и пристально посмотрел на него:

– Может быть тебе вернуться в «Городские новости»?

– Иван Палыч! Это будет убойный материал, – Генка поднялся со стула. – Я Вам гарантирую, еженедельник будут носить в нагрудном кармане и передавать друг другу, как в старые добрые времена. Его зачитают «до дыр», и мы получим сотни, а может и тысячи сообщений с просьбой о дополнительном тираже. О нём заговорят на телевидении и будут репостить в социальных сетях. Этот завод уже вот где у людей сидит, – Геннадий ребром ладони провёл себе по горлу. – Эта статья равносильна открытой форточке, сквозь которую сквозняк правды задует печи этих сраных труб.

– Тебя бы в напарники к товарищу Бендеру, Нью-Васюки строить. Ох, как бы нас самих через эту форточку не сдуло. Ну ладно ты, а мне-то за что эти страдания? – редактор плюхнулся в своё кресло.

– Ставим материал?

– Иди уж, – Иван Павлович обречённо махнул рукой. – Куда от тебя денешься.

Геннадий, потирая руки, с довольной улыбкой на лице, аккуратно прикрыл дверь кабинета. С нынешним редактором «Жёлтого утёнка» он был знаком с незапамятных времён, когда они, два закадычных друга, отправились из заводской многотиражки покорять областную столицу. Слава об их злободневных репортажах перешагнула границы одного из дальних районов. И вот, по вызову центрального губернского издания, они были приглашены на собеседование, как молодые и даровитые корреспонденты. Гостиницу на окраине города выбирали вдвоём из-за низкой цены за проживание и достаточным количеством свободных номеров.

Понятное дело, как не обмыть это событие. Ребята заселились в номер и уже через полчаса шагали к ближайшему вино-водочному магазину. Как известно, водка без пива – деньги на ветер. Докупили какой-то снеди в продуктовом, разложились за журнальным столиком: между первой и второй промежуток небольшой. Затем ещё не по одной. Генке, в ту пору пока неженатому, захотелось музыки и женской ласки, и он отправился в поисках приключений по полупустынным коридорам их временной обители, а когда вернулся, держа под мышками двух девиц, Ванька уже спал. Растолкать его, как они не старались, так и не смогли. И вынужден был Геннадий всю ночь развлекать барышень, между делом, периодически спускаясь вниз, чтобы купить спиртное у запасливых таксистов, дежуривших на площадке перед гостиницей. К пяти утра, втроём на одной кровати, все уgomонились.

Выспавшийся и, относительно, трезвый Иван проснулся, памятуя о генеральной задаче – явиться на собеседование, попытался привести в чувство друга. Задача для него оказалась непосильной, и он один уехал на встречу со светлым журналистским будущим. Вернулся скоро и не с пустыми руками. Обмывали новую должность товарища ещё полтора суток, возвращаясь домой с опухшими рожами и пустыми карманами: Ваня – для скорых сборов в областной центр, Генка в серые будни заводской газеты, да ещё без лучшего друга. Примерно через полгода они воссоединились, правда, в разных, на ту пору, изданиях.

– Геннадий Петрович, супруга звонила, просила напомнить, чтобы Вы забрали дочь из школы после занятий, – окликнула его сотрудница.

– Спасибо, помню, – кивнул он на ходу.

Дашка, его гордость, заканчивала первый класс. Почти год пролетел со дня их первого похода в школу. Помнится, соседка по квартире с нижнего этажа великодушно разрешила им нарвать цветы с клумбы под окном дома, и с этим разноцветным облаком из космеей и астр они важно шагали под сентябрьским солнышком навстречу к знаниям. Дочурка не подвела, хотя их старания ещё не оценивали, учительница отзывалась с одобрением о её успехах и прилежании.

– Пап, давай поедem в зоопарк, – заявила дочка, открывая дверь его старенькой «шахи». Набитый книжками и тетрадями ранец тянул её назад, и оттого она никак не могла закинуть ногу в салон автомобиля.

– Давай помогу, – Генка выбрался из-за руля, видя её безуспешные попытки. Он снял тяжёлый ранец с плеч и закинул на заднее сиденье. – Кирпичи у тебя там?

Дочь серьёзно посмотрела на него, зачем-то потянулась за портфелем и положила его на колени:

– Там у меня знания. Гузель Рифовна говорит, что знание – сила.

Геннадий улыбнулся:

– Какая у нас альтернатива зоопарку? Может быть эскимо? Или на «канатке» в Азию скатаемcя? – времени у него было в обрез, и зоопарк никак не вписывался в планы сегодняшнего дня.

– Уговорил! Два эскимо, а в зоопарк завтра, – деловито согласилась Дарья.

«Новое поколение подрастает, палец в рот не клади, – изумился он предприимчивости дочери. – На что же придётся обменивать зоопарк завтра?»

Но вслух, радуясь отсрочке в сотый раз любоваться на павлина, обезьяну и попугая, сказал, пристёгивая крепления детского кресла:

– Что же, вперёд, мой надёжный штурман!

– Вперёд, мой капитан!

Угостив дочь мороженым и уговорив её поделиться вторым с мамой, Геннадий заехал домой, передавая полномочия Наталье, которая поджидала их на лавочке у подъезда.

– Мама, ты завтра пойдёшь с нами в зоопарк? – забыв ранец со знаниями в машине, Дашка бросилась к матери. – Мы тебе мороженое купили, ты ведь мне оставишь чуть-чуть укусить?

– Конечно. Хочешь, можешь поесть первой, а я потом укушу, – рассмеялась супруга.

Дочь повернулась и вопросительно посмотрела на него.

– Разбирайтесь сами, мне на работу пора, – сказал он жене, передавая ранец.

– Может пообедаете, кажется, есть немного времени?

– На работе перекушу, через полчаса «летучка» у редактора, – целуя супругу в щёку, Генка помахал дочурке рукой. – До вечера, Македонский!

Дочь в ответ, вместо воздушного поцелуя, показала ему «рокерскую козу».

«Летучка» уже началась, когда Геннадий приоткрыл дверь в кабинет редактора, тот, увидев его, замахал руками, предлагая поскорее найти себе место. Свободный стул оказался за дверью. «Ништяк, покемарю», – удовлетворился он местом на галёрке, но, как оказалось, дремать ему не пришлось. Первый вопрос был связан с местом размещения газетных материалов и его расследования, в первую очередь.

– Почему на шестой странице? – возмутился Генка, совершенно забыв, что утром вопрос состоял в том, а быть ли публикации статьи, в принципе.

– Не наглей, – махнул на него ладонью Иван Палыч. – Скажи спасибо, что... Размещаем тебя после дайджеста событий за неделю и перед обзором Игната Варанова. Так диссонанс будет менее заметен.

– А почему не на первой полосе? Это задаст тон всему номеру, иначе, статья потеряется в остальной мутотени, – выдал он версию местоположения своей статьи.

Все дружно повернули головы в его сторону и так же дружно загалдели по поводу обидного словечка, которым коллега обозначил плоды их труда за неделю.

Больше всех ярилась Изольда, в народе Зинаида, из отдела «Культурных событий»:

– То-то я смотрю все офисные стулья в репьях. Видимо, наш следопыт из засады притащил. Весь чапыжник у завода помял.

Ей вторил Джон Поликарпович, ведущий «забугорных вестей». Это было его родное имя. История умалчивает при каких обстоятельствах его им наградили, хотя коллеги частенько зло-словили по этому поводу. Сейчас он свирепо вращал зрачками и только повторял окончания предложений Зинаиды. Звучало как эхо и выглядело смешно:

– ... в репьях, ... притащил, ... помял.

Фотокор Викторыч вторым голосом подпевал из угла напротив:

– Ты попробуй уловить мгновение прекрасного, тогда говори. Я, может быть, ночами не сплю ради редкого кадра.

Никто в редакции не знал имя фотографа. Все обращались к нему по отчеству. Викторыч всегда был немного подшофе, как сам он объяснял: «быть в тонусе ради полёта мысли». Если бы присутствующих в кабинете спросили, кто раньше возник, Викторыч или «Жёлтый утёнок», думается, что предпочтение отдали первому.

Геннадий прикрылся дверью, показывая тем самым, что вступать в пустопорожние дебаты не намерен. Рассерженный хор коллег замолк с последним скрипом дверной петли. Примерно через полчаса, когда настало время распределения заданий на подготовку материалов к следующему номеру, снова вспомнили о нём.

– Слышу, слышу, – приоткрывая дверь, послужившую временной ширмой, отозвался он. – Можно я про зоопарк напишу?

– Почему про зоопарк? – Иван Палыч от недоумения приподнял очки на лоб. – Тебе надо договориться о встрече с Ершовым. Он на следующей неделе с «Гуслярами» в филармонию приезжает.

– И что я о нём напишу? Всё, что можно о нём узнать, рассказали в семидесятых. Кому он сейчас интересен? Вы мне ещё предложите про Людмилу Караклаич написать.

– Ты почему всё время против течения плывёшь? Ты забыл, на какую аудиторию мы работаем? – вкрадчивым шёпотом спросил редактор в неожиданно наступившей тишине, и сам себе ответил. – Мы пишем для людей среднего возраста и старше. А тех, кто балдеет от Моргенштерна и Niletto, давно в блогосфере утонули. Они нашу газету используют по..., не читают, одним словом.

При упоминании популярных молодёжных исполнителей, Геннадий сразу же вспомнил, как однажды, вернувшись с работы, застал Дашу танцующей перед экраном монитора. Он застыл в арке, невольно наблюдая за её движениями с наушниками на голове. С экрана пацанчик в шароварах, с голым торсом, сплошь забитым тату, выписывал ногами и руками забавные кренделя, при этом, то ли напевая, то ли проговаривая текст, в котором Генка не разобрал ни слова. Дочь, пытаясь подражать его движениям, в паузах громко вопила «ёёёёёоо» и разводила руки в сторону. «Поколение Пепси, – подумалось ему. – Когда-то и меня отец от Бутусова с Цоем оттаскивал».

Планёрка закончилась, и все начали потихоньку расходиться. Встревоженный улей работников пера плавно перетекал в коридор редакции, жужжание и шелестение постепенно стихли, и Геннадий выбрался из-за двери, направляясь на выход.

– Ты что сегодня про зоопарк вспоминал? – кинул вдогонку ему Иван Палыч.

– Да хотел приятное с полезным совместить. Дочь давно просится, а я время не могу выкроить, вот и подумал, дочь порадовать и репортаж о братьях наших меньших набросать. Думаю, что по интеллекту и поведению, они поразумнее будут, чем герои наших очерков. «Звёзды», блин.

– Слушай, в этом есть разумное зерно, – одобрительно откинулся в кресле редактор. – Давай на пятницу зверинец, а завтра ты всё-таки возьми интервью у Ершова. Представляешь: полоса – орангутан, полоса – певичка под пальмами. Или на развороте: крокодил и «акула бизнеса» из местных городских. Каковы аналогии?

– Там нет крокодилов, – заметил Геннадий. – Мартышки есть, птички всякие, тушканчики.

– Так это теперь твоя задача, с кем ты будешь сравнивать «звёзд шоу-биза».

Остаток дня прошёл в попытках примирения с уязвлёнными «членами дружного коллектива». Геннадий даже пошёл на жертву: сбегал в кулинарию на углу и прикупил бисквитный рулет с изумительным сливочным кремом. По его деньгам и количеству «обиженных ртов» этого чуда кулинарного искусства должно было хватить. Нужно знать журналистскую братию, их аппетиты и болевую точку, на которую нужно нажать, чтобы они простили его недавнюю словесную выходку.

Он почти угадал: запах свежей выпечки и ванили одним из первых совратили Викторыча. Он уже успел глотнуть стопочку для тонуса и в приподнятом настроении, не заставляя себя долго уговаривать, подвалил к столу. Размер отрезанного куса отчасти напугал Геннадия: «На всех может не хватить». Но фотокор, живая душа, пояснил свою жадность:

– А чем я вечером буду закусывать?

– Нет вопросов. Мир?

– Ты клёвый парень, Крокодил Гена, но тот ещё балабол. Конечно, мир.

Зина-Изоolda пришла последней. Она была на диете, но это не помешало ей забрать последний большой кусок, оставив Геннадию только измазанный кремом нож и упаковочную бумагу. Он зацепился за её толстенький короткий мизинец своим пальцем и со словами

«мирись, мирись и больше не дерись», удовлетворённо убедился, что коллеги закопали топор войны до следующего удобного случая.

Пара рабочих звонков, наброска подводок к предстоящему интервью завершили его рабочий день, и он, не заставляя себя упрасивать, быстренько ретировался.

Стоял чудесный майский вечер. Вряд ли кто не любит эту пору. Земля ещё отдавала прохладу, а прогретый солнечным теплом воздух был влажным и тёплым. Машина капризничала, чихала и фыркала, не желая заводиться.

– Когда ты уже поменяешь это ржавое корыто? – последним из редакции вышел Иван Палыч.

– Как поднимешь мне ставку, так сразу и поменяю, – огрызнулся Генка, возясь с аккумулятором.

– За завтрашнюю статью получишь премию и вместе поедem Мерседес покупать. Ты какой предпочитаешь? Трёхсотый? А может шестисотый? – в тон ему ответил Ванька.

Здесь, на улице, после работы, они были прежними закадычными друзьями. Таков был у них договор.

– Тебе помочь? – уже серьёзно спросил приятель.

– Да нет, сейчас заведётся. Конечно, надо бы заменить машину, но хочется с ипотекой побыстрее рассчитаться, – Геннадий сел за руль и включил зажигание. Машина словно поперхнулась, выбросила облачко сизого дыма и мерно застрекотала изношенным двигателем. – Пока! До завтра!

– Хорошего вечера, Наташу обнимай! – поднял руку Иван и направился к своей машине.

Он был хорошо знаком с Генкиной супругой, и она часто упоминала о благотворном влиянии начальника на мужа. Несколько раз они вместе выезжали на природу. Дочь любила играть с дядей Иваном, пока взрослые разводили костёр для шашлыков и ухи, Генка даже слегка ревновал жену к другу, так как семьи у того не было, но он, кажется, об этом не горевал и к этому не стремился.

В квартире пахло чем-то вкусным и пряным.

– Харчо! Кто будет харчо? – услышав стук входной двери, крикнула с кухни Наташа.

– Хочу харчо! – отозвался Геннадий. Прежде чем вымыть руки, он заглянул в детскую. Дочка завершала домашние задания. – Как дела у моей флибустьерши?

Даша повернулась:

– Папка приехал! Ты мне книжку считаешь?

– А я думал, что ты в школу пойдёшь, читать научишься и меня будешь просвещать. Нет?

– Ну пап! Ты же заснёшь, пока я читать буду.

– Скорее я засну, когда сам читать буду, – рассмеялся Геннадий. – Пошли ужинать, мамка замечательный супчик сварила.

– Гузель Рифовна звонила, снова приступ был. Может ей ингалятор с собой брать. Мало ли, что, – озабоченно сообщила Наталья, когда они поужинали, и Даша отправилась к телевизору.

– А что доктор говорит? – он помнил про предварительный диагноз дочери, признаки астмы проявились у неё в то время, когда злополучный завод установил новую печь для плавки металла.

– Надо снова записаться на приём. В прошлый раз он таких рекомендаций не делал. Может болезнь прогрессирует? Съездить бы куда летом, говорят, соляные воздушные ингаляции помогают.

– Давай обследоваться, а я на работе поговорю, может путёвку какую дадут.

Из зала раздался голос дочери:

– Пап, ты скоро? Я книжку приготовила.

Он перечитывал ей в четвёртый раз Астрид Линдгрэн. Это неудивительно, вся детская была заполнена рисунками, поделками, фигурками героев разного размера и фактуры из этой удивительной книги. Со шкафа свисали коротенькие ножки Карлсона, на стене у стола – огромный постер с фрекен Хильдур Бок, колоритной «домомучительницей», малыши во множественном количестве были рассованы по ящикам письменного стола, и, конечно, Матильда – плюшевая кошка, лежащая у изголовья.

Дочь забралась на кроватку, а он устроился рядом на полу:

– Пап, тебе удобно? Возьми Матильду под голову.

Геннадий развернул книгу и поправил выпавшую закладку. Он мог бы её не раскрывать, так как они знали содержание почти наизусть, но Дашке было важно, чтобы он не отступал от текста.

– «Фрекен Бок прервала Малыша, – Я сказала, отвечай – да или нет!

На простой вопрос всегда можно ответить «да» или «нет»,

по-моему, это не трудно», – Генка старался читать, подражая голосам героев детского спектакля, увиденного в детстве. «Домомучительнице» соответствовал голос актрисы Татьяны Пельтцер. Кажется, у Геннадия это неплохо получалось, поскольку Наташу к таинству чтения дочь не допускала

«Представь себе, трудно», – вмешался Карлсон голосом Спартака Мишулина.

«Я сейчас задам тебе простой вопрос, – продолжал он чтение на разные голоса, – и ты сама в этом убедишься. Вот, слушай! Ты перестала пить коньяк по утрам? Отвечай – да или нет?

У фрекен Бок перехватило дыхание, она хотела что-то сказать, но не могла вымолвить ни слова».

– Пап, ты спишь? – голос дочери вынудил его поднять к глазам выпавшую на колени книгу.

– Как же я могу спать, если я тебе читаю? – парировал Геннадий.

– А почему у тебя глаза закрытые? – не унималась Дарья.

– Мой юный слушатель, тебя что больше интересует, мои глаза или вопрос Карлсона Фрекен Бок? – обезоружил он бдительную Дашу вопросом на вопрос и продолжил чтение:

«Вот видишь! – сказал Карлсон с торжеством.

– Да, да, конечно, – убежденно заверил Малыш, которому так хотелось помочь ей.

– Нет! – закричала фрекен Бок.

Малыш покраснел и подхватил, чтобы ее поддержать, – нет, нет, не перестала!

– Жаль, – сказал Карлсон, – пьянство к добру не приводит!»

– Не пора ли вам на покой? – нарушила идиллию Наталья. – Девочка моя, завтра на занятия не встанешь.

На утро, доставив дочь в школу, Геннадий, прежде чем ехать в редакцию, решил заскочить на станцию обслуживания. Машина продолжала капризничать: «Пусть профессионалы опытным взглядом посмотрят». Очереди на СТО не было, и он заехал в первый свободный бокс. Мастера были незнакомые. Коротко объяснив суть проблемы, Генка присел неподалёку на старенькое кресло. Один из механиков сыпал скабрёзными анекдотами, второй, не переставая хохотал. Ему не очень понравилось слушать сальные шутки. «Лучше на улице свежим воздухом подышу». Он вышел, однако, воздух был совсем не свежим. «Сегодня особенно концентрированный запах. Когда же это закончится?» Геннадий вспомнил вчерашний вечерний разговор с Наташей. «Не забыть сегодня спросить про санаторий, вдруг чего выгорит». Дверь бокса приоткрылась, появилась голова шутника:

– Забирай свою ласточку.

– Что было?

– Бензонасос поменяли. В утиль её пора, иначе на неё работать будешь. Хочешь, покупателя поищем? – хитро улыбнулся вышедший «хохотун».

– Да нет, спасибо, – узнав цену ремонта, поморщился и рассчитался.

– А на чай с кофе? – уже без улыбки спросил знаток анекдотов.

– Пушкин добавит, – также серьёзно ответил Геннадий.

– Ну-ну, – процедил мастер, глядя вслед отъезжающей машине.

«Когда же мы из прорыва с деньгами выйдем? Вроде, и работаем оба, а концы с концами свести не можем, всю жизнь займы живём, – размышлял он по дороге в редакцию. – Если бы не ипотека, всё было бы значительно проще». Ему казалось, что последний год выплат тянулся как-то уж совсем медленно, и с каждым месяцем выкраивать необходимую сумму было всё сложнее и сложнее.

Припарковавшись у редакции, он взлетел по ступенькам: шеф не любил опозданий, но и несильно корил его за частые задержки.

«Странно, а где все?» Офис был пустым. Ему ничего не оставалось, как направиться к Ивану Палычу. Открыв дверь, Генка вздрогнул от потрясшего его крика, чередующегося с визгом и смехом, все выстроились в ряд и громко крича, указывали на него пальцем. Самое странное, что тоже самое делал редактор, что было ему не свойственно вовсе.

Геннадий опешил и замер в дверном проёме:

– Что тут у вас случилось, пока меня не было?

– Поздравляем! – хором проскандировали собравшиеся. Иван Палыч, как опытный дирижёр, взмахнул обеими руками, хор смолк, и он торжественно провозгласил:

– Всем премия в размере месячного оклада, Геннадию спецпремия за аналитическую статью. Только что звонили учредители: материал признан единогласно событием года! Ты не представляешь, все интернет-ресурсы разместили твой материал со ссылкой на наше издание, рекламщики рвут на части, в типографии заказали дополнительный выпуск. Невероятно: ещё два тиража плюсом выпускаем!

Геннадий осмысливал сказанное, пока все горячо обсуждали произошедшее. Он, конечно, не сомневался в успехе своего продукта, два месяца плотной работы в ущерб личному времени. И Наталья сетовала, что, мол, забыли, когда всей семьёй в кино ходили или на природу выбирались. А больше всего она опасалась, что ему, Генке, по «шапке настучат» за такие наезды, судя по всему, на серьёзную компанию и ежевечерне, до вчерашнего дня, обязательно за ужином вспоминала, как досталось ему пару раз за его журналистскую прыть и наглость.

«Ну ничего, теперь полегче станет и со временем, и с долгами. Вы ещё услышите про Крокодила Гену», – улыбнулся он про себя.

Геннадий почувствовал, кто-то теребит сзади за рукав. Рядом улыбался Викторич:

– Магарыч с тебя, герой! Хочешь я с тобой в следующий раз в разведку пойду. У меня и костюм есть маскировочный.

– Куда это ты собрался, папарацци? – насмешливо уточнил Генка.

– Как куда? Даже у Знаменского Томин был. Не говорю уже про Кибрит. А Анискин с Лютиковым? Ты, брат, не увиливай, в паре нужно работать.

– В паре пляшут, Викторич, и то, мужик с бабой, а работают в тандеме.

Подошёл Иван Палыч, приобнял:

– Поздравляю, чуть я тебя не загубил. Нюх теряю на сильную работу, но ты не зазнавайся, дуй к Ершову за интервью, а вечером по рюмке усугубим. Не против?

Геннадий кивнул. «Своих вечерами совсем не вижу. Наташка права, причина всегда найдётся, но по рюмке за успех предприятия надо выпить. Традиция».

Администратор филармонии проводил Геннадия до комнаты, где предполагалась встреча с художественным руководителем группы «Гусляры» Владимиром Ершовым. Когда-то легенда советского фолк-рока, а ныне постаревший, но с задором в выцветших глазах, душа и стержень

творческого музыкального коллектива, зашёл следом. Геннадий отметил его импозантность, но, вместе с тем, простоту в общении и знакомстве. Они поздоровались:

– Слышал о вашем издании, а сегодня услышал и о Вас. Забавно...

– Что, простите? – переспросил Геннадий.

– Забавно, что в такой, простите, легкомысленной газете, работает такой талантливый журналист. Что Вы там делаете? Уровень Вашей статьи и по стилистике, и по содержанию, никак не ниже столичного. Вам надо расти, молодой человек.

– Спасибо. Мне приятно услышать от Вас такую высокую оценку моей работы. Мне тоже забавно, что мы, как будто, поменялись ролями. Кто же будет брать интервью?

Оба рассмеялись после обмена любезностями.

Ершов всё больше производил на Геннадия приятное впечатление: вдумчивый, с тонким чувством юмора и серьёзным опытом организаторской работы, он оказался потрясающим собеседником. Где нужно – экспрессивный, порой сдержанный, но всегда с примерами и иллюстрациями, раскрывающими историю взлёта, рассвета и заката «Гусляров».

– С другой стороны, почему «заката» группы? Мы востребованы, гастрольный тур расписан на год вперёд. Обновили коллектив, часть ветеранов ушла на заслуженный отдых, пришли молодые талантливые ребята. Перед поездкой к вам приняли клавишника, пробуем нового вокалиста. Конечно, не собираем стадионы, как прежде, но на хлеб с маслом хватает, да и бывших членов коллектива материально поддерживаем. Впрочем, какие они бывшие, все продолжают работать на популярность группы: консультируют, советуют, новые песни пишут.

– Некоторые ансамбли, в отличие от вашего, сошли на нет. В чём успех творческого долголетия? – поинтересовался Геннадий. Он в чём-то слегка завидовал этому молодавому седоволосому человеку. Возможно, его свободе в рассуждениях и поступках, а, быть может, умению скрыть те преграды и трудности, которые стоят на пути любого человека, любящего своё дело.

Ершов ответил не раздумывая, видимо, он знал об этом секрете значительно раньше, чем прозвучал вопрос.

– Мы не стесняемся учиться у молодых, у тех, кто сегодня на волне популярности и зрительского успеха. Это важно. Вместе с тем, сохраняем неизменным стержень, нашу народную самобытность. Если бы мы застряли в семидесятых, тупо тиражируя давний успех, то давно бы распались. К слову, такие риски были. Нужно чувствовать дух нынешнего времени, актуальные запросы, к тому же, мы популяризируем своё творчество через мессенджеры, социальные группы. У нас внушительное число подписчиков в Тик-Токе, Инстаграме, среди них много молодёжи.

Геннадий, увлечённо слушал. Когда-то он был ярым поклонником этого коллектива за неподражаемые аранжировки, смелые технические прорывы в звучании музыкальных инструментов. Он спросил об этом: продолжается ли поиск?

Музыкант задумался ненадолго:

– Не важно, как и на чём мы играем, красоты при подаче той или иной вещи сами по себе ничего не значат. Важно, какие эмоции мы пробуждаем у своих слушателей. Это ведь имеет значение и в Вашей профессии журналиста, не так ли?

Геннадий согласился и поблагодарил собеседника за содержательный разговор.

– А давайте так поступим: приходите на наш концерт в выходные. Женаты? Вот всей семьёй и приходите, сами всё увидите, а после этого и интервью напишите, – Ершов протянул ему пригласительные. – Рад знакомству.

Они тепло попрощались, и Геннадий поспешил по своим делам. День прошёл на подъёме, а оттого, быстро и продуктивно. Вечером с коллегами по цеху они отметили накоротке успех свежего выпуска еженедельника. Дизайнер на радостях предложила свои услуги по ребрендингу обложки, где в левом верхнем углу красовался их жёлтый талисман. Кто-то предло-

жил нацепить на утёнка корону, другие пожелали повесить медаль, подобно советским газетам с правительственными наградами на первой странице. Иван Палыч пошутил по поводу наготы «желтка» и высказал пожелание нацепить на питомца трусы. Слушая этот весёлый трёп, Генка думал, как же здорово, что он, среди близких по духу людей, делает работу, которая ему нравится. Как хороша жизнь, и сколько приятных моментов его ждет впереди.

Уже подходя к дому, он вдруг вспомнил, что совсем запамятовал поговорить с начальством по поводу санатория. «Ладно, завтра поговорю, а сегодня дочь порадую предстоящим походом в зоопарк».

Наташа встретила его взволнованно на пороге:

– Даша нехорошо себя чувствует. Приступ был, синяя вся стала. Сейчас подышали лазолваном через небулайзер, полегче, кажется. Надо что-то делать.

Геннадий подошёл к кровати. Дочь лежала с закрытыми глазами, на щеках выступил нездоровый румянец. Он поправил край свисающего одеяла.

– Пап, мы в зоопарк пойдём? Ты обещал.

– На улице темно, звери спят.

Она слабо улыбнулась:

– Я не про сейчас. Завтра пойдём?

– Ну какой зоопарк? – вмешалась Наталья. – Завтра в больницу пойдём.

– А после больницы?

– Конечно пойдём, спи, – успокоил её Геннадий.

Он вышел из детской, погасив свет и оставив ночник, подошёл к окну: на фоне угасающего заката три столба тёмного дыма, сливаясь с заводскими трубами и напоминая гигантских червей, извиваясь тянулись к небу.

Ночь прошла спокойно. Ранним утром он пригнал машину, которую вчера оставил на стоянке возле редакции. Наташа уже заплетала косички дочери, и поэтому он успел сварить кофе и проглотить бутерброд. Поскольку сдавать анализы рекомендовали натошак, девчонки от завтрака отказались, и они отправились в поликлинику, расположенную в пяти кварталах от дома.

– Мне с вами сходить, – спросил Геннадий.

– Нет, управимся сами. Подожди нас, ага? – Наталья взяла Дашу за руку, и они направились к серому зданию, расположенному через дорогу.

«Хоть бы всё обошлось, – подумал он, глядя им в след. – Интересно, почему у нас все учреждения такие мрачные, что внутри, что снаружи? Всё в мышинный или блёклый безрадостный цвет: тут не только дети, взрослые будут бояться заходить. То ли дело новостройка детского сада на окраине города, причудливое смешение всех цветов, как палитра художника. И у воспитанников настроение будет соответственным. Надо эту тему Ивану предложить».

Геннадий снова взволнованно подумал о дочери. Написал он убойную статью, а трубы как дымили, так и дымят. Гена понимал, что одному не под силу пробить эту стену, скорее ему голову проломают. У него уже были инциденты, когда за резкие материалы крепко доставалось. Первый раз, на тёмном участке улицы, подло напали, ударив сзади обрезком металлической трубы, хорошо, что вскользь, но ухо заштопывать пришлось, да и рука плетью неделю висела. Повезло, что левая, тогда никого не нашли, но Геннадий догадывался, чьих рук это дело могло быть. Накануне вышла его статья о жульничестве в управляющей компании с любопытным названием на вывеске у входа в их контору: ООО «Обогреем». А главным прохвостом фельетона стал их начальник с не менее говорящей фамилией Свинюшкин. А вот второй случай был посерьёзней, с угрозами по телефону, машине колёса прокололи, а завершилось всё дракой в парке, если это можно считать дракой, когда четверо на одного. Он тогда в редакции допоздна задержался и решил путь до дома «срезать» через парк. Это место, днём оживлённое, а как стемнеет – безлюдное, давно славилось дурной репутацией. И чего его тогда туда

понесло? Хотя, как выяснилось, тем поздним вечером ждали они его вовсе не в парке, а караулили в скверике недалеко от редакции и, наверное, очень обрадовались, когда он им задачу упростил, отправляясь один по главной аллее городского парка. А когда догнали и окружили, куражиться начали. Генка не Рэмбо, конечно, но без боя сдаваться или умолять о пощаде не собирался. Во всяком случае, в подростковых драках он битым не был. В руках тогда, кроме дырокола, оказались ключи от машины, которые он крепко зажал между пальцев. Да и дырокол случайно у него оказался: жена попросила какие-то бумаги дома продырявить. «Бей первым, Фредди», – вспомнил он название старенького фильма и ударил. Дыроколом. Парень рухнул, сначала на колени, а потом боком завалился на газон. «Один против трёх и моё психическое превосходство». Да-да, оно было, именно, психическим. Это была жёсткая драка. Психология в таких делах – для «ботаников». Тот, что повыше оказался с длиннющими ногами и достал до живота. Несмотря на напряжённый пресс, Генка ощутил, что его «пробили». Согнувшись от боли, он машинально ударил наотмашь рукой с зажатými между пальцами ключами от автомобиля. «Попал», – удовлетворённо щёлкнуло в сознании, когда в лицо ударил брызги крови, а один из нападавших, зажав лицо руками, начал кататься по траве. Доли мгновения хватило одному из его недоброжелателей, пока Генка отвлёкся на третьего, в руках которого сверкнуло лезвие. Изображение в голове поплыло словно на экране телевизора в зоне неуверенного приёма. «Если упаду – убьют», – блеснуло в меркнушем сознании. Свет фар разворачивающейся машины патрульно-постовой службы спас ему тогда здоровье или даже жизнь. Он видел их позже на суде, правда, только трёх, тот, что познакомился с его канцелярским аксессуаром, продолжал лежать в больнице на излечении. Один из арестованной троицы, с перевязанное физиономией, с особой ненавистью зыркал на Генку свободным от бинтов глазом. Заказчика они сдали в тот же злополучный вечер. Генка слышал, что он уже освободился по УДО. А тем, что проверяли его на прочность, и вовсе дали «условку» ...

– Пап, мы пришли! – через дорогу спешили к нему дочка с Наташей.

– Ну что? – спросил он. Глубоко внутри склизкой медузой всплывало волнение.

Жена улыбнулась и постучала его ладонью по груди:

– Доктор сказал, что пока повода для серьёзного волнения нет. Результаты анализов будут в понедельник, тогда и уточнят диагноз. А так – послушал, постучал, сказал, что может быть возрастной фактор или аллергический, не исключил фактор стресса. Таблетки с сиропом купила, будем лечить.

– Пап, в зоопарк пошли!

– Нет, без меня, – отказалась Наталья. – Пойду домой, пирог к вашему приходу испеку, надолго не задерживайтесь.

– Сама же говоришь, что редко вместе бываем, – поддержал Геннадий дочь. – Мы тебе поможем начинку сделать, когда вернёмся

– В другой раз, – жена отмахнулась и поспешила к дому.

– Ладно, мама, скоро придём, только Кешку с Марусечкой проведем, – радостно отозвалась Дарья, утягивая его к машине.

Зоопарк встретил их задорной музыкой, льющейся из укрытых в листве деревьев динамиков. Совсем скоро людской ручеек посетителей превратится в разноцветный говорливый поток, состоящий преимущественно из детей и сопровождающих их взрослых.

Геннадий похлопал себя по карманам ветровки:

– Даш, мы с тобой что-то забыли.

Дочка наморщила лоб:

– Мороженое купить?

– И это тоже. Мы с тобой Марусечке орехи забыли взять.

– Эх, ну ничего, в следующий раз возьмём. Главное, мороженое не забыть, – рассудила Дарья, потянув его к толпе, где «распевался» известный всей городской детворе попугай Кеша.

Они подошли поближе. Дочь просочилась сквозь толпу зевак вплотную к Иннокентию, а Геннадий остался позади. Служитель зверинца, склонившись к попугаю, о чём-то тихо с ним разговаривал, а Кеша прислушивался, периодически топорщил перья на голове и почёсывал себя правой лапкой по затылку. Работник зоопарка достал коробок и осторожно почиркал спичкой о тёрку, что-то напевая ему при этом. Попугай прокашлялся и очень громко, почти не фальшивя, затянул:

– Огней так много золотых
На улицах Саратова,
Парней так много холостых,
А я люблю женатого...

Раздался громкий смех и восклицания окружающей птицу толпы. Это насторожило Иннокентия, и он озабоченно замолчал, поглядывая на служителя.

– Продолжай, Кеша. Можно.
Попугай поёрзал на жёрдочке, нахохлился и чистым фальцетом продолжил:
– Ох рано я завёл семью.
Печальная история.
Я от себя любовь таю,

А от тебя, – при этих словах птица повернулась и пристально посмотрела на стоящего рядом работника, – тем более...

Толпа стонала от смеха, Геннадию показалось, что взрослые хохотали громче и задорнее, чем дети. Добрая половина посетителей парка перетекла поближе к месту импровизированного концерта.

Воспользовавшись этим, он оттянул Дашу от клетки:

– Идём к Марусечке, она соскучилась.

Они отправились в гости к своей любимице макаке, которая обитала в противоположной стороне зверинца. Марусечка сегодня была не в духе. «Толпа большая, а орехов так мало бросают», – читалось в глазах обезьянки. Кто-то бросил банан, подобравшись к нему поближе, она поковыряла пальцем кожуру и отвернувшись, ушла в дальний угол вольера.

– Не в настроении, – раздалось из толпы.

Наконец, кто-то бросил грецкий орех. Макака оживилась, взяла в лапки металлическую миску, разогналась и, уже в воздухе, прыгнула в алюминиевую посудину. Чашка вместе с Марусечкой приземлилась на орех, раздался хруст ломаемой скорлупы. Обезьянка выбралась из миски, аккуратно приподняла её и, удовлетворённая плодами своего труда, восхищённо улыbnулась собравшимся, оскалив все имеющиеся у неё передние зубы.

Народ захлопал, обсуждая её находчивость.

Генка ещё раз пожалел, что не захватил орехи. «Сейчас бы дочь позабавилась». Он огляделся по сторонам. Под ногами валялся коричневый шарик керамзита, вполне похожий на орех. Подобрав его, Генка не раздумывая, за неимением лучшего, швырнул его обезьянке. Та, в свою очередь, используя проверенный приём, отошла в угол клетки, разбежалась и прыгнула в миску. Хрясть! Вместо привычного хруста раздался скрежет. Подняв посуду, она изумлённо обнаружила – шарик цел, попробовала гранулу керамзита на зуб и, наморщив лоб, отправилась в угол для нового разбега. Хрясть! Шарик керамзита оказался крепче ореха, чашка соскользнула с неподдающегося катышка, и обезьянка шлёпнулась на пол. Нужно было видеть ярость макаки, которая от досады запулила этой миской в прутья клетки. «Это она в меня целилась, – подумал Геннадий и ему стало стыдно. – Никогда никого не надо обманывать».

У вольера с павлинами было не столь многолюдно. Геннадий присел на лавочку, в надежде пообщаться с кем-нибудь, ради будущего репортажа. Павлинов выпустили на газон, и они важно расхаживали по окрестности, привлекая детишек красотой оперения и грациозностью поступи. Одно слово, царская птица. Даша отправилась на лужайку, а он остался наблю-

дать за двумя дедками, играющими в шахматы. Жёлтая панамка дочери мелькала среди десятка её сверстников, забавляющихся на зелёном пятачке луга между зарослями акации и старыми дубами.

– Сдаёшься, – спросил один из шахматистов.

Второй не отвечал, видимо, надеясь найти пути спасения от неминуемого мата. Геннадий внимательно всматривался в партию с желанием помочь слабому. Тот, кто предложил сдаться, потерял интерес к происходящему, так как был уверен в виктории:

– А знаете, молодой человек, что павлины умеют предсказывать беду?

Геннадий с удивлением посмотрел на собеседника:

– Каким же это образом?

– Да, да! Эта птица из южных мест, где водятся опасные звери: тигры, змеи, скорпионы...

Геннадий поискал глазами жёлтую панамку дочери и не увидел.

– А ещё они предсказывают грозу...

– Простите, я сейчас, – извинился он и поспешил к играющим на поляне детям. Рядом мирно гуляли павлины. Генка вышел на поляну, откуда открывался обзор на дальнюю часть парка, ещё не обустроенную, а оттого неуютную и неопрятную.

– Ребята, вы не видели девочку в жёлтой панамке?

Детишки отрицательно помахали головами, занятые какой-то детской игрой.

Он побежал туда, к заросшей дикой порослью изгороди, в надежде увидеть жёлтый головной убор. «Но она не могла так быстро туда пойти, даже если бы и бежала», – пульсировало в голове. Поняв, что он спешит не в ту сторону, Генка развернулся и бросился бегом назад.

– Даша! – крикнул он тревожно, сложив ладони рупором, но никто не отозвался, лишь с верхушек деревьев сорвалась стая испуганных птиц.

Неаполь – Рим. Италия. 21 – 22 июня 2023 г.

Решив пропустить завтрак, Андрей поспешил на вокзал и ближайшим рейсом отправился в Неаполь. Солнце слепило сквозь оконные стёкла вагона, и он, задернув шторку, принял удобную позу и прикрыл глаза.

Странная история двухнедельной давности приключилась с ними в тот вечер, когда они с Эльзой выехали из Паймио в Турку, чтобы сесть на паром до Стокгольма. Выехав на Королевскую дорогу, они мило болтали с ней о разных пустяках. Серебристая «Вольво» была приятна в управлении, легко входила в повороты и держала приличную скорость. Здесь на магистрали Е 18, практически не было ограничения, а обочины дороги были выгорожены высокой сеткой, дабы исключить выход диких зверей на автостраду, тем не менее, Андрей не разогнался, чтобы иметь возможность для маневра, хотя и любил быструю езду. Стереосистема давала чистый и сочный звук, словно музыканты Tusse пели за спиной, сидя на задних сиденьях:

– Вставай, живи и делай то, что имеет значение

В жизни есть что-то ещё, так что иди вперёд...

Эльза о чём-то задумалась, он потрепал её по колену, не отрывая взгляд от дороги. Она повернула к нему голову и улыбнулась:

– Если они тебя отправляют в командировку, то давай после возвращения слетаем в Австралию.

– Почему в Австралию? – удивился Орлов.

– Там тепло, – откликнулась мечтательно Эльза

– Там тепло, там моя мама, – засмеялся он.

– При чём здесь мама? Моя мама в Стокгольме, – жена нахмурила брови, она не всегда понимала его русский юмор и оттого сердилась, но делала это не всерьёз, а как-то по-детски, игрушечно.

– Забей, – он махнул рукой. – А может быть в Танзанию? Там тоже тепло, даже жарко. Возьмём hired car и объездим всю страну: Килиманджаро, Серенгети – экзотика.

Она внимательно на него посмотрела:

– Ты был в Занзибаре?

Андрей не ответил, та поездка ему дорого стоила, и он не хотел о ней вспоминать:

– Когда-нибудь я расскажу тебе про эту, не очень весёлую, историю.

– Тогда почему ты предлагаешь поехать туда?

– Когда-то, в юности, я прочитал книгу, и она мне жутко не понравилась. Я перечитал её спустя 20 лет, теперь она стала одной из самых любимых.

– Ты хочешь поселиться в Танзании? – Спросила Эльза, не понимая, к чему он клонит.

– Нет, -улыбнувшись, успокоил он её, – ни в коем разе. Я хочу ещё раз «прочитать» эту удивительную страну, чтобы изменить своё представление о ней.

– Кстати, ты мне не сказал, как надолго ты уезжаешь? – перевела разговор Эльза. Она всегда так делала, когда он говорил туманно или двусмысленно, возможно, считала, что Андрей должен сам пояснить смысл сказанного, либо не хотела выглядеть в его глазах чрезмерно любопытной. Это полностью устраивало его, так как в силу специфики работы некоторые обстоятельства он вынужден был держать в секрете, а иные, не предавать огласке.

– Почему ты молчишь? – переспросила она.

– Я не знаю, предполагаю, что это будет командировка, но Юрген не сообщил о причинах моего вызова. Возможно..., – он не успел окончить фразу, как на изгибе дороги с огромной скоростью белый «Мерседес», вильнув вправо, вынудил его уйти от столкновения и по ходу движения слететь с дороги под обочину. Резкий толчок вырвал руль из рук, и неуправляемая машина, подпрыгивая на неровностях, устремилась к деревьям. В последнее мгновение Орлову

удалось овладеть ситуацией и, чтобы избежать столкновения с деревом, он резко крутанул руль влево от себя, раздался хлопок подушек безопасности и противный пронзительный визг разрывающегося металла. Стало тихо, лишь тонко пищал зуммер, извещающий о какой-то неисправности. Сорвав подушку, он рванулся к Эльзе. Она вжалась в кресло, судорожно ухватившись за его правую руку, в паре сантиметров от её головы острой гильотиной хищно торчал, пробив лобовое стекло, угол крышки капота. Ледяная судорога волнообразно прокатилась по спине Андрея. «Всё будет хорошо», – прошептал он и отключился...

– Napoli. Grazie per essere stato con noi, – объявил невидимый диктор, и состав, слегка качнувшись, остановился у платформы Центрального вокзала. Андрей, кажется, слегка задремавший, встрепенулся и поспешил к выходу. Недолго размышляя, где же ему пообедать: здесь, на площади, в расположенных слева по ходу движения многочисленных закусочных или пойти к дому, где тётушка Бенедетта приготовит ему изумительно вкусную пасту и пару горячих городских новостей, он выбрал второе. Орлов быстро пересёк как всегда многолюдную в любое время дня площадь и не менее оживлённый перекрёсток и снова почувствовал на спине чей-то пристальный взгляд. Теперь это не показалось ему смешным, ведь Шефер говорил ему что-то на предмет осторожности.

Он свернул резко вправо и вошёл в первую встретившуюся на его пути дверь, это оказался бутик мужской обуви. Взяв с полки пару кроссовок, он подошёл к окну и оглядел вход в магазин, ничего необычного, разве что стоявший к нему спиной человек в светлой шляпе и потёртых джинсах, который выделялся среди снующих людей тем, что никуда не спешил.

– Scusatemi. Qualcosa per aiutare? – предложил свою помощь смотритель бутика.

– No? Grazie, – поблагодарил Андрей и поинтересовался нет ли в магазине другого выхода.

– Sì, – вежливо откликнулся молодой человек и проводил его к служебному ходу. Андрей оказался в каменном колодце, образованном тесно стоящими друг к другу домами, здесь, за парадным фасадом, текла своя, отличная от оживлённой улицы, мирная жизнь. Бельевые верёвки, увешенные разноцветными тряпками, тянулись от балкона одного дома к другому, их количество и расположение ярусов создавали ощущение карнавала и беззаботности текущего здесь времени. Откуда-то, из распахнутых окон верхних этажей лилась музыка, оживлённо обсуждали последние новости женщины на соседних балконах. Все эти краски и звуки сливались в один круговорот и падали вниз, создавая общую гармонию итальянского тенистого двора.

Миновав несколько похожих внутриквартальных площадок, Орлов вышел напрямик к дому, где снимал квартиру и, решив не подниматься вверх, занял местечко за столиком на веранде.

Принесли меню. По правде говоря, Андрей уже определился с тем, что он закажет. К пище Орлов относился прохладно, его мама в детстве пекла пироги, с которыми не сравнится ни одна выпечка в мире, а уж он знал в этом толк. Пироги были воздушными с начинкой из подмосковных грибов с помидорами, а ещё с яйцами и солёными огурцами, но больше всего Андрей любил её сладкие сдобы с маком или начинкой из свежих фруктов, посыпанные сахарной пудрой, они таяли во рту и ему казалось, что он мог умять целый поднос этих ароматных, с хрустящей корочкой, домашних булочек.

Андрей заказал пасту ditalini с маленькими толстенькими «напёрстками» в густом рыбном соусе, скорее, это была даже не паста, а густое первое блюдо, напоминающее ему борщ, который когда-то варила мама, а также, нарезку моцареллы буффало, стакан персикового сока и тарелочку с сфольятелла. За соседними столиками тихо вели беседы завсегдатаи этого уютного кафе. С некоторыми из них, он познакомился раньше, в прежние свои визиты в Неаполь.

– Mamma mia! – из подсобки выплыла тётушка Бенедетта и, широко раскинув руки, направилась к Андрею. На её лице сияла такая лучезарная улыбка, что можно было подумать

о предназначении её какому-то очень высокому и важному гостю, но нужно было знать неугодную пожилую итальянку, которая вот уже третий десяток лет хозяйничала в этом душевном заведении, названным её честь.

Андрей приподнялся, встречая хозяйку взаимной улыбкой и полупоклоном.

– Надолго в наши края?

– Планирую завтра уехать. Как Вы тут без меня?

– Много событий, – она выждала паузу, интригуя его и размышляя, какую из новостей подать первой, чтобы не остыло, а какую – на десерт. Андрей был благодарным слушателем, за что она его и ценила. – Сильвио мой заболел. Говорит, что у него депрессия. Вот скажи мне, разве есть такая болезнь? О, старый лгун. Ещё вчера он подкатывал к Доротее, этой, прости господи, вертихвостке, а сегодня лежит и стонет. Как ты думаешь, он поправится?

– Конечно, ты же знаешь, что я специалист по депрессиям, – смеясь ответил ей Андрей. – Но при одном условии, либо отпусти его на футбол, но обязательно одного, либо сходи с ним в оперу, но обязательно вдвоём. Да, чуть не забыл, в оперу приготовь ему лучший светлый костюм, помнишь, из тонкой шерсти. На следующий день всё как рукой снимет.

– Какой рукой? – не поняла тётушка.

– Ну, так говорят иногда, другими словами – болезнь пройдёт.

Она наклонилась к нему и заговорщицки зашептала:

– Твои советы нам всегда помогали. В знак благодарности прими от меня бабу. Ромовую, с абрикосовой пропиткой.

– А почему шёпотом? – тихо спросил Андрей.

– Что я тебе сейчас скажу, никто не должен слышать. Скоси глаза направо, но голову не поворачивай, видишь на углу дома через улицу бежевый «Фиат»? Так вот, один из этих молодцев тобою интересовался. Каморра чёртова, – горячо шептала она ему.

Андрей увидел у дома напротив припаркованный спортивный хэтчбек. Двое в солнцезащитных очках о чём-то разговаривали, третий сидел за рулём.

– Почему ты решила, что они мафиози?

– Э, я этих ублюдков за версту чую. Когда открывала ресторанчик натерпелась от них, – Бенедетта закатала рукав, показав шрам от пулевого ранения. – Живот показывать не буду, эти сукины дети даже пахнут по-особому.

– Чем?

– Смертью, – коротко ответила она. – Они были с утра, но тебя не было. И вот, подъехали минуту назад.

– Как ты их увидела? Они же, за твоей спиной, – потрясённо спросил Андрей. Казалось, что Орлов понял секрет её всезнания о том, что происходит в округе, и если бы она призналась, что может смотреть сквозь стены, то он бы не удивился.

Однако, секрет её «третьего глаза» оказался до неприличия прост. Бенедетта кивнула на зеркальное отражение стакана с соком, стоящего перед ним.

– Спасибо, дорогая тётушка, – он накрыл ладонями её натруженные руки.

Она кивнула:

– Если смываться надумаешь, то скутер на заднем дворе, ключи в замке. Наверно сейчас тебе не до бабы.

У него не было времени подниматься к себе, всё, что ему необходимо для отлёта, было в дорожной сумке. Правда, оторваться на мотороллере от спортивного автомобиля достаточно проблематично, и он решил подстраховаться. Старенькая Веспа стояла во внутреннем дворе под парусиновым тентом. Андрей передумал её заводить и быстрым шагом обогнул дом, выйдя на улицу с противоположной стороны. Поставив скутер на подножку, он пошёл к караулившей его машине. Как и предполагалось, за рулём остался только водитель. «Сладкая парочка», скорее всего, сейчас поднималась в его квартиру. Зайдя так, чтобы его не было видно в зер-

кало заднего обзора, Орлов достал из потайного кармана дорожной сумки тонкий стилет и осторожно вдавил в шину, убедившись в результате качественно выполненной работы: колесо автомобиля медленно опустилось на обод. Водитель в наушниках был поглощён поеданием чего-то вкусного из бумажного кулёчка, зажатого между коленями.

Андрей вернулся к скутеру и повернул ключ зажигания. Двигатель молчал. «Чёрт, этого ещё не хватало». Он приподнял сиденье, скрывающее моторный отсек. Ага, вот оно! Два свисающих провода были разомкнуты, скорее всего, тётушка Бенедетта использовала этот приём как противоугонное устройство, ведь вездесущие неаполитанские мальчишки всегда готовы опробовать такое демократическое транспортное средство в своих интересах.

Орлов поднял голову и увидел возвращающихся к машине преследователей. Они тоже заметили Андрея и побежали в его сторону. Скутер взревел и, заложив вираж, помчался по Корсо Умберто, удаляясь от погони. Он видел, как сорвался с места «Фиат» и помчался за ним. «Надо свернуть по Виа Колетта направо, иначе по прямой они меня быстро догонят», – подумал Андрей и оглянулся, машина повернула за ним, но неожиданно её начало бросать из стороны в сторону, и она, сбавив скорость, прижалась к краю проезжей части и остановилась.

«Ну и славно». У него не было задачи уезжать далеко от вокзала, он направился к площади Гарибальди, заложив круг по улице, ведущей к железнодорожной станции с противоположной стороны.

Скоростной экспресс Trenitalia готовился отправиться, когда Андрей, запыхавшийся от бега по платформе, вскочил в вагон. Жажда мучила его, но времени купить бутылочки воды не хватило, и он вспомнил нетронутый стакан с соком на столике у Бенедетты. «Господи, помоги мне правильно распоряжаться отпущенным временем. Почему так происходит, что большая его часть уходит в мусорную корзину? Ведь только из оставшихся разрозненных минут лепится то, что ведёт меня к цели. А может быть, цель ложная, или все эти годы я иду не туда и стремлюсь не к тому? Почему и от кого надо бежать? Кто эти люди и каковы их намерения?» Вопросы рождались и гасли в его голове, как беспокойный рой разбуженных ос. Он чувствовал, что в событиях последних дней есть что-то неестественное, что не укладывается в логическое построение его мыслей: странное поведение Эльзы, недосказанность Шефера, умело закамуфлированная авария, недавние преследователи, эта командировка, в конце концов.

Когда он очнулся в госпитале, куда его, как выяснилось позже, привезли после аварии, первый вопрос был об Эльзе. Средних лет медицинская сестра, подошла к кровати и пояснила, что с Эльзой всё хорошо, и она завершает обследование. Несколько успокоившись, Андрей поинтересовался, как долго был без чувств. Тем же ровным голосом ему пояснили, что он в больнице города Турку и чуть менее суток находился без сознания. Его озаботил, такой долгий промежуток времени в беспамятстве, и он снова спросил, всё ли с ним в порядке. Медсестра бесстрастно пояснила, что существенные травмы отсутствуют, но есть небольшие ушибы и ему придётся задержаться в связи с дополнительным исследованием внутренних органов дней на пять-шесть.

Однако Эльза не приходила, не пришла она и на следующий день. Орлов нашёл телефон в дорожной сумке, которая лежала на прикроватной тумбочке. «Абонент находится вне зоны доступа. перезвоните позже». Ничего не понимая, Андрей разыскал дежурную медсестру и попросил выдать ему одежду. «Не разрешено», – ответила она, даже не взглянув на него. «Кем не разрешено?» – удивился он, но женщина промолчала. Размышляя, что же ему делать дальше, он пошёл по длинному больничному коридору, освещённому тусклым призрачным светом. В самом конце, перед стеклянной дверью, Орлов увидел высокий белый стол, напоминающий стойку ресепшен, в противоположном углу разместилась зелёная зона: в зарослях декоративных тропических растений тихо журчала вода, скользящая по камням в миниатюрный водоём. За столом, освещаемом светом настольной лампы, сидел молодой человек, его лицо в свете мерцания монитора казалось безжизненным, и можно было подумать, что это был

манекен, но то, чем он занимался, свидетельствовало, что это был человек. Юноша вырезал ножницами из бумажной салфетки жёлтую снежинку. Не поднимая головы медленно, словно по слогам он проговорил: «Хорошо успокаивает, хотите попробовать». При этих словах молодой человек протянул ему ножницы и салфетку, которая свисала с руки и напоминала дохлую медузу. Предложение прозвучало так обыденно, как будто Андрей стоял рядом по меньшей мере час, а то и больше. Подражая собеседнику, он склонился над стойкой и прошептал: «Где я? Мне нужна одежда, я хочу уйти». «Вы в частной медицинской клинике, отсюда уйти невозможно. Не разрешено», – ответил молодой человек и продолжил своё занятие.

«Всё-таки надо было взять ножницы, – подумал вскипающий от негодования Орлов, но вслух произнёс зловеще, чётко и громко. – Я сейчас возьму этот стул и разнесу вашу богдельню к чертям собачим, если не получу ответа, где я нахожусь и одежду, чтобы уйти. Не советую испытывать моё терпение».

Неизвестно, что возымело действие: интонация, с которой он высказал свою угрозу, либо то, что он произнёс этот ультиматум, неожиданно для самого себя, на русском языке, перемежая ненормативной лексикой.

Неживое лицо его странного визави преобразилось, Андрею показалось, что оно радостно улыбнулось одними губами, но глаза продолжали оставаться холодными и безжизненными. Рука, сидящего за столом, потянулась к чему-то невидимому для Андрея, в то же мгновение дверь, застеклённая матовым стеклом, распахнулась, двое в тёмно-зелёных балахонах приблизились к нему и неожиданно, один из них приставил к шее нечто, раздалось шипение, щелчок и сознание угасло, подобно меркнушему экрану телевизора, если его обесточить...

Экспресс прибывал на железнодорожный вокзал Термини. Орлов решил не испытывать судьбу и побыстрее покинуть это людное, но не безопасное для него место. Он проследовал, не выходя на поверхность в метрополитен. Был час пик, и поток людей увлёк его на платформу. Кто-то сзади сильно толкнул его в бок, Андрей оглянулся и передвинул на грудь дорожную сумку: «Не хватало ещё лишиться её содержимого в этой толчее». Он знал, что это время – рай для римских карманников, а потому не имел привычки носить что-либо в карманах. Ему надо пройти вперёд к головному вагону, пропустить один состав и оглядеться: а нет ли за ним слежки или желающих поближе познакомиться. Прибывший состав проглотил солидную порцию отъезжающих, перрон ненадолго опустел, но тут же начал заполняться новыми пассажирами. «Нет, так я вряд ли определю своих соглядатаев». Андрей подошёл вплотную к стене у которой заканчивалась платформа, из чёрного жерла тоннеля тянуло сыростью и холодом. Он присел, делая вид, что завязывает шнурок, достал небольшое зеркальце и внимательно всмотрелся в толпу. Есть! Молодой итальянец, только что пристально смотревший на него, резко отвернулся. «Сейчас проверим, что нужно синьору». Дождавшись очередной состав, он убедился, что привлёкший его внимание юноша, не особо стремился уехать, и сделал пару шагов назад, в темноту подземного коридора. «Здесь должен быть выступ, а за ним ниша, и немного подождать». Нашупав сумку, Орлов вытянул стилет и замер. Через несколько секунд чернильный мрак тоннеля рассеялся: зрение адаптировалось к темноте, а чуть позже, он увидел приближающуюся тень. Когда незнакомец поравнялся с ним, резкая подсечка в область колена и одновременное удушающее движение левой руки в области шеи, разом завершили слабое сопротивление противника.

– Who sent it? – Андрей прошептал в ухо, и чтобы дать возможность ответить, слегка ослабил хватку. Он чувствовал, как наполняются воздухом лёгкие удерживаемого. «Пожалуй, достаточно».

– Who...?

Соперник, пытаясь покачать головой, потрясённо мычал.

– Chi ha mandato? – переспросил он на итальянском и, не дождавшись ответа, ткнул его указательным пальцем свободной руки в область чуть ниже шестого позвонка, в углубление борозды спинномозгового нерва.

Тело обмякло и сползло к ногам на бугристую поверхность бетонного покрытия. Андрей отряхнулся, убрал стилет в специально предназначенный отдел дорожной сумки. «Минут на пятнадцать хватит». А больше, чтобы оторваться от непрошенных спутников, ему и не нужно. Осторожно выглянув на ярко освещённую платформу, он дождался прибытия состава, когда внимание стоявших на перроне сосредоточилось на посадке в вагоны, вышел из укрытия и впрыгнул в переднюю дверь первого вагона, потом мгновение подождал и перед самым закрытием дверей покинул его, перейдя на противоположную сторону, где уже готовился к отправлению такой же состав. Андрей размышлял: ехать ли прямо сейчас в аэропорт или заночевать в итальянской столице, перспектива провести ночь в зале ожидания утреннего рейса на Москву не прельщала его. Остаться на ночлег в итальянской столице, означало обрекать себя на неоправданные риски, кто знает, что на уме у охотников за ним?

«Решено, полюбуюсь ночным Римом, а ближе к полуночи закажу такси до Фьюмичино, переночую и в аэропорт», – наметил он для себя алгоритм дальнейших действий, выходя на станции Барберини. В тёмном небе Вечного города, чуть подкрашенном затухающим закатом, висела полная луна. Свет уличных фонарей затмил мерцание звёзд, и величественный жёлтый диск полновластной властительницы ночного купола свидетельствовал только об одном: «Вы подо мной». Какофония звуков, издаваемых проезжающими вдали от этого квартала автомобилями, возгласы запоздавших туристов, шёпот ночного ветерка в кронах платанов – всё это и было голосом древнего мудрого города. Удивительно было осознавать, что много веков назад на это небо смотрели, подобно ему, Понтий Пилат и Нерон, по этим переулкам, вымощенным булыжником, отлакированным множеством ног, гуляли Плавт и Публий Овидий, а древние стены слышали призывные кличи гладиаторов и стоны жертв воинов Алариха.

Всякий раз возвращаясь сюда, он словно растворялся в атмосфере окружающих его красок, звуков и запахов, и сам становился свидетелем этой восхитительной истории взлёта и падения многих людей, городов, империй; он чувствовал себя частицей, молекулой на ночном перекрёстке пространства и времени.

На травертиновых ступенях у фонтана Треви сидели редкие посетители. Невидимые глазу струи падали вниз и маленькими морщинами разбегались по антрацитовый поверхности воды, редкие капли рождали порой искрящиеся гейзеры, тут же гаснущие в маслянистом отражении ночного неба.

Андрей присел, чтобы послушать эту незримую музыку воды и камня. Он любил такие мгновения, они помогали обрести ему душевное равновесие между прошлым и предстоящим. Статуи из глубины Триумфальной арки казались ожившими: причудливая игра отражённого света и теней, словно заставляли их двигаться, лишь величественный Океан, выдвинувшись вперёд, был холоден и неподвижен. «Ему по должности так положено», – мысленно улыбнулся Орлов.

Он посидел ещё немного, уходить не хотелось. «Что-то ждёт меня в поездке в отчие края», – всплыл в памяти фрагмент давно забытой песни. Андрей часто напевал Эльзе услышанные им в детстве мелодии. Она сама просила об этом, когда они вдвоём, укрывшись пледами, сидели у камина. Завывание вьюги за окном угадывалось только по колышущимся язычкам пламени и редкому стуку срываемого с верхушек сугробов снега в окно.

– Ты в низине родилась, в низине росла,
И в низине б тебе поискать ремесла, –
На крутом берегу все дороги круты, –
Беспокоюсь, боюсь: заплутаешься ты!..

Андрей помнил, как вечерами в московской квартире играла пластинка, как забавно мелькали изображения на бумажном кругляше в центре диска. Отец с матерью сидели на диване, держа друг друга за руки и подпевали Алле Йошпе, а потом он опускался на палас, расстеленный на полу гостиной, и засыпал под чарующие звуки неведомых ему инструментов...

Орлов поднялся, стало свежо. Набросив на плечи ветровку, он направился в сторону Замка Святого Ангела. Мост через Тибр к этому времени опустел, редкие прохожие спешили по домам. Андрей облокотился на перила моста. «Подумать только, этому строению почти две тысячи лет, а он продолжает служить людям. Наверняка, насмотрелся за это время на многое. Интересно, если бы человек имел возможность жить так долго, он, наверное, скончался бы не от старости, а от впечатлений. До встречи, дедушка Сан-Анджело, надеюсь, ещё увидимся».

Сойдя с моста, Орлов повернул налево, в направлении Собора Святого Петра, но пройдя несколько десятков метров, решил, что было бы правильным уйти парком Анриана, чуть правее Ватикана, чтобы сразу выйти к церкви святой Анны и стоянке такси неподалёку.

Визг автомобильных шин, разрывая тишину, ударил по перепонкам. Андрей, погруженный в красоту летней ночи, невольно отшатнулся, из мгновенно распахнувшихся дверей чёрного джипа выскочили двое. Расстояние было столь малым, что он едва успел среагировать на того, что слева, впечатав тому подошву ботинка в центр груди, успев оценить, как здорово это у него получилось. В тот же момент страшный удар сбил его с ног, сгруппировавшись, он успел откатиться с места падения, чтобы сориентироваться откуда ждать угрозы. Нападавший справа, полагая, что жертва беспомощна, вытащил из кармана плотно свёрнутый пакет, встряхнул его, и направился к лежащему Андрею. Краем глаза он увидел, как поднимается после его удара другой. «Они не намерены убить меня, тогда вопрос: зачем я им нужен?» Подпустив противника поближе, Орлов совершил прыжок, который знатоки брейк данса оценили бы как «ветряную мельницу», последовавшие за этим поочерёдные прямые удары в корпус сжатыми пальцами опрокинули нападавшего. Но Андрей совсем упустил из виду поднявшегося после его первого фронт-кика, неожиданный удар в область шеи снова свалил на четвереньки, а последующий удар в бок, по рёбрам, опрокинул его навзничь.

В попытке подняться он повернулся..., и, совершенно, напрасно, удушающий захват сзади без вариантов высвободиться: сознание медленно уплывало, напряжённые мышцы шеи уже не могли сопротивляться железной хватке противника, стремящегося его удушить. «Чёрт, как нелепо...», – розовая пелена застилала глаза, сумка со стилетом лежала поодаль, не дотянуться...

Сквозь мглу, наполнившую его мозг, он услышал зуммер: «звонок с того света?» Хватка, державшего его сзади, внезапно ослабла, Андрей, не имея сил подняться, хватал воздух ртом, но спазмы не позволяли сделать этого. Его вырвало, только после этого свежий воздух наполнил и расправил схлопнувшиеся лёгкие. Прокашлявшись, он поднялся и, покачиваясь на неверных ногах, огляделся, двое лежали ничком на асфальте, третий, державший в руках электрошокер, стоял рядом. Не веря глазам, Андрей качнулся в сторону и пристальней взглядев-шись, хрипло воскликнул:

– Тунисец?!

– Почему тунисец? Я итальянец, но родился в Иране.

– Дорогой ты мой иранец, – от избытка чувств он хотел обнять спасшего его от неопределённых последствий и невесть откуда взявшегося утреннего посланца от Шефера, но тот отстранился и потребовал вывернуть карманы.

– Зачем? – удивился Андрей. – У меня там ничего нет.

– Выворачивай, – с требовательной интонацией тихо произнёс иранец.

Ничего не понимая, он сунул руки в боковые карманы, пальцы нащупали в уголке одного из них что-то похожее на таблетку. Орлов осторожно вытянул её двумя пальцами, это была крохотная металлическая сфера.

– Что это?

– Давай! – мужчина протянул руку.

Андрей отдал железную горошину, иранец бросил её на землю и наступил каблуком:

– Прощай. И быстро уходи отсюда, – фигура спасителя растворилась в темноте парковых деревьев.

– Как зовут тебя, – крикнул он ему вслед, не надеясь на ответ, однако с противоположной стороны от того места, где скрылся незнакомец раздалось тихое:

– Друзья зовут меня Дестино ...

Когда он добрался до стоянки такси, часы на колокольне пробили полночь. «Словно новый день знаменует новую задачу на предстоящие недели». Андрей загадал, что если доберётся до аэропорта без приключений, то вся его дальнейшая поездка пройдёт без осложнений и ненужных проблем.

Ночная автострада до Фьюмичино была свободна, и уже через полчаса он был на месте. В небольшой гостинице у аэропорта, в которой часто останавливался раньше, Андрей снял одноместный номер и попросил принести в номер бутылку минеральной воды и стакан чая с лимоном: давняя жажда не давала покоя. Прежде чем принять душ, он погасил свет в номере и посмотрел на улицу, окна выходили во внутренний дворик. Не обнаружив ничего подозрительного, Орлов прошёл в ванную комнату. «Где они могли подбросить маячок? Пожалуй, в толчее метро, точно, кто-то ещё толкнул меня в бок, – вспоминал он, стоя под бодрящими струями холодной воды. – До самолёта восемь часов, надо встать в шесть, чтобы попасть на регистрацию». Андрей нарочито проговаривал себе эту установку, и она безупречно служила ему второй десяток лет, внутренний хронометр, «заведённый» ещё с армейской службы, работал чётко, без сбоя.

Он лёг в постель, ночные тени плыли по потолку причудливой чередой, погружая его в воспоминания минувших дней...

– Ну-с, молодой человек, как мы себя чувствуем? – кругленький, низкого роста человек в белом халате, буквально, вкатился в палату. – Что беспокоит? Пора Вам, мой друг, подумать о том, чтобы покинуть наше славное заведение, а Вы вдруг надумали у нас задержаться. Непорядок.

Завершив свою тираду, доктор противно захихикал и, поставив стул на середину комнаты, присел, смешно закинув ногу на ногу.

«Как ему это удалось при таких коротких ногах? Айболит хренов», – подумал Андрей, наблюдая за странным гостем. Однако, он ошибался, это был не гость по центру комнаты сидел хозяин клиники, специализирующейся на травматологических заболеваниях.

– Почему вы меня здесь удерживаете? Я хочу видеть свою жену, – глядя исподлобья и памятуя о ночных событиях, – потребовал Орлов.

– Помилуйте, кто же Вас держит? Прямо сейчас можете уйти, кстати, Эльза ждёт встречи с Вами за дверью, – ничуть не обидевшись застрекотал Айболит. – Ваше состояние стабилизировалось. Считал бы правильным, побыть у нас ещё дня два-три, дабы избежать посттравматических реакций, но, если настаиваете, удерживать не буду.

Андрею не понравилось, что этот бодрячок назвал Эльзу по имени: «Значит они знакомы, и она в курсе того, что с ним происходит и почему его ночью скрутили и вернули в палату».

– Позовите жену, – он сделал акцент на последнем слове, нарочито не назвав Эльзу по имени.

– Хорошо, хорошо, – толстячок подскочил со стула, потёр ладошки, словно собрался трапезничать, Андрею даже показалось, что у его собеседника сейчас потекут слюни. Однако, этого не произошло, и «белый халат» продолжил. – Я загляну к Вам сразу после общения с супругой, нам надо уточнить кое-какие обстоятельства.

В палату вошла Эльза и подошла к кровати, ему показалось, что жена недавно плакала: тёмные круги под глазами и тревога в глазах. Он приподнялся.

– Что с тобой? Как ты себя чувствуешь? – Андрей хотел взять в руки её ладони, но она отстранилась и присела на краешек стула.

– Я не заразный, – попытался он пошутить. – Вообще-то, у нас принято приносить больному апельсины в маленьком вязанном пакете. Авоська называется.

– Андрей, ты не понимаешь..., – Эльза подыскивала нужные слова. – Я сейчас уезжаю, мне надо побыть одной, если захочу тебя увидеть, то сообщу.

Она стремительно поднялась и вышла из комнаты, он хотел окликнуть её, но передумал. Сказать, что Орлов был обескуражен, не значило ничего, Андрей был потрясён. Видимо, он недостаточно хорошо знал свою Эльзу.

Запас стрессоустойчивости позволил ему отпустить её молча. «Значит, на то у жены есть весомые причины, придёт время – всё узнаю. Вот тебе и Занзибар. А сейчас надо понять, что им от меня нужно», – ему захотелось прилечь на кровать, голова слегка гудела, и привкус железа появился во рту.

За дверью послышались оживлённые голоса, снова вошёл доктор, в руках он держал папку:

– Так-с, а что это у нас такое нерадостное выражение лица?

– Вы не ответили на мой вопрос: почему меня здесь удерживают? – в свою очередь поинтересовался Андрей, правильное было бы сказать, потребовал ответить, но он не желал конфронтации и постарался вложить в вопрос максимум дружелюбия.

Доктор расценил стремление своего пациента к миролюбию и безмятежно спросил, оглядывая углы палаты, будто там кто-то прячется:

– Кто? Кто вас удерживает?

– Не знаю, – пожал плечами Орлов, – выскочили у дверей на выходе из коридора ниндзя какие-то, укололи в шею, скрутили и в кровать уложили.

Он излагал события вчерашнего ночного происшествия в той последовательности, которую помнил:

– И этот, с жёлтыми снежинками. Куда он их собрался клеить? Новый год давно прошёл.

– Молодой человек, – умилительно, словно жалея его, пропел «колобок», – в нашем коридоре нет дверей на выход, сообщение между этажами только на лифте или эскалаторе для персонала и тяжело больных.

– Как это нет, вчера были, а сегодня нет? Там у вас ещё летний садик в миниатюре, – возмутился Андрей и добавил, – с водопадом. Вам показать?

– Ну, если настаиваете? – улыбнулся доктор, выставя ладонь и пропуская его вперёд. Пока они шли по коридору, он тихо бормотал что-то про «артериовенозную мальформацию и аневризму, дефицит памяти и психическое расстройство».

Пройдя ещё несколько шагов, Орлов упёрся в стену. «Не понял, где ресепшен?» Он провёл по стене рукой, шершавая поверхность щекотала ладонь, повернувшись к доктору, спросил, глядя прямо в глаза:

– Вчера здесь стоял белый стол и зелёная зона ..., где они?

– Здесь никогда не было никаких столов, и в этом нет никакой надобности. Кого тут охранять? Тупик? Может быть, Вам всё-таки задержаться у нас, хотя бы на короткое время?

Андрей, ничего не сказав, обошёл доктора и зашагал в палату.

Вечером зашла медицинская сестра, всё также молча, сложила таблетки на прикроватную тумбочку и протянула стакан с водой. Он забросил капсулы в рот, сделал несколько глотков и лёг, но как только женщина вышла, выплюнул таблетки на ладонь, у него на вечер были другие планы. Ближе к полуночи, когда движение за дверью прекратилось, Орлов осторожно приоткрыл дверь и вышел в коридор. Одно из двух: либо они успели замести следы, хотя он

понимал, что это за одну ночь невозможно сделать, либо у него галлюцинации, и ему надо продолжать лечение. А как быть с Шефером? Он же ждёт его.

Всё так же призрачно отмечали его путь больничные светильники, пока Андрей добирался до злополучного тупика. Дойдя до конца коридора, он ещё раз огляделся: нет ни стола, ни двери, ни журчащего ручейка, посмотрел вверх – ничего, что привлекло бы его внимание. «Не бывает столь реалистичных видений, даже если разум затеял с ним неравную игру», – подумал Андрей и присел. В том месте, где, по его убеждению, стоял стол, он нащупал в напольном покрытии четыре явных углубления из-под стоявшего здесь ранее стола. Озноб пробежал по спине, хотя в помещении было душно, Орлов обратился к противоположной стене и провёл рукой, место неровности в штукатурке совпадало с ранее выступавшим из стены водопроводным краном. «Зачем им вводить меня в заблуждение? И как они ухитрились за столь короткий срок всё завуалировать? Надо уходить отсюда, чем быстрее, тем больше шансов на успех».

Неопределённость мучила и пугала одновременно. В противоположном крыле длинного коридора, равноудалённом от его палаты, горел слабый свет.

Осторожно ступая, Андрей двинулся туда, стараясь держаться стены, на которую не падало слабое свечение тусклых ламп.

Шкаф, стол, стул – ничего интересного, камеры слежения отсутствовали, на столе лежали папки с бумагами, перекидной календарь. На краю столешницы – органайзер: пара ручек, нож для бумаги и прилепленная к поверхности стола «напоминалка» о грядущем событии на завтрашний день... А какой у нас день завтра? Он внимательно посмотрел на календарь. Что?! Этого не может быть! Он пробыл здесь не двое суток, а две недели.

Дрожащими от возбуждения руками Орлов открыл ящик стола. Ключ! Наблюдая перед собой только одну замочную скважину, он не стал медлить. Дверца шкафа открылась. Сумка! Его дорожная сумка!

Внезапно послышались приближающиеся шаги. Стараясь не издавать шум, Андрей выхватил планшет и прикрыл дверь шкафа, возвращать ключ в ящик было поздно. Он метнулся в нишу, которая образовалась между мебелью и стеной.

Кто-то, невидимый ему, подошёл к столу, раздался скрип отодвигаемого стула. Через короткое время шелест бумаги сменился звуком выдвигаемого ящика, раздались глухие стуки. Судя по всему, в столе что-то искали, и наиболее вероятно, что объект поиска зажат сейчас в его руке. Наступила тишина, ночной гость поднялся и послышались удаляющиеся шаги, которые вскоре затихли.

Андрей вышел из своего сомнительного укрытия и, осторожно ступая, выглянул в коридор. Прямо ему в лицо глядели широко раскрытые глаза женщины, он схватил её за предплечье и рванул на себя, закрыв ладонью рот, и прижимая к стене.

– Мне нужно уйти, покажи, как это можно сделать? – Орлов ослабил хватку ладони у рта. Несмотря на приступ испуга, она отрицательно покачала головой. Продолжая удерживать её, Андрей дотянулся до стола, вытянул пластиковый нож и, приставив к горлу женщины, по слогам произнёс:

– Я вынужден буду убить тебя, если не поможешь мне, даже не сомневайся.

Его прошлый жизненный опыт позволял ему это сделать. Будучи мягким и спокойным по натуре, Орлов успел побывать в ситуации, когда цена его жизни была тождественна чьей-то смерти, и он всегда выбирал собственную жизнь. Кажется, она ему поверила, прочитав решимость в его глазах, прижатая к стене жертва, согласно кивнула головой.

Чуть позже, когда он, выпрыгнув из окна первого этажа, бежал среди деревьев, а за спиной, одно за другим, словно праздничная иллюминация, вспыхивали ярким светом окна серого приземистого здания, стало понятно, что для его невольной спасительницы долг оказался превыше всего. Возможно, это был её страх перед теми, чьё указание на его удержание было нарушено. На случай возможной погони, он резко сменил направление движения, уходя влево под

прямым углом, шум города удалялся, а с ним удалялся и порт, откуда он планировал изначально отбыть на пароме...

...Ровно в шесть утра Андрей проснулся, быстро умылся и спустя полчаса стоял у стойки регистрации на рейс. В зале отлёта, сквозь стеклянные витражи было видно, как к зелёному брюху Боинга подают трап. Что ждёт его там, на родине? Его интуиция молчала.

Ярославль. Июнь 2023 г.

«На белом поле чёрная муха осматривает свои мохнатые ножки. Сколько их у неё? Шесть, восемь? Лапки насекомого в постоянном движении, их трудно пересчитать. А зачем их надо пересчитывать? Раз, два, три, четыре, пять. Я иду тебя искать...». Начало детской считалки серой змейкой вползло в голову и, свернувшись клубком, улеглось в ней... «Интересно, стрекозы едят мух? У неё есть одна знакомая стрекоза. У неё зелёные глаза...»

«На сером поле жёлтый шар похожий на одуванчик. Хочется подуть на него, но это опасно. Маленькие яркие зонтики опадут и запорошат ей глаза, но, всё равно, хочется подуть. Ничего не происходит, а жёлтый шар немигающим глазом продолжает смотреть на неё. Зрачок этого глаза белый и продолговатый, как у кошки. Надо прикрыть веки, я не хочу, чтобы на меня так смотрели». Агата устало прикрыла глаза...

Комната с белыми стенами. Справа кровать, на ней кто-то лежит. Она понимает это по ровному дыханию лежащего по соседству. Агата скосила глаза вниз, в углу комнаты, у двери, большое тёмное пятно. Что это? Пытаясь сфокусировать взгляд, она поднимается на локтях. Следом за рукой тянется длинный прозрачный шнур, исчезающий в её локтевом сгибе. У двери кто-то стоит и смотрит на неё, у него узкие плечи, плащ, сапоги, кажется, резиновые. Почему сапоги резиновые, ведь сейчас зима? Она не может понять, что у него с руками, возможно, что он держит что-то над головой. Но что? Руки затекли. Она не может так долго всматриваться в незнакомца, но и не может снова откинуться на кровать. Что сейчас: день, ночь? Может быть позвать кого-то или разбудить лежащую на кровати?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.